КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ



Настанет время

Пол Уильям Андерсон

Аннотация
Пол Уильям Андерсон. Настанет время
ПРЕДИСЛОВИЕ
ГЛАВА 1
ГЛАВА 2
ГЛАВА 3
ГЛАВА 4
ГЛАВА 5
ГЛАВА 6
ГЛАВА 7
ГЛАВА 8
ГЛАВА 9
ГЛАВА 10
ГЛАВА 11
ГЛАВА 12
ГЛАВА 13
ГЛАВА 14
ГЛАВА 15
ГЛАВА 16

Аннотация

Романы известного американского писателя Пола Андерсона открывают перед читателями фантастический мир, герои которого перемещаются во времени, вступают в контакт с внеземными цивилизациями, ненавидят и любят, страдают и радуются.

Увлекательные сюжеты с машинами-убийцами, инопланетными чудовищами не оставят равнодушными ни детей, ни взрослых.

Пол Уильям Андерсон
Настанет время

ПРЕДИСЛОВИЕ

Успокойтесь, я не собираюсь утверждать, что вся эта история — истина. Во-первых, вы не поверите в это. Во-вторых, если под рассказом стоит мое имя, то ясно, что это развлекательная история — я ведь писатель, а не пророк. В-третьих, вся композиция этой истории придумана мною. Если возникали какие-то сомнения или были пробелы в массе заметок, вырезок, фотографий, воспоминаний, я заполнял их своим воображением. Разумеется, имена и названия городов мне приходилось изменять. Вообще мне многое пришлось досочинить.

И, наконец, я сам во все это не верю. О, конечно, мы можем вместе полистать старые газеты, журналы, ежегодники, официальные документы. Однако это займет очень много времени, а результаты, даже положительные, ничего не докажут. Так что сейчас нет смысла заниматься этим, перед нами стоят более важные и неотложные задачи.

В своем предисловии я задался целью рассказать немного о докторе Роберте Андерсоне. Эта

книга обязана своим появлением только ему. И в ней я старался сохранить стиль его речи, его дух.

Я многим обязан ему. Во многих своих романах я использовал его идеи, моими героями были люди, о которых он рассказывал часами, когда мы сидели вместе перед камином за бутылкой хорошего шерри, а в комнате тихо звучал Моцарт. Разумеется, все его рассказы я подверг литературной обработке, но основные идеи принадлежат ему. Однако он решительно отказался от своей доли в гонораре.

— Если тебе удастся продать это, — смеялся он, — то угости Карен обедом в самом экстравагантном ресторане и осуши бутылочку аквавита за меня.

Конечно, мы говорили еще о многом. В моей памяти сохранилось большинство наших разговоров. У него было очень развито чувство юмора. Рассказы, которыми он заваливал меня, в итоге сводились к шутке.

Но, с другой стороны, часть этих рассказов была довольно мрачной.

Несколько раз при наших встречах присутствовали его внуки, и я заметил, что та радость, которую он испытывал от общения с ними, порой неожиданно прерывалась глубокой печалью,

даже меланхолией. А когда я последний раз видел его и мы говорили о будущем, он внезапно воскликнул: «Несчастная молодежь! Наше с вами поколение прожило жизнь удивительно легка. Все, о чем приходилось нам думать, это о здоровье людей и о мире под солнцем. Но теперь история возвращается к своему нормальному течению, а нормальный климат Земли — это ледниковый».

Он поставил свой стакан на стол и вновь наполнил его дрожащей рукой.

— Выживут только самые стойкие и везучие. Остальные, остальные будут иметь то, что судьба предоставит им. Медик ведь всегда должен говорить правду, не так ли? — Он печально улыбнулся и изменил тему разговора.

В последние годы жизни Роберт Андерсон был по-прежнему стройным, немного сутулился, но сохранял прекрасную форму, которую постоянно поддерживал прогулками на велосипеде и крикетом. Его голубые глаза зорко смотрели из-за толстых стекол очков. Одежда и седые волосы всегда были в идеальном порядке. Говорил он медленно, особо важные места подчеркивая жестами руки, в которой держал трубку. Трубку он курил два раза в день. Держался он непринужденно и дружелюбно, но сам он был не менее

независим, чем его кот.

— В моем возрасте, — как-то заметил он, — для людей характерны старческие причуды. — Он улыбнулся. — Но я и сейчас отдаю предпочтение фактам. Вспомни, что я сказал, когда доживешь до моих лет.

Если посмотреть со стороны, жизнь его была спокойной. Родился он в Филадельфии в 1895 году в семье дальних родственников моего отца. Хотя наша семья имела корни в Скандинавии, отдельные ее представители жили в Штатах еще со времен гражданской войны. Однако ни я, ни он никогда не слышали друг о друге, пока один из его сыновей, интересовавшийся генеалогией, не узнал обо мне и не списался со мною. Затем он сам нанес мне визит и пригласил к себе вместе с женою.

Его отец был журналистом. В 1910 году он редактировал газету в маленьком городке на Среднем Западе, который он называл Сенлаком, Роберт Андерсон впоследствии говорил, что семья его была привержена к церкви и имела демократические взгляды. Андерсон получил медицинское образование, а потом началась первая мировая война. Его взяли в армию, но за океан он так и не попал. После выхода в отставку он продолжил

свое образование и получил степень доктора. Со временем он вернулся в Сенлак и женился на девушке, которая очень долго его ждала.

Работы у него, как и у любого доктора-практика, было много. А семейная жизнь складывалась довольно счастливо. Они с женой вырастили троих детей.

В 1955 году он бросил практику и много путешествовал с женой. Однако она умерла в 1958 году. Андерсон продал свой дом и купил поблизости небольшой коттедж. Теперь он путешествовал редко. Как он говорил, без Кэйт и путешествия не доставляют ему радости. И все же он сохранил живой интерес к окружающему.

Он рассказывал мне о народе, который я, а не он называл «маури», и рассказывал так, словно сам придумал этот народ, но у него не хватило умения воплотить все это в роман или повесть. Лет десять назад его состояние стало беспокоить меня, но потом все пришло в норму и он стал самим собою, хотя время от времени на него нападала какая-то хандра и он становился угрюмым, во всяком случае, без сомнения, он знал, что делает, когда вписал меня в свое завещание. Он завещал мне свои записи и воспоминания. И мне предоставлялось право использовать их так, как

я сочту нужным.

А затем совершенно неожиданно Роберт Андерсон умер во сне. Нам очень не хватает его сейчас.

ГЛАВА 1

Как известно, начало определяет конец хотя я ничего не могу сказать о происхождении Джека Хэйвига, кроме того, что я сам принял это в этом мире. Разве в холодное сентябрьское утро 1933 года кто-нибудь думал о генетических кодах, о теории Эйнштейна или о других высших материях, которыми занимались ученые боги на своих олимпах, или о силе тех стран, которые мы намеревались завоевать легко и просто. Я помню, как медленно и трудно он рождался. Это был первенец Элинор Хэйвиг, очень юной и миниатюрной. Мне очень не хотелось делать кесарево сечение. Может, это и было моей ошибкой, в результате которой она не рожала дважды от одного и того же мужа. Наконец маленькое сморщенное существо очутилось в моих ладонях. Я шлепнул его по заду, чтобы дать импульс для дыхания, и он негодующе закричал. А дальше все пошло, как обычно.

Роды происходили на третьем, верхнем этаже нашей больницы, расположенной на окраине города. Я снял свой халат и подошел к окну, откуда

открывался вид на город. Я видел скопления домов вдоль замерзшей реки — кирпичных в центре города и деревянных на окраинах, — элеватор, резервуар для воды возле железнодорожной станции. Дальше под серым небом виднелись низкие холмы, между которыми тут и там можно было рассмотреть фермы. А еще дальше темнели леса Моргана. Оконное стекло запотело от моего дыхания. От окна исходил холод, и дрожь пробежала по моему потному телу.

— Ну, что ж, — громко произнес я, — земля приветствует твое появление, Джон Франклин Хэйвиг. Надеюсь, жизнь будет для тебя приятной.

«Вообще-то ты выбрал для себя не самое удачное время появления на свет, — подумал я. — Мировая депрессия, висящая над всеми государствами, как тяжелое зимнее небо. Захват Японией Манчжурии в прошлом году. Марш голодных на Вашингтон. Похищение Линдберга… Этот год начался в том же духе: Адольф Гитлер стал канцлером Германии… Новый президент собирается поселиться в Белом доме. Отмена сухого закона почти неизбежна… В общем, в этом полушарии немного теплеет».

Я вышел в комнату ожидания. Томас Хэйвиг

вскочил с кресла. Это был человек, который не проявлял открыто свои чувства, но вопрос, мучивший его, трепетал на его губах, Я взял его руку.

— Поздравляю, Том. У тебя мальчик.

Мне пришлось почти на руках нести его вниз, в холл.

Об этом мне пришлось вспомнить несколько месяцев спустя.

Сенлак был коммерческим центром небольшого сельскохозяйственного района. В нем было также несколько предприятий легкой промышленности, работающих на местном сырье.

У меня не было выбора, и мне пришлось участвовать в политической жизни города, хотя я старался свести к минимуму свою активность и оставаться подальше от политических интриг. Поймите меня правильно. Это — мои люди. Я люблю их и даже восхищаюсь ими. Они и есть соль земли. Но человеку нужна не одна только соль.

У нас с Кэйт был очень маленький, но тесный кружок друзей. Банкир ее отца, который стал и моим банкиром. Я часто поддразнивая его, так как он считал себе демократом. Кроме того, одна леди, которая устроила у себя общественную библиотеку. Несколько профессоров из Холльерг-

Колледжа. Правда, они жили в сорока милях от нас, а в те времена это было достаточно серьезное расстояние. И Хэйвиги.

Они были уроженцами Новой Англии и немного домоседами. Сам он преподавал физику и химию в школе. Стройный, с острыми чертами лица, он был похож на тех, кого учил. Студенты очень любили его, к тому же он был неплохим футболистом, Элинор была более смуглая, живая, хорошо играла в теннис и занималась благотворительностью, считая, что каждый в этом мире должен приносить какую-то пользу.

Вот почему я был так удивлен, когда однажды она позвонила мне и попросила немедленно прийти. В ее голосе чувствовалась истерика.

В те времена квартиры врачей отличались от нынешних, особенно в провинциальных городах. Я переоборудовал две комнаты в большом старом доме, в котором мы жили. Одна из них предназначалась для собеседования, другая — для осмотра и лечения, в том числе и для небольших хирургических операций. У меня были фармацевт и секретарь. Кэйт помогала в различного рода бумажной работе. Оглядываясь сейчас назад, я понимаю, что основная ее работа заключалась в том, что она развлекала пациентов, ожидающих

приема. Свои обходы клиентов я делал по утрам.

Я прекрасно помню, что то утро было чрезвычайно жарким. На небе ни облачка, совершенное безветрие. Деревья, мимо которых я шел, обдавали жаром, как раскаленные зеленые печи. В чахлой тени деревьев стонали от жары собаки и дети. Ни одна птица не нарушала своим пением знойную тишину. Мною овладел страх. Элинор так выкрикнула имя своего Джонни, что мне было не по себе.

Когда я вошел в освежаемую вентиляторами полутьму ее дома, она кинулась ко мне, вся дрожа.

— Я сошла с ума. Боб? — спрашивала она снова и снова.

— Скажи мне, я сошла с ума?

— Спокойно, спокойно, — увещевал я ее. — Ты звонила Тому?

Том сейчас был на работе, которой занимался во время каникул, — контролировал качество продукции на небольшой кондитерской фабрике.

— Нет, я… я думала…

— Сядь, Элли. — Я оторвал ее руки от себя. — По-моему, ты вполне в своем уме. Может, ты перегрелась? Успокойся, расслабься, докрути головой. Вот так. Тебе уже лучше? Тогда расскажи,

что произошло.

— Джонни. Два Джонни. А потом снова один. — Она охнула. — ДРУГОЙ!

— Да? Элли, расскажи подробнее.

В глазах ее был ужас, когда она рассказывала мне свою историю.

— Я… я мыла его, когда услышала детский крик. Я подумала, что это на улице, но он как будто слышался из спальни… да, да, из спальни. Я завернула Джонни в полотенце — не могла же я оставить его в воде — и пошла посмотреть. И там, в колыбели своего мальчика, я увидела другого ребенка, голенького, уже мокрого. Он кричал и сучил ногами. Я была так удивлена, что… выронила своего ребенка. Я стояла над колыбелью, и он не мог упасть на пол. Но… Боб, он вообще не упал… он исчез… растворился в воздухе. Я инстинктивно попыталась схватить его, но ухватила только полотенце. Джонни исчез! Кажется, я потеряла на несколько секунд сознание. И когда очнулась, его не было.

— А другой мальчик?

— Он… он остался… мне кажется…

— Идем, посмотрим.

Оказавшись в спальне, я сказал:

— Ну что ж, здесь никого нет, кроме старого

доброго Джонни.

Она стиснула мою руку.

— Он как две капли воды похож на Джонни.

Ребенок уже успокоился и что-то довольно бормотал.

— Он совсем такой же, — говорила Элли. — Но это не Джонни.

— Элли, у тебя просто галлюцинации. Это и неудивительно, ведь сейчас так жарко, а ты еще слишком слаба.

До этого мне еще не встречались такие случаи. Все это было весьма необычно, особенно для такой уравновешенной женщины, как Элли. Но голое мой прозвучал уверенно, убедительно, не хуже, чем у медицинских светил.

Однако она успокоилась не полностью, и мне пришлось достать сертификат новорожденного и сравнить отпечатки рук и ног Джонни и этого младенца в колыбели. После этого я напоил Элли кофе, прописал ей тоник и вернулся к своей работе.

Через неделю я совершенно забыл об этом случае. В этот год наша единственная дочь схватила пневмонию и умерла сразу после того, как ей исполнилось два года.

Джонни Хэйвиг рос очень умным, впечатли-

тельным, но любил одиночество. Чем лучше он ходил и говорил, тем меньше проявлял склонности к общению. Он с большим удовольствием рисовал, лепил глиняных зверушек, пускал по реке кораблики. Элинор очень беспокоилась о нем, а Том был совершенно спокоен.

— Я был таким же, — говорил он. — Его ожидает ужасная юность, но, став взрослым, он будет вознагражден за это.

— Нужно внимательно смотреть за ним, — заявила Элинор. — Ты не знаешь, как часто он исчезает. О, это игра для него — прятки. Он прячется везде. Но когда-нибудь он найдет способ проникнуть через забор, и тогда… — Пальцы ее сжались. — Он может сбежать, Кризис наступил, когда Джонни исполнилось четыре года. Сначала он прекратил свои прятки, как бы поняв, что это беспокоит всех. Но затем однажды утром его не нашли в постели. Нигде не нашли. Полицейские, соседи, весь город искали его.

В полночь зазвонил звонок у двери. Элинор спала, приняв по моему настоянию снотворное. Том сидел за столом один и курия. Услышав звонок, он вскочил, повалив стул и уронив сигарету — пятно на ковре еще долго напоминало ему эту мучительную ночь, — и бросился к дверям.

На пороге стоял человек. Воротник пальто был поднят, широкие поля шляпы бросали тень на его лица. Но Тому было не до этого. Все его внимание было обращено на мальчика, которого человек держал за руку.

— Добрый вечер, сэр, — сказал приятный голос. — Не этого ли юного джентльмена вы разыскиваете?

И когда Том упал на колени перед сыном, схватил его, плача и пытаясь выговорить слова благодарности, человек исчез.

— Странно, — впоследствии говорил мне Том. — Ты знаешь, Эльм-стрит хорошо освещена. Даже бегом ее невозможно пересечь из конца в конец за минуту. Кроме того, заслышав топот ног бегущего человека, все собаки залаяли бы. Но когда я через минуту посмотрел на улицу, она была пуста.

Джонни ничего не сказал о том, где он был. Он извинился, обещал, что больше не будет, и пошел спать.

И действительно, больше он не убегал. Более того, его одиночество кончилось: он нашел себе друга, сына Данберов. Пит физически был лучше развит, чем Джонни, и далеко не дурак: сейчас он занимает довольно высокий пост в какой-то

фирме. Но Джон, как он потребовал, чтобы его теперь называли, верховодил во всем. Они играли в игры Джона, ходили на его любимые места на реке, а позже — в лес Моргана.

Мать Пита вздыхала в моем пропахшем лекарствами кабинете: «Мне кажется, Джон гораздо более мечтателен и впечатлителен, чем Пит. Весь мир для него полон контрастов. Это тревожит меня».

Шел уже второй год после его исчезновения, и я видел мальчика всего раза два во время обычных осмотров. Поэтому я был удивлен, когда Элинор позвонила мне и попросила встретиться, чтобы обсудить кое-что.

— Ты же знаешь, наш Том — истинный янки, — со смешком сказала она. — Он не разрешает мне обсуждать с врачом социальные проблемы, касающиеся нашего сына. — Смех ее был каким-то тревожным.

Я откинулся на спинку своего скрипучего кресла, сплел пальцы и спросил:

— Значит, ты говоришь, что он рассказывает о том, чего не может быть, но во что он абсолютно верит? В этом в общем-то нет ничего особенного. Обычное явление.

— Я думаю. Боб, — она нахмурилась, — что он

слишком много знает.

— Возможно. Особенно в свете того, что за последние месяцы он очень развился как физически, так и умственно. Однако у меня, как у врача-практика, давно сложилось убеждение, что «средний» и «нормальный» — не одно и то же… Хорошо. У Джона есть воображаемые партнеры?

Она попыталась улыбнуться:

— Да. Воображаемый дядя.

Я поднял брови:

— В самом деле? Это он сам сказал тебе?

— Нет. Разве дети рассказывают что-нибудь своим родителям? Я просто слышала, как он говорил Питу, что дядя приходит и берет его с собой в самые замечательные путешествия.

— А что за путешествия? В то королевство, о котором ты рассказывала? Где правит Леон Лев?

— Н-нет. Совсем другое. О Звериной стране он сам рассказывал мне, прекрасно сознавая, что это — чистая фантазия. Но путешествия с этим дядей… нет… они совсем другие. Все подробности, которые я подслушала, очень реалистичны. Например, визит в лагерь индейцев… Он рассказывал мне, чем занимаются индейцы, описал, как пахнет сохнущая кожа, догорающий костер… А в другой раз он говорил о полете на самолете.

Я могла бы понять, если бы он вообразил себе самолет величиной с дом, но его самолет без пропеллера, летит бесшумно и очень быстро. В самом самолете показывают фильмы. Цветные. Он даже говорил, как этот самолет называется — реактивный. Да, да, ре-ак-тив-ный.

— Ты боишься, что его воображение обгоняет развитие? — спросил я беззаботно. А когда она кивнула, проглотив комок в горле, я нагнулся и похлопал ее по руке. — Элли, воображение — это самое драгоценное, чем владеет ребенок. А способность воображать детали — вообще неоценимый дар. Твой сын не просто здоров. Он, может быть, гений. Постарайся не убить в нем это Я все еще верю, что был тогда прав. Ошибался, но был прав.

— Что же касается реактивного самолета и прочего, — заявил я тогда, — то я могу показать тебе десятки тайников, где они с Питом прячут книжки издательства Бака Роджерса.

Всем маленьким мальчикам приходит срок идти в школу. Настало это время и для Джона. Нет никаких сомнений, что он направился туда без особой охоты. Впрочем, как и все остальные дети. Кому охота сидеть в помещении, когда вокруг столько интересных дел? Однако учился

он прекрасно. И особенно его захватила история. «Звезда пролетала поблизости от Солнца и выпустила облако огненного газа, который и стал планетами… Ключевые периоды мировой цивилизации — это Египет, Греция, Рим, средние века и наше время, которое началось в 1492 году…»

Круг его друзей расширялся. Их родители сетовали: «Мой Билли на четыре года старше», «Мои Джимми и Стюарт младше Джонни на два и четыре года». На этом жизненном этапе такая разница в возрасте казалась непроходимой пропастью, и тем не менее Джонни умудрялся организовывать детей. Он вообще обладал организаторскими способностями. Например, Элинор полностью доверяла ему подготовку празднования дня рождения Тома.

На восьмом году жизни он испытал новое ощущение. Два старших мальчика из другого района города решили, что будет весьма забавно, если они подстерегут кого-нибудь из детей по дороге из школы и поколотят. В Сенлаке еще можно было найти тогда пустынные места.

Но им не повезло: они нарвались на Джона Хэйвига. Впоследствии они жаловались, что Джон созвал целую армию ребят себе на помощь. Когда эти двое пожаловались своим родителям,

то получили хорошую трепку. «Болваны всегда трусят», — сказали отцы сыновьям.

Долгое время после этого на Джонни все смотрели с обожанием и трепетом, хотя он отказывался рассказать подробности сражения. Прошло время, и этот инцидент канул в Лету. Это был год, когда пала Франция.

— Есть какие-нибудь новости о воображаемом дяде? — спросил я Элинор, когда мы оказались вместе на какой-то вечеринке. Я подошел к ней, чтобы избавиться от политических разговоров.

— Что? — недоуменно спросила она. Мы стояли на крыльце дома. Из освещенных окон слышался смех, разговоры. С площадки доносились удары игроков в крикет. Полная луна висела над часовней Холльерг-Колледжа.

— О, — проговорила она. — Ты имеешь в виду моего сына? Пет, ничего подобного. Ты был прав. Это прошло.

— Или он научился скрывать, — Это я подумал вслух.

Она была уязвлена.

— Значит, ты считаешь, что он не доверяет нам? Впрочем, да, он никогда не говорит нам ничего важного…

— Спокойно, — быстро сказал я. — Он во всем

следует своему отцу. Элли, не беспокойся, все будет хорошо. Лучше пойдем выпьем.

В моих записях точно указан день, когда Джек Хэйвиг — да, да, теперь его все стали называть Джеком — на время потерял над собой контроль.

Вторник, 14 апреля 1942 года. За день до этого Том Хэйвиг сделал гордое заявление своему сыну. До этого он ничего не говорил о своих надеждах, потому что не был уверен, что они сбудутся. И вот счастливый для него день настал. Школа приняла его отставку, а армия зачислила в свои ряды.

Несомненно, он мог бы остаться. Ему было больше тридцати лет, он был учителем. По правде говоря, он лучше служил бы стране, если бы остался. По крестовый поход был объявлен, полетели дикие гуси, и тень смерти нависла над крышами Сенлака. Даже я, человек средних лет, и то рассматривал возможность надеть форму. Но меня не взяли.

Звонок Элинор поднял меня с постели еще до рассвета.

— Боб, приезжай! Прямо сейчас, пожалуйста! Джонни! Он в истерике! Хуже чем в истерике. Я боюсь… Мозговая лихорадка… Боб, приезжай!

Я поспешил и вскоре сжимал худенькое тело мальчика, пытаясь понять его выкрики, сделать

инъекцию. До моего приезда Джек кричал, вешался на шею отца, расцарапал себя до крови, бился головой о стенку.

— Папа! Папа, не уезжай! Они убьют тебя! Я знаю, я знаю! Я видел! Я видел, как возле этого окна плачет мама! Папа, папа! Не уезжай!

Я держал его под действием лекарств почти целую неделю. Именно столько времени потребовалось, чтобы успокоить его. И до самого мая он оставался тихим и бессловесным. Это была совершенно ненормальная реакция. Другие дети гордились своими отцами, рассказывая друг дружке об их истинных и выдуманных военных подвигах. Джек был не таким. Постепенно он оправился и вернулся к занятиям в школе. Все свое свободное время он воображал, что находится рядом с Томом. И он писал ему письма каждый день, писал отцу, который был убит в Италии 6 августа 1943 года.

ГЛАВА 2

Ни один доктор не мог бы перенести своих профессиональных неудач, если бы у него не было удач. Джек Хэйвиг был несомненной удачей. Пусть я не смог помочь ему как врач, зато помог как человек. Опыт позволил мне увидеть это. Я понял, что мальчик очень страдает.

В 1942 году в восточных штатах бензин еще не был ограничен. Я распределил между коллегами свою практику, а когда кончились занятия в школе, мы с Биллом отправились в путешествие. И взяли с собой Джека.

В Миннесота-Эрроухэд мы наняли лодку и отправились в первозданную дикость озер, речек и ручьев, которые простирались вплоть до Канады. Целый, месяц мы были предоставлены самим себе: я, мой тринадцатилетний сын и этот мальчик, которому, как я думал, было девять лет.

Это была страна москитов и дождей. Грести против течения — очень трудная работа, и это к лучшему. Чтобы устроить лагерь и приготовить пищу, тоже требовались значительные усилия. Джеку нужны были трудности, он должен был

работать до изнеможения. Прошло несколько дней, и природа начала излечивать его.

Восхитительные рассветы, легкий холод по ночам, воздушная рябь на поверхности воды, пение птиц, шелест листьев, ароматы леса, белки, бравшие пищу прямо из рук, неохотно удалявшиеся лани… Однажды даже появился медведь, и мы почтительно уступили ему свое места. Закаты солнца, которые мы наблюдали сквозь тучи стремительно кружащихся летучих мышей, сумрак, костер, рассказы, ребячье удивление Билла, впервые видевшего все это, спальный мешок, звездное небо… Из всего этого Джек должен был заключить, как огромен мир и насколько ничтожны в нем мы со своими радостями и горестями.

Такова была основа для излечения.

Когда мы вернулись, я сделал ошибку. Я сказал ему:

— Надеюсь, Джек, теперь ты понял, что все твои страхи за папу — плод твоего воображения. Предсказать будущее невозможно.

Он побледнел, повернулся и убежал от меня. Я затратил несколько недель, чтобы снова добиться его доверяя.

И то не полностью. Он не доверял мне ничего, кроме мыслей и надежд самого обычного маль-

чика. Я больше не поднимал вопрос о его отце. Он — тоже. Но, насколько позволяли мне время и обстоятельства, я старался понемногу заменять ему отца.

Пока шла война, мы не предпринимали больших путешествий. Однако у нас всегда были под рукой деревенские дороги для пеших прогулок, лес Моргана для пикников, река для рыбной ловли и плавания. Недалеко было также озеро Виннего с моей маленькой лодкой. Он часто приходил в мою мастерскую при гараже и мастерил там кормушки для птиц и всякие мелочи. Мы могли разговаривать там.

Я уверен, что к тому времени, когда пришло известие о гибели Тома, Джек уже обрел спокойствие. Все были уверены в том, что его предвидение было чистой случайностью, игрой воображения.

Элинор начала работать в библиотеке плюс несколько часов в неделю в госпитале. Вдовство потрясло ее. Долгое время она была подавленной и необщительной. Кэйт и я старались вытаскивать ее на люди, но она чаще отклоняла предложения, чем принимала их.

А когда она наконец покинула свою раковину, то оказалась в кругу людей, которые раньше

не были ее друзьями. Я не удержался, чтобы не заметить:

— Ты знаешь, Элли, я рад, что ты снова в обществе. Но, прости, меня удивляют твои новые друзья.

Она покраснела и, отвернувшись, тихо сказала:

— Да.

— Хорошие люди, конечно. Но их нельзя назвать интеллигентными, верно?

— Д-да… — Она выпрямилась в кресле. — Боб, будем честными. Я не хочу умирать, хотя бы из-за того, что у меня еще есть Джек, есть ты. Но я не хочу быть и погребенной заживо, как это было со мною зги два года. Вы все… с кем мы раньше… вы все женаты.

И я прекратил бесполезный разговор. Она все равно не поняла бы, насколько чужды ей эти новые друзья, громко смеющиеся, громко разговаривающие, с чисто практическим умом, насколько далеки они от Джека, как глубоко он презирает их.

Ему было уже двенадцать лет, когда два атомных взрыва уничтожили два города и вместе с ними остатки девственности человечества. Хотя развитие мальчишки утратило прежнюю

скорость, он все же намного опережал своих сверстников. И это укрепило вакуум, который он сам создал вокруг себя. Больше у него не было близких друзей. Вежливо, но твердо Джек отклонял любые попытки сблизиться с ним. Он учился — и учился хорошо, но свое свободное время проводил в одиночестве. Он читал много книг, в основном по истории, совершал далекие прогулки на велосипеде, рисовал или лепил из глины.

Но не могу назвать его угрюмым бирюком. Я уверен, что в будущем он стал бы нормальным человеком. Больше не завися от меня, он стал лучше относиться ко мне. Разница в возрасте между ним и Биллом теперь сгладилась, и в 1948 году они вместе с Джимом и Стюартом совершили путешествие в Северную Миннесоту.

Когда они вернулись, мой второй сын спросил меня:

— Отец, ты не знаешь, что мне почитать по философии?

— Что? — Я отложил газету. — Философия в тринадцать лет?

— А почему бы и нет? — Кэйт оторвалась от своего вышивания. — В Афинах он начал бы раньше.

— Ну что ж… Философия — это очень простран-

ная наука, Джим. Что именно тебя интересует?

— О… свободная воля… пространство… и все такое. Джек и Билл много говорили об этом во время путешествия.

Я узнал, что Билл, который теперь учился в колледже, начал было изображать из себя учителя, но очень скоро запутался в вопросах Джека. Как могла быть написана история Вселенной до того, как возникла сама Вселенная? Или: почему ты считаешь, что мы сами сделали свой выбор? А если нет, то как мы можем воздействовать на свое будущее?

Когда я спросил сына, что подарить ему на Рождество, он ответил:

— Что-нибудь, что помогло бы мне понять теорию относительности.

В 1949 году Элинор вторично вышла замуж. И выбор ее был катастрофическим.

Свен Биркелунд выглядел великолепно. Родители вывезли его из Норвегии, когда ему было три года, сейчас ему было сорок лет. Преуспевающий фермер с огромным хозяйством и прекрасным домом в десяти милях от города. Он был ветераном войны, недавно овдовел, и у него росли два сына — Свен, шестнадцати лет, и Гарольд, девяти лет. Огромный, рыжеволосый, громогласный, он

произвел на нас с Кэйт тягостное впечатление. Но он не был лишен и тяги к литературе: выписывал «Ридерс Дайджест», «Нейшнл Географик», «Кантри Джентльмен», читал книги, которые ему изредка попадались. Кроме того, он любил путешествовать и был опасным соперником в бизнесе.

И все же… Элинор… Она была полна жизни, а со времени смерти Тома прошло шесть лет.

Когда человек влюбляется, его бесполезно отговаривать. И мы с Кэйт не пытались. Мы были на свадьбе, поздравили молодых, пожелали всего самого лучшего. Более всего меня беспокоил Джек. Мальчик вырос замкнутым. Он двигался и говорил, как робот.

Теперь когда они переехали в новый дом, у Джека почти не было времени видеться со мною. Впоследствии он ничего не рассказывал о жизни там. Я тоже не спрашивал. Но рассудите сами: Элинор — приверженка епископальной церкви, Джек родился агностиком, Биркелунд был слепо верующим в Библию лютеранином. Элинор с Джеком привыкли к легкой городской пище, а Биркелунд и его сыновья обожали мясо и картошку. Том в свое время сделал из Элинор политического либерала. Биркелунд же, если

не занимался счетами, то слушал радио, а позже смотрел телевизор. По своим политическим взглядам это был ревностный и активный американский легионер и яростно поддерживая сенатора Джозефа Маккарти.

И так далее. Я не имею в виду, что Элинор была полностью разочарована. Уверен, что Биркелунд всячески старался завоевать ее уважение, но оставил эти попытки, когда потерпел поражение. Элинор скоро забеременела, и это несколько укрепило их союз, который по этой причине продлился чуть дольше.

Для Джека жизнь там была адом. Его новые братья, дубликаты своего отца, отрицательно отнеслись к его появлению в доме. Старший, интересы которого заключались в охоте и свиданиях с девушками, презирал его за то, что Джек не любил убивать животных и щупать девушек. Свен находил множество способов мучить его. И это было нетрудно, так как Джек был младше его и не мог защитить себя кулаками.

Джек страдал.

В конце 1950 года родилась Ингеборг. Биркелунд был разочарован, что родилась девочка, но все же шумно отпраздновал ее рождение. Все гости перепились, а Биркелунд неоднократно в

течение вечера говорил с громким смехом о своём намерении сделать сына, как только доктор разрешит.

Мы с Кэйт тоже были приглашены, но под благовидным предлогом отказались. Поэтому я не видел сам, а только слышал, что Джек покинул праздничный пир и как негодовал по этому поводу Биркелунд. Позже Джек рассказывал мне: «Когда те из гостей, которые еще могли двигаться, расползлись, он загнал меня в сарай и сказал, что сейчас будет вышибать из меня дерьмо. Я сказал, что, если он попытается, я убью его. Я не шутил, он понял это и рыча удалился. После этого мы перестали разговаривать. Я делая свою работу беспрекословно, но после обеда всегда уходил к себе».

Вот так.

Равновесие держалось до начала декабря. Что нарушило его, не знаю, да дело и не в этом. Как-то Элинор спросила Джека, думал ли он, в каком колледже собирается учиться. Биркелунд закричал: «Я не дам ни доллара на его учение, пусть служит стране, как служил я!»

Разыгралась ссора, после которой Элинор сбежала по лестнице в слезах.

На следующий день Джек исчез.

Он вернулся в конце января и не сказал ни слова, где был и что делал, только заявил, что, если Биркелунд будет вмешиваться в его дела, он убежит навсегда. Я уверен, что он завоевал себе право остаться в одиночестве, и никто не лез к нему. Следует сказать, что его поведение и внешность заметно изменились после этого исчезновения.

Снова все пришло в зыбкое равновесие. По через шесть недель, в воскресенье, Джек отправился на свою обычную прогулку и забыл запереть дверь в свою комнату. Гарольд заметил это, вошел, обшарил стол. И свою находку он сразу же принес к отцу. Это и стало концом.

Снег густой пеленой валил на землю. Все казалось серо-серебряным. На улице было удивительно тихо. Элинор сидела в гостиной и плакала.

— Боб, ты должен поговорить с ним, ты должен помочь ему снова… Что случилось, когда он убегал? Что он делал?

Кэйт обняла ее и прижала ее голову к себе.

— Ничего страшного, моя дорогая, — проговорила она. — Не беспокойся. Всегда помни, что Джек — сын Тома.

Я ходил взад и вперед по пушистому ковру. В комнате царил полумрак, так как мы не зажи-

гали свет.

— Давайте будем следовать фактам, — заговорил я более уверенно, чем чувствовал сам. — У Джека оказалась эта брошюрка, которую Свен назвал коммунистической пропагандой. Свен хотел позвать шерифа, прокурора, всех, кто мог бы заставить Джека сознаться, с кем он общался во время своего отсутствия. Ты выскочила из дома, взяла машину, встретила мальчика по дороге и привезла сюда.

— Да-да… Боб, я не могу больше здесь оставаться. Там Ингеборг… Свен будет разыскивать меня…

Я помолчал.

— Ты сказала, что выхватила эту брошюру?

— Я… — Элинор отстранилась от Кэйт и сказала сквозь слезы. — Теперь, когда нет вещественного доказательства, ему нет смысла звать полицейских.

— Могу я посмотреть это?

Она колебалась.

— Это… чепуха. Боб. Ничего важного. Джек ждет…

Он ждал в моем кабинете, пока мы разговаривали. Он прекрасно владел собой.

— Мы поговорим, — сказал я, — а пока Кэйт

напоит тебя кофе и покормит. Кроме того, я же должен знать, о чем говорить.

Она всхлипнула, кивнула и достала из сумочки несколько листов бумаги. Я устроился в своем любимом кресле, положил ногу на ногу, закурил трубку и стал читать.

Я прочел это дважды. И трижды. Я совершенно забыл о женщинах. Вот это. Здесь вы не найдете никаких загадок.

Но вернемся назад. Сейчас одиннадцатое марта 1951 года от Рождества Христова.

Гарри Трумэн стал президентом Соединенных Штатов, победив на выборах Томаса Дэйви плюс бывшего вице-президента, впоследствии имевшего мужество признаться, что его партия была перчаткой на руке Москвы, столицы Советского Союза, которая, как когда-то уверяло нас наше обожаемое ФБР, была столицей мировой демократии, нашим верным союзником в святой войне за вечный мир. Но теперь многое изменилось. Молодые американцы умирали в боях через пять с половиной лет после победы! И их убивали северокорейцы и китайцы. Меньше чем два года назад взорвалась первая русская атомная бомба. Чуть раньше образовалось НАТО, держащее под ружьем сотни дивизий. Многое из нас сейчас на-

ходились в каком-то эмоциональном параличе, мы вели обычную жизнь, но каждое мгновение ожидали, что разразится третья мировая война…

Да, я не мог осуждать Свена Биркелунда за его реакцию на этот документ.

Но я читал и все больше удивлялся.

Тот, кто написал это, прекрасно знал терминологию коммунистов — я сам кое-что подобное читал, хотя не был коммунистом и даже не сочувствовал им. А что же Джек?

Но вернемся назад. Попытаемся понять наш мир в 1951 году.

Мы прекрасно знали, что у нас, американцев, есть проблемы, но знали также, что при наличии времени и доброй воли мы разрешим их. Со временем люди всех рас, любого цвета кожи и вероисповедания будут жить бок о бок, вместе трудиться и вместе распевать песни. Дело «Браун против министерства образования» будет еще не скоро. Студенческие волнения происходят только в других странах, а у нас правительство беспокоится об апатии студентов. Французы в Индокитае чувствуют себя хозяевами и не испытывают заметных трудностей.

Только-только появились телевизоры, и мы обсуждаем последствия этого. Межконтинен-

тальные ядерные ракеты еще только разрабатываются, никто и представить не может себе, какое это грозное оружие. Много говорят о перенаселении, но эта тема скоро будет забыта. Пенициллин и ДДТ считаются друзьями человека. Смог пока что ощущается только в Лос-Анджелесе и иногда в Лондоне. Океан, бессмертный отец всего живого, навечно обречен принимать и хранить в себе отходы человечества. Космические полеты предполагаются только в будущем веке, хотя какой-то сумасшедший миллионер предложил финансировать этот проект. Компьютеров пока очень мало. Это настоящие мастодонты, сверкающие лампочками и очень дорогие. Если вы следите за научными новостями, то немного знаете о транзисторах я, может быть, даже мечтаете о дешевом карманном радиоприемнике в руках американца. Все противозачаточные средства чисто механические. Что-то говорят о генах, хромосомах. В общем, если человек не очутится в каменном веке, то ему суждено превратиться в машину.

Итак, переселитесь в год 1951, если можете, и прочтите, как прочел я, эту брошюру, на первой странице которой напечатано:

Джон Ф. Хэйвиг. 1970 год.

ГЛАВА 3

Словарь колледжа Уитхит

АКТИВИСТ — человек, борющийся за освобождение. Если это фашист, то он исповедует маккартизм.

АГРЕССИЯ — международная политика, проводимая фашистами.

ЧЕРНЫЙ — африканские жители, имеющие цвет кожи от коричневого до цвета слоновой кости. Не путать с КОРИЧНЕВЫЙ, КРАСНЫЙ, БЕЛЫЙ и ЖЕЛТЫЙ. Это слово заменяет первичное НЕГР, считающееся оскорблением.

БОМБЕЖКА — метод ведения войны путем сбрасывания с самолета взрывчатых веществ. Осужден за возможность уничтожения детей, стариков, женщин и других мирных жителей, как это произошло в Берлине, Гамбурге, Дрездене, Осаке, Токио и т. д.

КОРИЧНЕВЫЙ — выходец из Мексики. Происходит от цвета кожи. Не смешивать с ЧЕРНЫЙ, КРАСНЫЙ, БЕЛЫЙ, ЖЕЛТЫЙ.

ЖЕСТОКОСТЬ — любое действие, производимое полисменом. См. ниже; СВИНЬЯ.

ШОВИНИЗМ — уверенность любого БЕЛОГО, что его страна превыше всего.

ШОВИНИСТ — человек любой расы, национальности, пола, исповедующий шовинизм. Любой фашист — непременно шовинист.

КОЛОНИАЛИСТ — любой европеец или североамериканец, считающий, что имеет право сохранить в своей собственности территории вне его страны, если на них когда-то поселились его предки.

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ — замкнутый район, где содержатся люди, находящиеся в оппозиции к своему правительству или оккупационным силам. Ни одна прогрессивная страна или движение освобождения не используют концентрационные лагеря.

КОНФОРМИСТ — тот, кто принимает существующий порядок без лишних вопросов.

КОНСЕРВАТОР — см. АГРЕССИЯ, БОМБЕЖКА. ЖЕСТОКОСТЬ, ШОВИНИЗМ, КОЛОНИАЛИЗМ и т. д.

ПРЕСТУПНИК — фашист, в частности арестованный и наказанный.

ДЕМОКРАТИЯ — когда нация свободно выбирает свое правительство, выражающее волю народа.

РАЗВИТИЕ — в фашистских странах: создание военного потенциала для захвата чужих стран. В прогрессивных странах: использование естественных ресурсов для удовлетворения нужд народа.

ЭКОЛОГИЯ — наука, изучающая взаимодействие людей с окружающей средой.

ОСАДКИ — радиоактивные материалы, распространяющиеся в атмосфере и губительно воздействующие на здоровье людей.

ФАШИСТ — тот, кто делает все, чтобы обеспечить процветание Запада.

ГЕРОЙ — тот, кто рискует жизнью во имя прогресса.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПРАВА — все права людей на свободу. Не путать с правом на собственность — это изобретение западной идеологии.

ИМПЕРИАЛИСТ — человек, утверждающий, что любая западная страна имеет

право на свои заграничные территории.

ОСВОБОЖДЕНИЕ — свержение западных правительств, освобождение от западного влияния. Движение освобождения стремится создать народную республику.

ЛЮБОВЬ — чувство, которое могло бы разрешить все общечеловеческие проблемы.

ЖЕРТВА — человек, страдающий и умирающий во имя освобождения.

МАККАРТИЗМ — сокрушение политических противников путем ложного обвинения их в участии в коммунистическом заговоре.

НАЕМНИК — солдат, служащий за деньги чужому правительству.

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС — директорат военных я политических лидеров в США. Не путать с военными и индустриальными лидерами в СССР. Или в других народных республиках.

РАКЕТА — самонаводящееся устройство, способное доставлять к месту назначения взрывные устройства.

НАПАЛМ — желеобразный бензин.

Осужден всеми либеральными правительствами как жестокое оружие.

НОНКОНФОРМИСТ — тот, кто принимает все прогрессивные взгляды, не задавая лишних вопросов.

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ — оружие, в котором используется ядерная энергия. Применяется фашистскими правительствами для агрессии, а прогрессивными правительствами для достижения мира.

ОРГАНИЧЕСКИЙ — пища, для приготовления которой применяются только натуральные продукты, следовательно, в ней не содержится никаких вредных для здоровья людей веществ.

МИР — окончательное решение проблемы фашизма. Мирное сосуществование — фаза, предшествующая наступлению мира.

ПЛУТОКРАТ — гражданин республики, обладающий огромными богатствами, но отказывающийся разделить ее с бедными и использующий свое богатство для достижения власти. Не путать с Кеннеди.

БЕДНЫЙ — класс людей, имеющих меньше, чем все.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ — законное право людей на, то, что они получили или заработали законным способом.

РАСИСТ — белый человек, который не бежит тушить пожар, если горит дом черного.

РЕАКЦИОННЫЙ — не прогрессивный.

КРАСНЫЙ — происходящий от американских индейцев. Борющийся за освобождение.

РЕПРЕССИИ — подавление активистов, отказ предоставить им прессу, радио, ТВ. Не смешивать с действиями прогрессивных правительств против вмешательства реакционных элементов.

РЕСПУБЛИКА — страна, где политическую власть получают при помощи выборов, а не по наследству.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ — право этнической группы управлять самой собой. Например: Биафра, Восточный Пакистан, Гоа, Катанга, Синай, Тибет, Украина и пр.

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ — организация, использующая войска Швеции, Индии, Ирландии, Канады во всех частях света, чтобы способствовать самоопреде-

лению народов.

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН — поэтическая метафора для поражения реакционных сил. Неприменима в случае поражения прогрессивных сил.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ — движение, противоположное по смыслу мужскому движению «шовинизм».

КСЕНОФОБИЯ — недоверие к иностранцам.

ЖЕЛТЫЙ — выходец из Монголии или Восточной Азии и т. д.

ГЛАВА 4

Когда я вошел в свой кабинет, он показался мне чужим. Этот круглый стол, настольная лампа с гусиной шеей, обтянутое кожей кресло, шкаф с книгами, дипломы в рамках на стене. Через раскрытую дверь были видны шкафы с инструментами, многие из которых узнал бы даже Кох, — все это было вне времени, маленький островок в океане, который скоро будет смыт волнами веков. Я теперь знал, что в ближайшие десять лет мне придется бросить практику.

Снегопад усилился, сумрак стал гуще. Джек включил лампу, чтобы можно было читать журнал. Вокруг пятна света сгустились тени. Урчал радиатор. Он делал воздух теплым и сухим. Джек поднялся.

— Прошу простить меня за беспокойство, доктор Андерсон.

Я махнул ему рукой, чтобы он снова сел, устроился сам в кресле, достал табак для трубки. Я уже слишком много курил, но мои пальцы нуждались в действии.

Джек кивнул на брошюру, которую я положил

на стол.

— Как вы это находите? — ровным голосом спросил он.

Я стал протирать очки. Это был уже не тот мальчик, который знал, что потерял отца, и не юноша, отстаивающий право на личную жизнь перед своим приемным отцом. Нет, передо мной был взрослый человек с усталыми глазами.

Это были серые глаза на узком длинном лице с прямым носом. Темно-пепельные волосы, стройное тело (весь в Тома), рот с полными подвижными губами (от Элинор). Нет, это был Хэйвиг, я в этом не сомневался.

Он всегда одевался небрежно и сейчас был одет так, словно вернулся с прогулки в лес. Он был скорее насторожен, чем встревожен, и не сводил с меня глаз.

— Ну что ж, оригинально. — Я стал набивать трубку. — Правда, ты должен признать, что несколько необычно.

— Да, конечно. Это сувенир. Думаю, что мне не следовало приносить его сюда.

— Откуда? Где ты был, Джек?

— Так. Гулял.

Я вспомнил ответ того человека, который привел малыша к отцу. И вспомнил еще кое-что.

Я чиркнул спичкой, пламя показалось мне неожиданно сильным, затем я долго раскуривал трубку, пока вкус табака не заполнил мой рот. И только после этого я, смог заговорить.

— Послушай, Джек. У тебя будут неприятности. Еще больше — у твоей матери. — Такое начало удивило его. — Я ваш друг и хочу вам помочь. Но ты, черт побери, отказываешься помочь мне.

— Док, мне бы очень этого хотелось, — прошептал он.

Я похлопал рукой по брошюре.

— О'кей. Скажи мне, ты работаешь над научно-фантастическим романом, действие которого происходит в 1970 году, и это заготовки для твоего романа? Прекрасно. Я думаю, ты зря скрываешь это… Но дело твое. Все осложняется тем, что твоя брошюра напечатана. Ни одна фирма не станет печатать такое для частного лица. Только для организации. Что это за организация?

— Нет никакой организации. Только несколько друзей. — Он весь напрягся. — Всего несколько среди громадного стада свиней.

Я встал:

— Как насчет того, чтобы выпить?

Теперь он улыбнулся:

— Благодарю. Это именно то, чего мне хочется.

Достав бутылку бренди, я разлил его по стаканам. У меня всегда стояла в запасе бутылка. Иногда и мне, и моим пациентам требовалось выпить, особенно когда я произносил приговор. Но Джек…

И я снова ощутил, что он уже не ребенок. Выпил он очень умело. Где он мог научиться? Ведь его не было всего месяц.

Я снова сел и заговорил:

— Я не спрашиваю у тебя никаких тайн, Джек, хотя ты знаешь, что мне в моей работе приходится выслушивать много тайных признаний людей, и я всегда храню доверенные мне секреты. Я прошу твоей помощи в разработке версии и программы твоего будущего поведения, которая помогла бы твоей матери избавиться от преследований.

Он нахмурился;

— Вы правы. Но самое неприятное в том, что я не могу придумать, что же рассказать вам.

— Может быть, правду?

— Док, вам этого не захочется. Поверьте мне.

— Красота — правда, правда — красота… Помнишь Китса? Он был врач, он знал лучше, Джек. Ставлю десять долларов на то, что я расскажу тебе десяток правдивых историй, которые изумят тебя больше, чем твоя история изумит меня.

— Я не приму пари, — хрипло сказал он. — Это будет нечестно.

Я ждал.

Он допил бренди, поставил стакан на стол. В желтом свете лицо его казалось совершенно изможденным. Но вот на нем отразилась решимость.

— Налейте мне еще, — сказал он, — и я расскажу вам.

— Отлично. — Бутылка немного дрожала у меня в руке, когда я наполнял стакан. — Клянусь хранить твою тайну.

Он рассмеялся странным смехом.

— Не надо клятв, док. Вы и так будете молчать...

Я ждал.

Он сделал глоток, посмотрел куда-то в сторону и пробормотал:

— Я очень рад. Я всю жизнь несу в себе огромную тяжесть, а теперь могу разделить ее.

Я выпустил клуб дыма, ожидая.

И тут он пылко заговорил:

— В основном я был в округе Сан-Франциско, в Беркли. Больше года я провел там.

Мои пальцы сжали трубку.

Он кивнул.

— Да, да. Меня не было дома месяц, но на самом деле прошло почти восемнадцать месяцев. 1969–1970 годы. — После паузы он добавил: — Да, примерно полтора года. Но из этого времени нужно вычесть время, которое я затратил на путешествия в более далекое будущее.

Пар шипел в радиаторе. На лбу Джека выступили капельки пота. Он стиснул свой стакан так же крепко, как я свою трубку. Но, несмотря на напряжение, голос его был ровным.

— У тебя есть машина времени? — выдохнул я.

Он покачал головой.

— Нет. Я могу передвигаться во времени сам. Не спрашивайте меня, как, я не знаю. — Он слабо улыбнулся. — Что, док? Паранойя? Иллюзия того, что я представляю собой что-то необычное в космосе? О'кей. Я проведу демонстрацию.

— Он обвел рукой кабинет. — Проверьте, нет ли здесь каких-нибудь тайных ходов или таинственных аппаратов. Ведь это же ваш кабинет.

Я тупо повиновался и обошел кабинет, хотя был уверен, что ничего такого здесь нет и не может быть.

— Все в порядке? — спросил он. — Хорошо. Тогда я перенесу себя в будущее. Полчаса? Нет. Вам придется слишком долго сидеть и курить.

Пятнадцать минут. — Он сверил свои часы с настенными. — Сейчас 4.17. Я появлюсь в 4.30 плюс минус несколько секунд. Только пусть никто не занимает это кресло в течение этого времени.

Меня всего трясло.

— Хорошо, Джек. — Кровь бурными толчками неслась по моим венам.

Он улыбнулся, тронув меня за руку.

— Старый, добрый док. Ну пока.

И — исчез! Я услышал только легкий вздох воздуха и ничего больше. Кресло было пусто. Я пощупал его. Ничего.

Я сидел за столом четверть часа. Совершенно не помню, о чем я думал в то время.

И вдруг он снова очутился в кресле.

Я постарался не упасть в обморок. Джек поспешил ко мне.

— Успокойтесь, док. Все нормально. Выпейте.

Потом он продемонстрировал мне путешествие в прошлое. На пару минут… Была уже ночь.

— Нет, я не знаю, как это происходит, — сказал он. — Но я ведь многого не знаю о себе. Я не знаю, как работают мои мускулы, какие химические процессы происходят во мне. Док, вы должны согласиться, что наши научные познания — всего лишь легкая зыбь на поверхности тайны.

— Что ты чувствуешь при этом? — спросил я и с удивлением обнаружил, что спокойствие вернулось ко мне. Хиросима вывела меня из равновесия на более долгое время. Может быть, в глубине души я и подозревал в Джеке что-то подобное.

— Трудно описать, — Он нахмурился. — Я… я просто хочу попасть в прошлое или будущее. Точно так же, как хочу сделать что-то, взять что-то… И это происходит. — Он старательно подыскивал слова. — Пока я путешествую во времени, я нахожусь в темноте. В темноте, где свет мелькает только при чередовании дня и ночи. Затем я решаю остановиться и останавливаюсь, становясь обычным человеком в обычном мире. Во время путешествия я совершенно не воспринимаю движения воздуха. При этом я задерживаю дыхание и не дышу все время путешествия.

— Подожди. Если ты при этом не можешь дышать, то как ты видишь мелькание света? — спросил я.

— Не знаю, док. Я читал учебники физики, чтобы понять хоть что-нибудь, но ничего не узнал из них. Видимо, меня перемешает какая-то сила, действующая в четвертом измерении. Если она электромагнитной природы, то я еще как-то могу

понять, что фотоны захватываются ее полем и я улавливаю их. А вещество, материя не могут восприниматься мною. По это только предположение. Я не специалист. Мне бы хотелось, чтобы этим явлением занялся настоящий ученый.

— Твое предположение слишком непонятно и для меня, мой друг. По ты сказал, что твое перемещение не мгновенно. Сколько же времени оно длится? Какова его скорость? Сколько лет в минуту, например?

— Все зависит от меня. От силы моего желания. Однако я заметил, что чем больше скорость перемещения, тем больше я устаю... Значит, я трачу свою энергию на перемещение во времени. Правда, я никогда не путешествовал больше нескольких минут — несколько столетий.

— Когда ты был ребенком... — Я замолчал.

Он кивнул.

— Да, я слышал об этом. Когда мать выронила меня, я переместил себя в прошлое чисто инстинктивно — и оказался в колыбели.

Он сделал глоток бренди.

— Моя способность перемещаться во времени росла вместе со мною. Мне кажется, что сейчас у меня нет границ. Однако я ограничен массой, которую могу переносить. Это всего несколько

фунтов, считая и одежду. Чуть больше — и я не смогу переместиться. Если, к примеру, вы схватите меня, то я останусь на месте, пока вы меня не отпустите. Кроме того, я возвращаюсь на то же самое географическое место, откуда отправился в путешествие, независимо от вращения Земли.

— Странно, что ты с детских лет хранил эту тайну.

— Да. Но я причинил матери много беспокойства. Однако я не помню всего. Кто может припомнить первые годы своей жизни? Мне потребовалось много времени, чтобы понять свою уникальность. А когда понял, испугался. Может быть, это плохо. Или я урод? Но дядя Джек мне объяснил все.

— Это тот неизвестный, который привел тебя обратно, когда ты в детстве исчез?

— Да. Я тогда отправился в прошлое, чтобы посмотреть на индейцев, но нашел только лес. Он меня там разыскал, и мы с ним вместе путешествовали во времени — это было очень приятно. Потом он взял меня за руку и показал, как вернуться домой. Он не выпускал меня несколько минут, чтобы я видел страдания своих родителей. И он достиг своей цели. Я понял, что мой дар может приносить страдания другим.

Теперь он говорил, словно переживая все заново.

— Впоследствии мы совершили много интересных путешествий. Дядя Джек был прекрасным гидом и наставником. Я полностью подчинился его требованию соблюдать тайну. И только кое-что намекнул своему другу Питу. Дядя Джек показал мне многое, чего я сам никогда бы не увидел.

— Но ты же путешествовал и сам, — напомнил я ему.

— Изредка. А вы помните, когда на меня напали два идиота? Я тогда совершил несколько возвращений в близкое прошлое, чтобы меня стало восемь.

— А когда ты узнал, что отец идет на войну, ты решил убедиться, что он вернется живым?

— Да. — Он нахмурился. — Я стал передвигаться в будущее с небольшими интервалами. И однажды я увидел, как мать плачет у окна. Тогда я пошел обратно и нашел телеграмму. О, я думал, что никогда больше не смогу путешествовать во времени. Просто не захочу.

Тишина окутала нас. За окном медленно падал снег. Наконец я спросил:

— Когда в последний раз ты видел своего на-

ставника?

— В 1969 году. А перед этим незадолго до того, когда я узнал о своем отце. Дядя Джек был очень добр ко мне. Мы с ним отправились в круглый цирк, видимо, конца XIX века. Я спросил, почему он так печален, и дядя снова объяснил мне необходимость соблюдать тайну.

— И ты знаешь, кто он?

У него приподнялся уголок рта.

— А вы как думаете, кто? В прошлом году я отправился в прошлое. Мне нужно было бежать оттуда, с фермы. Вы понятия не имеете, как прекрасна была эта страна до того, как пришли белые поселенцы. А индейцы! У меня появились друзья среди них. Мне не нужно было даже знать их языка, кроме нескольких слов. Их девушки… они были всегда ласковы, так готовы на все для меня…

Я не мог не улыбнуться.

— А Свен-младший издевается над тобой, потому что ты не назначаешь свидания девушкам.

Он ухмыльнулся:

— Можете себе представить, как эти путешествия облегчали мою душу. — Затем он заговорил серьезно: — Но вы можете также представить, каким невыносимым становился для меня дом

Биркелунда. И не только дом — весь этот мир. Что я буду делать в колледже? Слушать глупое хихиканье девчонок и монотонные голоса преподавателей? Я ведь уже вырос и видел столько разных чудес!

— Я полагаю, что именно домашние обстоятельства заставили тебя отправиться в будущее?

— Да. Я был вне себя от ярости. Во-первых, я надеялся увидеть могилу Биркелунда. Двадцати лет, думал я, будет достаточно. И я переместился в конец 1969 года. Дом стоял на месте.

— А Свен?

— Думаю, он был жив. — Голос Джека дрожал от ярости. — Я не стал проверять. Моя мать к этому времени разведется с ним…

— И?

— Вернется в Массачусетс. Третье ее замужество будет счастливым. Мне не следовало причинять ей в то время беспокойство, и я вернулся. Отсутствовал я месяц и, вернувшись, сказал Биркелунду, чтобы он не совался в мои дела.

Я видел, что Джек очень страдает. Сколько раз я видел такое выражение лица у больных людей. Поспешно я спросил его:

— Ты сказал, что встречался с дядей Джеком, твоим вторым я?

— Да. — Джек был искренне рад перемене темы. — Он поджидал меня в 1969 году. Я прибыл ночью в дубовую рощу, поскольку хотел обойтись без свидетелей. В то время роща была уже вырублена и участок засажен кукурузой. Он снял для меня комнату в отеле, и мы несколько дней провели вместе. Он рассказал мне о моей матери, показал старые газеты с объявлениями, показал ее письмо к нему… ко мне. А потом он дал мне тысячу долларов. Док, знаешь какие цены будут через двадцать лет!? Он предложил мне посмотреть страну.

Из газет я узнал, что Беркли остался там же, где и был. А на другом краю бухты — Сан-Франциско. Я всегда хотел посмотреть его.

— А как Беркли? — спросил я, вспомнив свои визиты в этот университетский городок.

Он рассказал, как мог, но в 1951 году никакие слова не могли бы описать того дикого, феерического, возбуждающего, ужасающего, гротескного удара по всем чувствам, который наносил этот город в конце двадцатого столетия.

— У тебя не было неприятностей с полицией?

— Нет. Я остановился в 1960 году, зарегистрировался под фальшивым именем и явился в 1969 год с регистрационной картой, где было сказано,

что мне двадцать один год. Люди на улицах притягивали меня. Я бродил среди них, слушал их разговоры, оценки происходящего… Целый месяц я провел с радикалами. Странное существование со строгой конспирацией, демонстрации, попойки, неопрятные девушки…

— Да, твое описание не слишком привлекает, — заметил я.

— Я уверен, что дядя Джек хотел, чтобы я почувствовал жизнь изнутри, чтобы я узнал, куда катится цивилизация, вскормившая меня. И теперь я изменился.

— М-м-м… Я бы сказал, что ты увидел какую-то новую роль, новое поле деятельности. Что случилось?

— Я предпринял путешествие в более далекое будущее.

— И?

— Док, — сказал он чересчур спокойно. — Вы можете считать себя счастливым. Вы ведь уже старик.

— Значит, я умру? — Сердце мое застучало.

— Ко времени Катастрофы — несомненно. Правда, я еще не проверял, однако могу вас заверить, что в 1970 году вы еще были живы и здоровы.

Я удивился, почему он не улыбнулся, но потом

понял: он не упомянул о Кэйт.

— Война… ВОЙНА… со всеми ее ужасами придет позже, — продолжал он тем же звенящим металлическим голосом. — Но все ведет к нему, к этому шабашу ведьм, часть которого я видел в Беркли.

Он вздохнул, потер уставшие глаза.

— Я вернулся в 1970 год с ощущением, что волна надвигается, грозя затопить все. Но мало людей в 1970 году предвидели это. — Он показал на брошюру. — Они считали меня ярым республиканцем.

— А ты не республиканец?

— О Боже, нет. Я не видел ни одной политической партии, которая могла бы сделать что-либо полезное в течение трех-четырех поколений. Все они будут только хуже.

Он допил свой стакан, но отклонил предложение наполнить его снова.

— Мне нужно сохранить голову свежей, док. Ведь мы должны разработать подходящую версию. Теперь я понимаю, что навлек на себя серьезные неприятности. Правда, в том времени было бы то же самое.

— Время не меняется? — удивился я. — Значит, мы завязли в нем, как мухи в застывшем янтаре?

— Не знаю, не знаю. Знаю лишь, что все мои

усилия были напрасны. Мои первые друзья назвали меня предателем, а других, новых, совсем мало. Мы не сможем распространить свои взгляды на всю страну, на весь мир.

— В политике нельзя ждать чудес, — сказал я. — И нельзя верить тем, кто обещает их.

— Правильно. Я это тоже понял. Поэтому я решил, что мой долг — вернуться назад и оставаться с матерью. По крайней мере, я смогу сделать этот мир менее ужасным для нее. — Тон его смягчился. — Конечно, я сделал глупость, сохранив эту копию. Мне помогла сделать ее очень милая девушка… Ну что ж, считаем, что мне хотя бы повезло: еще один человек будет знать тайну моей жизни. Только теперь я стал понимать, как был одинок.

— Ты один такой? — спросил я.

— Не знаю. Думаю, что не один. Таких, как я, конечно, очень мало. Думаю, что в мире есть и другие путешественники во времени. Как мне найти их? — воскликнул он. — А если мы соберемся вместе, то что мы сможем сделать?

ГЛАВА 5

Биркелунд ничего не смог извлечь из этого. Я увиделся с ним, рассказал, что этот памфлет написан для любительского спектакля и носит чисто сатирический характер. После этого я прочел ему нотацию, как нужно вести себя с приемным сыном и женой. Он молча выслушал, хотя и неохотно. В конце концов, как я уже говорил, он не был злым человеком. И все же ситуация оставалась взрывной. Джек добавлял к ней пороху своим надменным поведением.

— Он так изменился, — со слезами говорила мне Элинор. — Даже внешне. И за эти трения я не могу винить Свена и его мальчиков. Джек ведет себя невозможно.

Конечно, так оно и было. Как мог вести себя человек, ненавидящий этот дом, скучающий в школе, несущий на своих плечах тяжкий груз знания будущего?

— Я думаю, — сказал я, — лучше всего предоставить ему свободу.

— Боб, но ему же всего восемнадцать лет, — запротестовала Элинор.

Ему был уже двадцать один, а может, и больше, по моим расчетам.

— Он достаточно взрослый, чтобы пойти в армию. — После паузы я продолжал: — Это даст ему шанс найти себя. Раз он пойдет добровольно, срок службы будет минимальным.

— Только после того, как он получит образование.

Я понимал ее разочарование.

— Он может учиться заочно, Элли. Или учиться во время службы. Там организуются курсы. Он способный мальчик и справится с учебой. Боюсь, что это единственное, что можно сделать для него.

Джек сразу же согласился. Он выяснил, что его могут послать в Европу.

— Там я буду изучать историю, — сказал он. — Кроме того, я буду изучать оружие и технику войны. Ведь в двадцать первом веке я, скорее всего, буду убит.

Армия, конечно, не была приспособлена для его темперамента, но он тем не менее получил необходимую тренировку, знания по электронике. И постоянно совершал путешествия в будущее, став старше еще на два года.

Его письма ко мне содержали лишь слабые

намеки на это, так как они прочитывались Кэйт. Мне было очень трудно скрывать от нее эту ужасную тайну.

И вот однажды он пришел ко мне и несколько часов показывал фотографии и рассказывал.

— Док, вы и представить себе не можете, как отличались друг от друга люди средних веков. Они были разными в разных местах, в разные годы…

Он видел легионы Цезаря, триумфально шествующие по Риму, видел узкие серые тени кораблей викингов в фьордах Осло, видел Леонардо да Винчи за работой… Однако у него не было возможности посвятить наблюдениям все свое время. Много ли может узнать человек, попавший в совершенно чуждую эпоху, если он едва ли сможет произнести несколько слов на местном диалекте и если его каждую минуту могут арестовать — уж слишком подозрительно он выглядит.

Я чувствовал себя предателем по отношению к Кэйт. Но уж если Джек не раскрыл тайну своей матери, то и я должен хранить ее.

Представьте себе, если все узнают о том, что некий человек может путешествовать во времени? Начнется сущее столпотворение! Он станет жертвой тех, кто захочет узнать свое будущее,

или попадет в руки людей, жаждущих власти, станет игрушкой в руках «творцов идеологии», другие же постараются уничтожить его, чтобы он не рассказывал людям, что ждет нашу цивилизацию. И если он сможет пережить все это, то у него не останется другого выбора, как только бежать в иное время и там скрыть свой дар.

Нет, лучше хранить эту тайну с самого начала.

Но тогда какой смысл в этом фантастическом даре судьбы? Или проклятии?

— В конце своей службы я больше времени думал, чем путешествовал, — сказал он.

Мы плыли на лодке по озеру Виннего. Он вернулся домой две недели назад, но у него еще было много чего рассказать мне. Были у него дела и дома. Его мать разводилась с Биркелундом, оставляла дом, где испытала столько страданий, и ей требовалась моральная поддержка сына. Прошло два моих года, и теперь передо мной сидел мужчина — молодой мужчина, но уже испытавший боль и смятение жизни. Джек Хэйвиг, сидевший передо мной, теперь полностью владел собой.

Я отложил весла и достал трубку. Весна отражалась в голубой глади озера. Сладостью дышало от полей, зелени лесов, яблоневых садов. Дул легкий ветер. В его потоке медленно плыл в вы-

соте ястреб.

— Да, у тебя было над чем подумать, — отозвался я.

— Во-первых, над тем, как происходит перемещение во времени.

— И ты расскажешь мне, как оно происходит?

Он даже не улыбнулся.

— Я изучал физику, электронику, я стал профессионалом в этой области. Я читал много специальной литературы. И все ученые в один голос утверждают, что это невозможно. Все начинается с того, что для этого требуется громадное количество энергии.

— А poorr si muove — и все-таки она вертится.

— Что?.. Ах да, док, я изучал итальянский перед тем, как посетить Италию в эпоху Ренессанса. Я обнаружил, что Галилей никогда этого не говорил. Более того, он даже не бросал шаров с наклонной башни в Пизе. — Джек открыл еще по бутылке пива для каждого из нас. — Однако в этих разговорах об энергии есть кое-что, о чем не подозревает современная наука. Говоря математически, путешествие во времени эквивалентно передвижению со скоростью, большей скорости света; его также не допускает современная наука.

Я смотрел, как кольца дыма тают в воздухе.

— Ты оставил меня далеко позади, — заметил я. — Я не понимаю ничего в твоих словах, кроме того, что ты уверен: в твоем даре не замешана никакая нечистая сила.

Он кивнул:

— Да. Что бы это ни было, оно связано с законами природы, с соотношением типа «энергия-масса». Но тогда почему только я способен на это и никто больше? Поэтому я предположил, что это связано со структурой моих генов.

— Генов?

— Да. Через десять лет будет открыт молекулярный базис наследственности.

— Что? — Я резко выпрямился. — Ты должен рассказать мне об этом.

— Потом-потом. Я сообщу вам всю информацию по этому вопросу, хотя там еще многое неясно. Главное в том, что наши гены — не просто матрица для воспроизведения организма. Они действуют всю жизнь, управляя организмом. Их можно назвать веществом жизни. Но весь механизм до конца наша цивилизация, пожалуй, так и не сможет понять Она чуть раньше уничтожит саму себя. Однако лично я предполагаю, что в этих огромных молекулах существует что-то

вроде резонанса. И если частота резонанса всех генов одинакова, то человек становится путешественником во времени.

— Интересная гипотеза, — промямлил я. Для меня в его присутствии уже становилось обычным состояние ничегонепонимания.

— Я — эмпирическое доказательство этого, — сказал он с усилием. — Док, у меня было несколько женщин. Правда, не в этом времени. Для него я слишком застенчив и скован. Нет, в будущем времени и в прошлом. Тогда это все происходит гораздо проще. Тем более когда окутан какой-то завесой таинственности.

— Поздравляю, — сказал я, не сумев придумать ничего лучше.

— Я не влюблялся в них, — сказал он, глядя на воду. — Если постель — это все, что от меня требуется, как, например, с девушкой из Дакоты три сотни лет назад, прекрасно. Но если требуется нечто большее, то я не могу на это пойти. Ведь тогда мне придется жить с нею всю жизнь. Думаю, что никогда не свяжу себя женитьбой. Но, прежде чем вступить в связь с девушкой, я заглядываю на несколько лет вперед, чтобы убедиться, что связь со мной не причинит ей вреда.

После паузы он продолжал:

— Я отклоняюсь, но это важно для меня. Возьмем, к примеру, Мэг. Это случилось в елизаветинском Лондоне. У меня почти не возникало проблем из-за незнания эпохи, хотя приходилось тратить время на то, чтобы постичь произношение и жаргон того времени. Прихваченный с собой слиток серебра легко удалось превратить в деньги, хотя я подозреваю, что ювелир обманул меня. Во всяком случае, моего капитала хватило, чтобы снять комнату в маленькой гостинице и пойти в «Глобус». В общем, мне не приходилось особенно стеснять себя.

Однажды, когда я оказался в бедном квартале, какая-то женщина схватила меня за рукав и стала предлагать мне свою молодую дочь. Сначала я возмутился, а потом решил встретиться с бедной девочкой. Может, думалось мне, я смогу чем-нибудь ей помочь.

Мэг очень нервничала, но была решительной, и, когда она мне все объяснила, я вынужден был признать, что для человека с независимой натурой лучше быть проституткой, чем вести честный образ жизни, но находиться у кого-либо в услужении.

Она была очень веселая, красивая, и она сказала, что с большим удовольствием будет иметь

дело со мной, чем с кем-либо другим. Что мне оставалось делать? Если бы я начал ее перевоспитывать, она не поняла бы ничего и прогнала бы меня или убежала бы сама. — Он сделал глоток пива и продолжал: — Я переехал в более просторную квартиру и взял ее с собой. Мэг была женщиной, очень юной, но женщиной. Мы прожили вместе четыре года ее жизни.

О, разумеется, я совершал путешествия во времени, возвращаясь в двадцатый век. Иногда, не очень часто, я перемещался во Францию, хотя такие путешествия мне обходились довольно дорого. И я верил, что Мэг оставалась верна мне. Вам следовало бы видеть, как она отшивала своих родственников, требовавших, чтобы она облапошила меня. Я сказал ей, что нахожусь на службе Дании… Впрочем, к чему детали? В конце концов какой-то молодой коммивояжер влюбился в нее. Я дал ей приданое и благословил ее. Я даже проверил, что в ближайшие десять лет у них все будет нормально.

Он вздохнул.

— Док, она подарила ему полдюжины ребятишек начиная с первого года семейной жизни. Но от меня у нее никого не было. И я решил, что ни одна женщина не сможет подарить мне

ребенка…

Джек сообщил мне далее, что он даже прошел тест на дееспособность, который показал, что у него все в норме. И он, и я были смущены его откровенностью.

— Может быть, — медленно заговорил я, — ты мутант? Мутант до такой степени, что чересчур отличаешься от обычного человека?

— Да. Я думаю, что мои гены совершенно иные.

— Но если есть женщина, путешествующая во времени…

— Верно, док.

Он долго сидел молча, наконец сказал:

— Главное, конечно, не в этом. Пожалуй, самое главное — найти других таких же, как я, если они есть, и попытаться предотвратить все грядущие ужасы. Я не могу поверить, что я — всего лишь бессмысленная случайность.

— Как ты предполагаешь найти их?

Взгляд его был пронзительно-холодным.

— Начну с того, что стану богатым.

Прошли годы, и я мало что знал о его делах. Время от времени он появлялся у нас, но, я думаю, только для того, чтобы сохранить нашу дружбу, а не для того, чтобы держать меня в курсе дел.

Все чаще и чаще он казался мне плодом моего воображения — настолько чужим он был в заботах нашего маленького городка, ритм жизни которого убыстрялся с каждым годом, в подрастании наших сыновей и других повседневных проблемах. Но когда он появился вновь, как бы вынырнув из ночи, я снова был захвачен странной судьбой этого необычного одинокого человека.

Не хочу сказать, что он был фанатиком, хотя последовательно вынашивал идею спасения мира. Его интеллект был развит в самых разнообразных областях, хотя преобладали история и антропология. К тому же судьба подарила ему способность к познаниям языков. Мы с ним часто обсуждали, как незнание языков и неспособность быстро изучить их подрезают крылья путешественникам во времени.

Сардонический юмор, сочетающийся в нем со среднезападной вежливостью, делал его весьма приятным собеседником. Он полюбил роскошную жизнь, но мог жить и в весьма скромных условиях, не жалуясь. Я заметил, что он очень неравнодушен к красоте, как естественной, так и красоте настоящего искусства. Особенно он любил классицизм, барокко, китайскую музыку,

красивые корабли и оружие, а также эллинскую архитектуру. Боже, если ты существуешь, я от всего сердца благодарен тебе, что мне удалось увидеть фотографию Джека Хейвига на фоне неразрушенного Акрополя.

Я был единственным, с кем он разделил свою тайну, но не единственным его другом. Теоретически он мог завести дружбу с любой знаменитостью прошлого и будущего, с Периклом, Эйнштейном, Шекспиром, Линкольном… но практически сделать это было трудно. Кроме трудностей, связанных с языком, законами, обычаями, всем укладом жизни, существовали трудности вхождения в контакт: все знаменитости обычно очень заняты. Нет, Хейвиг рассказывал мне о людях таких, как его милая маленькая Мэг, которая уже триста лет назад обратилась в прах, или горец, сопровождавший еще Льюиса и Кларка, или старый усатый солдат гвардии Наполеона…

— История не стремится быть лучше, док, совсем не стремится. Мы только воображаем себе это. Но подумайте, отбросьте все романтические легенды и оставьте только голые факты. Ведь, к примеру, в 1800 году, когда Франция захватила всю Европу, никак не могла бы возникнуть первая мировая война, в которой западная ци-

вилизация сама бы стремилась перерезать себе горло. А мы и сейчас еще кровоточим от ран, которые нанесли сами себе в 1914 году.

Иногда он предпринимал путешествия во времени в чисто развлекательных целях.

— Если быть честным, — как-то ухмыльнулся он, — то мне все больше и больше нравятся низкопробные развлечения.

— Париж Тулуз-Лотрека? — спросил я. Он уже сообщил мне, что ранний декаданс в основном был создан людьми из высших слоев общества, которые подвизались — и не без успеха — в искусстве.

— Нет, там я еще не был, — признался он. — Как-нибудь побываю. Но рассвет Старквилла…

Его не интересовала проституция. Он уже многое узнал о том, какими жестокими могут быть условия жизни людей и к чему это может привести. Он любил ранний джаз, любил компанию каких-то молодых людей, о которых сказал, что эти парни гораздо более реальны, чем молодежь нашего времени, не говоря уже о семидесятых годах.

А тем временем он делал себе состояние.

Думаете, это было легко? Достаточно сравнить цены 1929 года и нашего времени. Все это было

весьма сложно. Возможностей у него было не так уж много.

Он, скажем, мог покупать марки или монеты другого времени и продавать их современным коллекционерам. Мог, допустим, прихватить с собой алюминиевые предметы и переместиться в ту эпоху, когда алюминий стоил дороже золота. Но все это были мизерные сделки. К тому же Джек не в силах был переносить больших тяжестей, а кроме того, не хотел обращать на себя внимание.

Он рассматривал возможности вкладывания денег в предприятия, чтобы стричь купоны, но правила этой игры были настолько сложны, что он не хотел тратить время на их изучение. Кроме того, ему хотелось разбогатеть в нашем с ним времени. В конце концов он преуспел в своем намерении. Правда, он не рассказывал мне подробностей операции. Я знал только самую общую картину. Итак, Джон Франклин Хэйвиг основал фонд, который доверил одному из самых надежных банков, и распорядился, чтобы проценты по вкладу выплачивались «любому наследнику мужского пола» по достижении двадцати одного года. Затем в 1964 году некий Джон Франклин Хэйвиг обратился в банк как наследник и стал обладателем миллионного состояния.

Сенлакская «Трампет» с трепетом сообщила о рождении нового миллионера, получившего наследство от дальнего родственника.

— Вот и все, — сказал он мне. — Теперь мне нужно только выписывать чеки.

Я должен еще упомянуть о помощи, которую он оказывал матери и некоторым другим. Но в целом благотворительностью он не занимался.

— Это не выход, док, — говорил он мне. — Заниматься благотворительностью — все равно что лечить насморк, когда надвигается эпидемия чумы.

Но я знал, что он тем не менее помог нескольким несчастным и сделал большой вклад в какую-то либеральную организацию.

— Мы нуждаемся в резервах для жизни, — сказал он. — Всех форм жизни. Сегодня — для духовной жизни — это нетронутые уголки природы. А завтра — для сохранения самой жизни на Земле.

— Будущая война, — не сомневался Джек, — будет не просто выяснением отношений между капиталистическим и коммунистическим миром, как мы представляли в пятидесятых годах. Я могу лишь очень слабо представить себе, что произойдет. И неудивительно. Никто сейчас,

да и в будущем, не может дать точного анализа последствий. Док, ученые много спорят о причинах и последствиях прошлых войн, но никто не задумывается, к чему может привести будущая. А ведь достаточно вспомнить о гигантском облаке пыли, которое окутает Землю после ядерных взрывов, чтобы понять — Землю ждет новый ледниковый период.

У него сложилось впечатление, что третья мировая война, как и первая, — это конфликт, которого все ждут, однако никто не хочет задумываться о последствиях. Он считал, что более важны экологические последствия войны, чем политические и идеологические.

— Я уверен, что в пустыню обратятся огромные области планеты. И не только в пространственном смысле, но и во временном. Вы знаете, док, что океан снабжает атмосферу половиной кислорода? В 1970 году инсектициды будут обнаружены в планктоне. А в 1998 году океан превратится в зловонную клоаку, к которой даже подойти будет страшно.

— Но это все можно предсказать и предотвратить, пока не поздно, — заметил я.

Он поморщился:

— О да, сейчас много говорят о защите окружа-

ющей среды. А она буквально бьется о ветровые стекла огромных автомобилей, принадлежащих волосатым бесцеремонным молодым людям. И эти автомобили загаживают землю и воздух… Люди стали совершенно беззаботными. Таково логическое заключение из общей тенденции. Я понимаю, глупо всю вину возлагать на будущую войну и на тех, кто готовит ее. Тем более что я до сих пор не знаю, как она возникла. Но, док, я имею моральное право утверждать, что большая часть зла произрастает в этой стране, самой могущественной в мире, передовой как в хорошем, так и в плохом. Америка не хочет ощутить свою ответственность за ту мощь, которой она обладает.

Она сделает попытку наказать своих врагов в Азии, но эта попытка будет не очень уверенной, и Америка потеряет много своих сынов из-за ничтожной цели. Надеясь сложить нескладываемое, мы растеряем своих последних друзей. Люди, которые будут выбраны в правительство, станут бороться с инфляцией путем повышения цен и налогов — а это все равно, что заклеивать бумагой трещины в фундаменте. Экономический коллапс приведет к ослаблению международной политики. Белое большинство попытается переложить все экономические трудности на плечи

цветного меньшинства, те начнут бунтовать, и в этом мятеже погибнут последние остатки прогресса. А наши глупые попытки сбалансировать то, что мы берем из окружающей среды, и то, что мы вкладываем в нее… Сначала американцев охватит чувство вины. Затем постепенно они станут апатичными. В Америке создадутся громадные запасы денег. Жизненные потребности людей будут полностью удовлетворены, но что касается духовной жизни…

В феврале 1964 года Хэйвиг вступил в наследство, которое создал сам для себя. После этого он постарался зачеркнуть все свое прошлое и всю оставшуюся жизнь называл себя не иначе как «дядюшка Джек». Я спросил его, что он намеревается делать дальше, и он ответил:

— Я хочу узнать как можно больше о том, что нас ждет.

Я задумался и высказал ему свое желание узнать о своем будущем. Только теперь я понимаю, сколько бы ему пришлось рассказывать о моем будущем до дня смерти Кэйт.

Я никогда не спрашивал Хэйвига, видел ли он раньше могилу Кэйт. Может, он и знал все, но молчал об этом. Как врач, я знаю, что такую информацию очень трудно хранить и улыбаться

при этом.

Теперь Хэйвиг занимался в нашем университете и в перерывах между занятиями наносил визиты в прошлое. Больше он не хотел, попадая в чужое общество, оставаться немым. Более того, он хотел иметь базу, с помощью которой можно было бы экстраполировать изменения языка со временем, даже в далекое будущее.

Он сконцентрировался на латинском и греческом, причем на разговорном греческом, который был более распространен во времени и пространстве, чем классический. Кроме того, он занимался французским, немецким, итальянским, испанским, португальским, еврейским, арабским, арамейским и одним из языков полинезийской группы.

— Там была мощная цивилизация еще до наших темных веков, — сказал он мне. — Я не мог попасть в те времена, попадал либо в начало, либо в конец ее. Очень трудно понять чужую эпоху. Предположим, что ты — путешественник во времени из Египта времен фараонов. Попадешь в сегодняшний мир и изучаешь его. Многие действия людей абсолютно непонятны для тебя, более того, ты даже не можешь определить, хорошо то, что они делают, или плохо. Потребуются

многие годы, чтобы научиться хоть немножко понимать мир. Поэтому я хочу начать со старых эпох, откуда можно перекинуть мостик к будущим временам.

И он подробно изучал историю. Можно даже сказать, стал профессиональным историком. Побывав во многих жестоких эпохах, он уверял меня, что ни мрачное средневековье с его сожжением еретиков, ни массовая резня где-нибудь в Турции не сравнятся по жестокости и ужасу с тем, что ждет Землю в будущем.

— …тогда погибнут почти все люди. Надеюсь, что моих коллег, путешественников во времени, эта участь не постигнет и я смогу встретиться с ними когда-нибудь в более счастливых или, вернее, в менее несчастных эпохах.

И когда биологически ему исполнилось тридцать лет, ему улыбнулась удача. Это случилось в Иерусалиме в день распятия на кресте.

ГЛАВА 6

О своих планах он рассказывал мне в 1964 году. Его политика заключалась в следующем: разделить эти двадцать веков так, чтобы его личный и официальный календарь — не слишком расходились.

После этого я долго не виделся с ним. Он больше не жил в Сенлаке, а перебрался в Нью-Йорк, где устроил себе штаб-квартиру. Правда, иногда он наведывался и к нам. Кэйт находила это очень трогательным. Я — тоже, хотя знал, что он нуждается во мне — ведь я был его единственным доверенным лицом.

— Ну что ж, ты был прав, — сказал я, выслушав его. — Это именно тот момент, когда каждый путешественник во времени, если он христианин, захочет оказаться в Иерусалиме. Почему ты не сделал этого раньше?

— Это не так-то просто, док, — путешествие на абсолютно чуждую территорию. А точная дата? Или даже сам факт?

— Ты имеешь в виду, что сомневался в историчности личности Христа? Я знаю, ты атеист, но

тайна вокруг его имени…

— Док, кем он был и был ли вообще, представляет для меня только академический интерес. Люди с тех пор прожили века в вера Моя жизнь, я уверен в этом, дана мне не для того, чтобы я занимался чистыми исследованиями, какими бы мне хотелось. Я видел слишком много человеческих несчастий. Путешествие во времени имеет свою реальную ценность: с его помощью можно попытаться спасти человечество. — Он улыбнулся. — Вы знаете, док, что я не святой. Но я хочу жить своей головой.

Он улетел из Нью-Йорка в Израиль в 1969 году. К этому времени евреи уже закрепились в Иерусалиме, и по нему можно было ходить более или менее спокойно. Из своего отеля он направился по Иерихонской дороге, неся с собой сумку, пока не добрался до апельсиновой рощи, где можно было укрыться. Здесь он дождался ночи и начал готовиться.

Арабский костюм он купил в лавке для туристов. Продавец заверил его, что именно так одевались арабы в библейские времена. Нож, в основном для еды, чем в качестве оружия, он прицепил к поясу. Огнестрельное оружие он почти никогда не брал с собой. В кожаном мешке

был арабский разговорник (для американских студентов), пища, кое-какая посуда, желудочные таблетки, антибиотики, дезинфицирующее и деньги — несколько монет эпохи Римской империи. Кроме того, небольшой слиток золота, который можно было обменять.

Хэйвиг сложил современную одежду в мешок, затем достал последнее из своего снаряжения. Он называл этот прибор хронологом. Прибор был разработан им и изготовлен по его указаниям в 1980 году на основе последних достижений электроники.

Я видел этот аппарат. Это был ящик с ручкой для переноски размером 24 на 12 и на 6 дюймов. Открыв крышку, можно было увидеть ручки управления и индикаторы. В ящике размещался миниатюрный компьютер, питающийся от никель-кадмиевой батареи. Вес аппарата составлял пять фунтов — половину того веса, который Хэйвиг мог брать с собой. Этот прибор представлял для него большую ценность.

Представьте. Он планирует перенестись в прошлое или будущее в определенный момент. Как ему это сделать? На небольшом промежутке времени можно ориентироваться по смене дня и ночи, отсчитывать их. А если дальше? На тысячу

лет? Здесь-то его и выручает хронолог, отсчитывая время с большой точностью.

Ночь была ясная, холодная. Шел даже пар изо рта при дыхании. На севере светились огни Иерусалима, а со всех остальных сторон наступала тьма, рассекаемая лишь огнями редких домов и фарами проезжающих машин. Хэйвиг сориентировался по Луне и звездам, поставил точное время по Гринвичу, затем покрутил верньер, установив стрелку на деление, соответствующее определенной дате в Anno Domini 33.

Дата точно не установлена, напомнил он себе. Но, во всяком случае, эта дата больше похожа на правду, чем все остальные. Он рассмеялся. Единственное, в чем можно быть уверенным, — это в том, что все произошло в середине зимы. Иначе как бы пастухи могли уйти из своих домов пасти стада.

Он сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы насытить кровь кислородом. Затем он набрал полную грудь воздуха, но не напрягаясь, чтобы не тратить энергию, — и погрузился в силовое поле Земли.

Как он мне рассказывал, ощущение было примерно таким, как у пловца, преодолевающего сильное приливное течение. Он перемещался во

времени, и тишина окружала его. Единственным его ощущением были изменения света и тьмы — восходы и закаты солнца.

Вот он увидел взрыв — призрачный, бесшумный. Может, это война за независимость? Или эпизод первой мировой? Но все уже осталось позади. В туманной ночи XIX века он решил остановиться, чтобы снова глотнуть свежего воздуха. Кроме того, ему хотелось сориентироваться по звездам, хотя хронолог его еще никогда не подводил. Однако это ему не удалось. Поблизости оказались несколько всадников — видимо, турецкие воины. Они не заметили его в темноте, и он продолжил свой путь.

Остановившись в другой раз, он заметил, что местность изменилась: появились деревья, возделанные поля. Видимо, эта местность периодически страдала от засух, так как раньше он видел ее пустыней и знал, что она будет пустыней в том времени, куда он стремился. Вдали он увидел громадный стадион. Видимо, здесь крестоносцы устраивали свои турниры, пока Саладин не вышвырнул их из своего пропахшего кровью королевства.

Остановки для восстановления дыхания становились все чаще. Путешествие истощало его

силы. Им овладело возбуждение: ведь всего через несколько часов осуществится его мечта. Сердце тяжелым молотом бухало в груди. На панели хронолога замигала лампочка. Маленький прибор с огромной скоростью проделал все вычисления, учитывая всевозможные возмущения электромагнитного и гравитационного полей, и определил нужное время с большой точностью.

Вспыхнул красный свет. Хэйвиг прибыл на место назначения.

Кончалась ночь с четверга на пятницу. Если верить Библии, состоялась уже Тайная Вечеря, канули в прошлое душевные муки в Гефсиманском саду и Иисус уже лежал связанный, ожидая решения своей судьбы. Его скоро приведут к Пилату, осудят, распнут на кресте, пронзят копьем, объявят мертвым и похоронят.

— Кстати, к кресту не прибивают, а привязывают, — говорил мне Хэйвиг. — Гвозди не выдержат тяжести тела, и ладони порвутся. Иногда гвозди все же вбивают, но в дополнение к веревкам. Это просто дополнительное наказание, так что можно сказать, что Библия в этом вопросе правдива. — Он закрыл лицо руками. — Док, я видел, как они висят: черные распухшие языки высунулись наружу, они уже не могут даже стонать,

только хрипят, никакой мысли в их обезумевших глазах Ужас, ужас. Поистине, счастлив тот, у кого слабое здоровье и кто не будет долго мучиться… В огромной толпе, может, найдется несколько родственников или друзей, но они не смеют высказать свое горе, не имеют права даже плакать. Остальные в толпе отпускают шуточки, смеются, едят, пьют, поднимают на руки детишек, чтобы им было лучше видно… Что же такое человек?

«А чем мы лучше? — подумал я. — Ведь наш век — это век Воркуты и Бухенвальда, век Бельгийского Конго и юга Соединенных Штатов». Может быть, в такие моменты я совсем не завидовал его способности путешествовать во времени.

Утро высветило восточное небо. У него за спиной оказался чей-то сад, а вдали он увидел дома. Дорога представляла собой сплошную грязную жижу. Вдали, прячась в утреннем полумраке, раскинулся на холмах Иерусалим — город царей Иродов и римских проконсулов. Он был гораздо меньше того Иерусалима, каким стал через два тысячелетия. Вблизи городских ворот были раскинуты шатры и палатки. Это окрестные жители пришли в святой город на святую неделю. Воздух был холодным и пах землей. Слышалось пение птиц.

— Раньше всегда было много птиц, — рассказывал мне Хэйвиг.

Он сидел на земле, задыхаясь, пока наконец не пришел в себя. Почувствовав сильный голод, он взял кусочек овечьего сыра и ломоть хлеба. Жадно пережевывая, он с удивлением подумал, что ест пищу, самую обычную для этого периода времени и места на Земле. Пищу, которую ел сам Христос, если, конечно, он существовал. Никогда на Земле не переводились ученые, считавшие, что Христос — это просто миф, вроде какого-нибудь Озириса-Митры. Предположим, что его не было. Вернее, был, но совсем не таким, каким его изображают церковные книги, не живым воплощением Создателя Вселенной. Была бы жизнь на Земле лучше, если бы люди не следовали его заветам?

Хэйвиг задумался, но вдруг вспомнил о своей цели. Он вздохнул, поднялся и пошел по дороге. Солнце появилось из-за горизонта. Вскоре к Хэйвигу присоединилась группа людей. Большинство из них встали затемно. Они прибрали в доме, приготовили пищу, сделали все дела, так как завтра была суббота. Бородатые мужчины в лохмотьях подгоняли тощих ослов, нагруженных товарами. Дети, едва начавшие ходить, пере-

бирали зерно возле шатров, а те, что были чуть постарше, выгоняли овец на пастбище. Хэйвиг шел по дороге, и вместе с ним шли к городу шейхи, священники, бродяги, крестьяне, какие-то полупьяные девицы, два торговца из Анатолии в широкополых шляпах. И вдруг он услышал топот копыт и лязг железа. Это проехал отряд римлян, возвращающийся в город после ночного патрулирования.

Я видел фотографии Хэйвига и легко могу представить себе эту сцену. Она была гораздо менее красочна, чем вы можете вообразить, вы, живущие в мире анилиновых красителей. Ткани тогда были в основном серого, тускло-коричневого, грязно-голубого тонов. Но шум стоял невероятный. Пронзительные вопли, смех, ругательства, обрывки песен, звучание музыкальных инструментов, шарканье ног, скрип колес, стук копыт, лай собак, блеяние овец, фырканье верблюдов — и над всем этим птичьи трели. Эти люди не были чопорными англичанами: они при разговоре отчаянно жестикулировали, рубили воздух ладонями, хлопали друг друга по спине или по плечу, стискивали зубы, хватаясь за кинжалы, чтобы через секунду, отбросив свою ярость, залиться жизнерадостным смехом. А запахи! Едкий лоша-

диный пот, пот людей, дым угасающих костров, запахи готовящейся пищи, запах навоза, запах седельной кожи, нагретой на солнце. Хэйвиг ненавидел это время, когда в живых людей вбивали гвозди, но, наблюдая жизнь простых людей, он не испытывал ни омерзения, ни презрения.

Ворота Иерусалима были открыты. Сердце Хэйвига забилось еще сильнее.

И он вошел.

Это случилось почти сразу. Пальцы коснулись его спины. Он повернулся и увидел невысокого широколицего человека, одетого так же, как и он, тоже безбородого, с короткими волосами и светлой кожей.

Лицо незнакомца было покрыто потом. Стараясь перекричать шум толпы, он спросил:

— Эс ту перегинатор темпорис?

Он говорил с сильным акцентом — акцентом поляка XVIII века, но Хэйвиг, изучавший как классическую, так и вульгарную латынь, понял его.

— Ты путешественник во времени? — таков был вопрос.

Хэйвиг в первый момент даже не мог ответить. Он утратил чувство реальности. Пришел конец его поискам!

Или их поискам.

Хэйвиг был высокого роста — необычного для этой местности. Он оставил голову непокрытой, чтобы можно было видеть его волосы и нордические черты лица. Иерусалим в те годы был достаточно космополитичен. И в нем свободно могли жить иностранцы. Хэйвиг надеялся, что его собратья узнают в нем одного из них, узнают человека, чуждого этому времени. И вот его надежда сбылась.

Они сидели в таверне и разговаривали: Вацлав Красицкий из Варшавы 1738 года, Хуан Мендоза из Тихуаны 1924 года и те, кого они нашли.

И еще Конрад ван Левей — воин из Брабанта тринадцатого века, который прибыл сюда, чтобы с помощью меча освободить Спасителя, когда тот понесет свой крест на Голгофу. Его спас Красицкий за мгновение до того, как римский легионер готов был выпустить ему кишки. Он ошеломил брабантца вопросом: «Откуда ты знаешь, что этот человек — твой Господь?» Был там и седобородый монах-ортодокс, говоривший только на непонятном языке и отзывающийся на имя Борис. Видимо, он прибыл из семнадцатого века. И тощая женщина, которая сидела, не поднимая глаз от своей миски, и говорила на языке, которого никто не мог понять.

— И это все? — недоверчиво спросил Хэйвиг.

— У нас есть еще несколько агентов в городе, — ответил Красицкий. Говорили они по-английски. — Мы встретимся в понедельник, а потому хм, после Вознесения. Предположим, что они найдут еще несколько путешественников, но все же вас будет слишком мало, чтобы мы могли надеяться совершить что-либо существенное.

Хэйвиг осмотрелся. Посетители сидели, скрестив ноги на грязных коврах, и пили из глиняных чашек, которые мальчик-слуга наполнял из бурдюка. Вокруг бурлил Иерусалим. О Святая Пятница?

Красицкий был спокоен. Он сказал, что оставил свой город и свою эпоху ради Французского Просвещения. Шепотом он сообщил, что его партнер Мендоза — гангстер. Вернее, он сказал «наемник», но смысл этого слова Хэйвигу был понятен. «Мне лично плевать на то, что какого-то еврейского плотника, страдающего манией читать проповеди, казнят на кресте, — сказал он, ухмыляясь. — Но ты относишься к этому иначе, да? Что ж, по крайней мере, среди нас появился один разумный человек».

Хэйвиг спросил:

— Неужели нас, путешественников во времени,

так мало?

Красицкий пожал плечами:

— Кто знает? Многим не так просто прибыть сюда. В твое время достаточно сесть на самолет — и ты здесь через несколько часов. А в другие эры это связано с большими трудностями. Мы читали о средневековых пилигримах. Но сколько их погибало в пути? Кроме того, некоторых путешественников во времени нам просто не найти, так как они не желают быть найденными. А может, они даже не подозревают, что есть подобные им, которые ищут их.

Хэйвиг смотрел на него, на непроницаемого Хуана Мендозу, на полупьяного Конрада, грязного Бориса, неизвестную сумасшедшую женщину и думал: «Естественно. Нельзя же было ожидать, что дар путешествия во времени будет распределяться выборочно. Нет, им обладают люди самого разнообразного интеллекта и направлений ума. С какой стати я решил, что представляю собой нечто необычное, специфическое?»

— Мы не можем тратить много времени на поиски, — сказал Красицкий. — Нас слишком мало. — Он хлопнул Хэйвига по колену. — О Святая Богородица, как обрадуется Сахэм, когда узнает, что мы нашли тебя!

В конце вечера были найдены еще отшельник из Сирии третьего века и авантюрист из Ионии второго века после Рождества Христова: Сказали еще об одной женщине, видимо, коптской христианке, но она скрылась, прежде чем ее успели задержать.

— Плохой урожай, — хмыкнул Красицкий. — И все же…

И он повел всю группу. Сначала они остановились после Пятидесятницы, затем отправились в двадцать первый век.

Пыль клубилась над пустыней. От Иерусалима ничего не осталось, кроме костей и отдельных остатков зданий. По тут их ждал самолет — остроносый, с вытянутыми назад крыльями, с атомным реактором. Видимо, командование так и не успело ввести этот военный корабль в действие, застигнутое врасплох нападением противника.

— Мы летели через Атлантику, — говорил мне Хэйвиг. — Штаб-квартира была устроена на месте павшего когда-то Висконсина. Да, они позволили мне забрать хронолог оттуда, где я его спрятал. Хотя они никак не могли понять, зачем он мне нужен. Сами они для определения точного времени пользовались маяком. Хотя и не любили долгих

путешествий в прошлое, так как это укорачивало длительность жизни.

В конце двадцать первого века жизнь в Америке только-только начала возобновляться. Все селения, в том числе и наша штаб-квартира, были под сильной охраной, так как в любую минуту могли подвергнуться нападению бандитов и мародеров…

Я так и не узнал, видел ли мой друг Хэйвиг Иисуса Христа.

ГЛАВА 7

После сотни лет разрухи и опустошения сдвиги были довольно значительными. Почва оправилась от загрязнения и начала плодоносить, что способствовало росту населения. Хлебные поля раскинулись по низким холмам под летним небом, по которому гуляли легкие облака. Выросли деревья, в листве которых пели птицы и шумел ветер. Люди были заняты работой. У них не осталось ничего, кроме ручных орудий труда и машин, приводимых в движение животными, но зато это были прекрасно изготовленные орудия. Опыт человечества не пропал даром. Все люди были похожи друг на друга, так как были одеты абсолютно одинаково, и мужчины, и женщины: голубые рабочие брюки и куртки. Лица их были обветрены и покрыты прочным загаром, волосы отросла до самых плеч, все мужчины с бородами. Все они были низенькие по стандартам нашего времени, у многих были очень плохие зубы — или же их не было совсем. И все же они были гораздо более счастливы, чем их предки эпохи Судного Дня.

Люди выпрямлялись, чтобы приветствовать путешественников, ехавших верхом с аэродрома, а затем сразу же возобновляли свою работу. Иногда встречались солдаты верхом на лошадях. Они были одеты в голубую форму, стальные шлемы, металлические кирасы защищали их грудь. Вооружены они были кинжалами, луками со стрелами, топорами и пиками, на которых развевались красные флажки. Они почтительно салютовали путешественникам.

— Видимо, вам приходится быть готовыми ко всему, — беспокойно заметил Хэйвиг.

— А что делать! — рявкнул Красицкий. — Большая часть мира, в том числе и этот континент, находится в состоянии варварства и дикости. Мы не можем снабжать всех материалами и другими средствами к жизни. Вокруг нас кишат дикие монголы. Они могут нахлынуть, как торнадо, если мы снимем наши защитные линии. Наши солдаты охраняют рабочих от бандитов. Эти люди должны быть благодарны нам за все то, что мы делаем для них.

Средневековый уклад жизни повторился и в городе. Семьи не жили в отдельных домах, а селились вместе вблизи крепостей, под их защитой, и вместе работали. Но, в отличие от средневековых

городов, здесь было довольно чисто, хотя и недоставало того шарма, которым отличались города древности. Тут преобладали однообразные кирпичные дома, стоящие вдоль асфальтовой полосы дороги, — все было размеренно и скучно, как в любом городке Викторианской эпохи. Хэйвиг решил, что это связано с необходимостью быстро построить жилища, а в этих условиях приоритет приобретают не красота, а быстрота и прочность. Да и экономические соображения здесь играли не последнюю роль. Они ехали дальше, и Хэйвиг заметил деревянное здание причудливой архитектуры, в каком-то азиатском стиле. Красицкий сказал ему, что это замок, где люди молятся Ясу и приносят жертвы Октаю, божеству монголов.

— Дайте людям религию, сделайте жрецов своими союзниками — и люди будут подчиняться вам, — сказал Красицкий.

Хэйвиг поморщился:

— А где же виселицы?

Красицкий удивленно посмотрел на него:

— Мы не практикуем публичных повешении. За кого ты нас принимаешь?! — После паузы он добавил: — Неужели ты думаешь, что мы могли бы сохранить человечество в течение этих жестоких десятилетий только с помощью сладкой

водички проповедей?

Впереди показалась крепость. Высокие кирпичные стены с бойницами, ров с водой из реки, окружающий стены. Архитектура замка тоже носила печать функциональной направленности, которая лежала на всем городе. По обеим сторонам ворот и вдоль всех стен были установлены тяжелые пулеметы, несомненно, собранные из частей, оставшихся от прошлого. По мерному шуму Хэйвиг догадался, что в крепости работают несколько генераторов, приводимых во вращение моторами.

Часовые приветствовали подъезжавших. Запели трубы. Опустился подъемный мост, и копыта лошадей зацокали по каменным плитам небольшой площади.

Группа Красицкого прибыла в замок. Со всех сторон к ним сбегались люди, возбужденно крича. Судя по ливреям, это были в основном слуги. Но Хэйвиг почти не обратил на них внимания, все оно было поглощено женщиной, уверенно прокладывавшей путь через толпу и наконец вставшей прямо перед ними. Она заговорила громко, возбужденно. Хэйвиг едва понимал ее хриплую речь.

Она была почти такого же роста, как и он.

Крепко сбитая, с широкими плечами и бедрами, сравнительно маленькой грудью. У нее были высокие скулы, широкий нос, большой рот, прекрасные зубы, правда, двух передних не хватало. Потом он узнал, что ей выбили их в драке. Волосы ее, густые и тяжелые, спускались до пояса, в ушах болтались варварские серьги — большие медные кольца. Глаза у нее были карие наемного раскосые, под тяжелыми густыми ресницами, загорелая кожа в нескольких местах была обезображена шрамами. Вообще в ней чувствовалась примесь азиатской или индейской крови. Одета она была в просторную красную тунику, кожаные сапоги. У нее был нож, револьвер, лента с патронами, на цепочке болтался вырезанный из кости череп ласки.

— Откуда ты? — Ее палец ткнулся в грудь Хэйвига.

Последовал взрыв хохота. — Ты должен все рассказать мне, приятель.

— Сахэм ждет нас, — напомнил ей Красицкий.

— 0'кэй. Я тоже буду ждать, но не очень долго, слышишь?

Когда Хэйвиг спрыгнул с лошади, девушка обхватила его руками за шею и крепко поцеловала в губы. От нее пахло солнечным светом, кожей,

потом, дымом… и женщиной. Так он встретился с Леонсой Народа Ледников, Скуллой Вахорна.

Его провели в кабинет, размеры которого и роскошь убранства поражали. Пол был покрыт темно-серым густоворсным ковром, стены отделаны панелями темного дуба. Тяжелые шторы на окнах отливала мягким блеском. Хэйвиг присмотрелся и понял, что это шторы из меха — натуральная норка. Благодаря своей массивности и тщательности отделки стол, стулья и диван были неотъемлемой частицей этой эпохи, этого замка, но, насколько мог видеть Хэйвиг через открытые двери, они контрастировали с аскетизмом обстановки в других помещениях. На стенах в серебряных рамках висели фотографии. На одной из них — старинном дагерротипе — была изображена печальная женщина в одежде девятнадцатого века. Остальные фотографии были сделаны современными камерами с телеобъективом. Хэйвиг узнал Сесила Родса, Бисмарка, молодого Наполеона, однако не смог узнать желтобородого человека в восточном халате.

Из окон кабинета, находившегося на пятом этаже замка, открывался вид на город и его окрестности. Полуденный свет лился через стекла. Приглушенно стучали двигатели гене-

раторов.

— Не хочешь послушать музыку? — Калеб Уоллис включил миниатюрный магнитофон, сделанный во время непосредственно предшествующее Судному Дню. Зазвучала музыка. Уоллис уменьшил громкость и сказал:

— Это произведение очень подходит к данному моменту. Я ужасно рад, что ты с нами, Хэйвиг! — Хэйвиг узнал Шествие Богов из «Золота Рейна».

Все остальные, что пришли с ним, включая и проводников, уже исчезли. Уоллис имел с ними лишь короткую беседу, не скрывая своего пренебрежения.

— Но ты совсем другое дело, — сказал Сахэм Хэйвигу. — Ты именно такой, какие нам очень нужны. Хочешь сигару?

— Я не курю.

Уоллис долго молчал, а затем произнес как бы про себя, но достаточно громко:

— Я основатель и господин этого государства. Мы здесь поддерживаем дисциплину и субординацию. Меня называют «сир».

Хэйвиг взглянул на него. Человек средней роста, среднего телосложения, с грубо вылепленным плосконосым лицом, густыми бровями, серо-рыжими усами, которые переходили в бакенбарды.

Он весь был в черном, с серебряными пуговицами и эмблемами. Воротник, эполеты и обшлага были обшиты золотом. За поясом кинжал в богатой оправе и автоматический пистолет. Однако в нем не было ничего смешного. Напротив, он внушал почтение. Голос его звучал уверенно и мог бы производить гипнотическое действие, если бы Уоллис захотел этого. Его маленькие светлые глаза смотрели уверенно, с превосходством.

— Ты понимаешь, что все это ново для меня, — наконец сказал Хэйвиг. — Мне нужно время, чтобы привыкнуть… сир.

— Конечно, конечно, — просиял Уоллис. Он хлопнул Хэйвига по спине. — Все будет в порядке. Ты далеко пойдешь, мой мальчик. Здесь нет границ для человека, который знает, чего хочет, и имеет все, чтобы добиться своей цели. Ты ведь тоже американец. Честный добрый американец! Из той Америки, которая была сама собой. К сожалению, среди нас мало таких, как ты. Он опустился в кресло.

— Садись. Нет, подожди. Видишь мой бар? Я выпью «бурбона» на два пальца. А себе налей, что хочешь.

Хэйвиг поискал глазами соду и лед, но, к своему удивлению, не нашел. Ну что ж, видимо, Уоллису

это и не нужно, а вкусы других его не интересуют. Усевшись в кресло со стаканом рома в руке, он посмотрел на Сахэма и сказал:

— Я мог бы рассказать свою биографию, сир, но думаю, что будет полезно сначала познакомиться с твоим государством — Ээрией…

— Конечно, конечно. — Уоллис кивнул своей большой головой и затянулся сигарой. Дым был очень едким и кислым.

— Но сначала несколько фактов из твоей биографии. Итак, ты родился в… 1933, ты сказал? Что ты думаешь о своем времени?

— Что? Хм… Ничего хорошего. Я перемещался в будущее, чтобы звать, что ждет мир впереди.

— Это все моральное разложение, Хэйвиг. Ты понимаешь это, не правда ли? — Внезапно голос его загремел. — Цивилизованные люди стали врагами друг другу — сначала на войне, затем я моральном плане. Царство белого человека рухнуло быстрее, чем Римская империя. Все завоеванное лучшими сынами расы было потеряно за время жизни одного поколения. Раса утратила главное — свою гордость. Предателя — большевики и международные евреи, занимающие высокое положение, внушили простому белому человеку, что будущее мира за черными. Я видел

все это, я изучал твою эру. Ты, живущий в то время, видел это?

Хэйвиг задумался.

— Я видел глупость, предубеждение, суеверие. Грехи отцов часто передаются сыновьям.

Уоллис решил не обращать внимания на отсутствие почтительного обращения. Он улыбнулся и снова заговорил:

— Знаю, знаю. Не думай, что я расист. Многие из цветных вполне хорошие люди. Зулусы, например, или индейцы-апачи, или японцы. Те путешественники этих рас, которых мы сможем найти, займут достаточно высокое положение среди наших агентов, такое же займешь и ты. Черт побери, я восхищаюсь вашими израильтянами, по крайней мере теми их действиями, о которых я слышал. Нечистокровный народ, не имеющий ничего общего с библейскими евреями. Прекрасные солдаты и умницы. Я вообще отношусь с симпатией к тем, кто сохраняет свое национальное лицо и гордость. И меня выводят из себя те, кто использует такие выражения, как «ниггер», «краснокожий», «чанк», «каик», «уоп»... ты знаешь, о чем я говорю. И среди таких очень много чистокровных белых, которые либо полностью утратили разум, либо продались врагам.

Хэйвиг подумал, что же послужило основой для расистских взглядов Сахэма. И вспомнил, что еще Авраам Линкольн говорил о врожденной неполноценности негров.

— Сир, — осторожно начал он, — я думаю, что нам не стоит спорить, пока мы окончательно не выясним терминологию друг друга. А сейчас лучше поговорить о чисто практических вопросах.

— Ну конечно, — прорычал Уоллис. — У тебя есть мозги, Хэйвиг. Ты человек действия, хотя, конечно, в известных пределах. Но я буду честным: мозги — вот что нам требуется в настоящий момент. Особенно если эти мозги получили профессиональную подготовку в реалистической философии. — Он махнул сигарой. — Посмотри на этих, прибывших с тобой сегодня из Иерусалима. Брабантца и грека еще можно потренировать, и тогда они могут быть солдатами, разведчиками, служить прикрытием в путешествиях во времени. А остальные… — Он прищелкнул языком. — Не знаю. Это просто какая-то отрыжка прошлого. Единственная надежда, что женщина сможет рожать детей.

— Что? — Хэйвиг привстал в кресле. Что-то внутри у него подпрыгнуло. — Мы можем иметь детей?

— Друг с другом, да. Мы уже смогли это выяснить. Но не с обычными людьми. Это мы тоже выяснили. Хотя ты можешь взять себе какую-нибудь крошку, чтобы она согревала тебе постель. У нас есть рабы, которых мы захватили во время рейдов. Только не нужно мне читать мораль. Бандиты постоянно нападают на нас, и если мы не будем брать пленников, нам придется убивать их. — Он стал серьезным. — У нас очень мало женщин-путешественниц во времени. И к тому же не все из них стремятся стать матерями. Однако дар путешествий во времени не передается по наследству. Так что нам не удастся создать новую расу. Мы, разумеется, даем детям хорошее образование, предоставляем привилегированные посты в администрации, когда они вырастают. Так я гарантирую преданность своих агентов. Но, по правде говоря, мне иногда нелегко подыскать такую должность, где бы такой ставленник не приносил вреда. Да, что-то вроде аристократии, но нам не удается сделать ее наследственной. Да я и не хочу делать этого.

— Чего же ты хочешь, сир? — осторожно спросил Хэйвиг.

Уоллис отложил сигару, сделал глоток виски, сложил руки на столе.

— Восстановить цивилизацию. Иначе для чего же нас создал Бог?

— Но… когда я путешествовал в будущее…

— Федерация Маури? — Лицо его исказилось гневом, тяжелый кулак грохнул по столу. — Ты много успел увидеть? Думаю, что нет. Я изучал ту эпоху, Хэйвиг. Говорю тебе, что это сборище ниггеров, канаков, чанков, джанов, которые сейчас, пока мы сидим здесь, набирают силу. И это происходит только потому, что они меньше всех пострадали от войны. Они хотят завоевать весь мир, оседлать все человечество, в том числе и нас, белую расу. Они хотят навеки остановить прогресс… — Он откинулся назад, тяжело дыша, глотнул виски и заявил: — Но у них ничего не выйдет. Пусть блаженствуют еще три-четыре столетия. Я боюсь только одного: что люди привыкнут к их ярму. Но потом… Вот для чего я создал Ээрию, Хэйвиг! Чтобы подготовить будущее…

— Я родился в Нью-Йорке в 1853 году, — рассказывал ему Сахэм. — Мой отец был мелким торговцем и убежденным баптистом. Мать — вот ее фотография. — Он показал на бледную фотографию печальной женщины, и нежность проступила на его лице. — Я был последним из семи детей, и отец не тратил на меня много сил

и энергии, так как его любимым сыном был старший. Я с ранних лет научился быть замкнутым, держать язык за зубами. Я поехал в Питсбург, когда мне официально исполнилось семнадцать лет. К этому времени мое второе, более старшее «я» из будущего хорошо поработало надо мною, так что я уже знал свое предназначение.

— А как ты сделал себе состояние? — спросил Хэйвиг из чисто дипломатических соображений.

— Обычная спекуляция землей, так это называется в деловых кругах. Во всяком случае, когда мне исполнилось тридцать пять лет, я решил, что пришло время заняться тем, для чего меня создал Бог. Конечно, я не оправдал надежд отца, но, полагаю, такова судьба всех путешественников. И я верю, что Бог определяет каждому человеку то, что он должен сделать на земле.

Затем Уоллис рассмеялся так, что живот его заходил волнами.

— Да, я понял, что жизнь дается человеку только затем, чтобы он совершил то, что ему предназначено?

Он протянул свой пустой стакан:

— Налей. Я обычно мало пью, но видит Бог, как мне хотелось поговорить сумным человеком. Тут есть несколько умных людей вроде Красицкого,

но он иностранец. Кроме того, есть пара американцев, но я с ними провел столько времени, что могу заранее сказать, как они ответят на любое мое слово. Налей себе и мне и поболтаем немного.

Теперь и Хэйвиг мог задать вопрос:

— А как ты вошел в свой первый контакт, сир?

— О, я нанял множество агентов, разбросанных по всему девятнадцатому веку. Они печатали объявления в газетах, в журналах, альманахах. Разумеется, они не употребляли слова «путешественник во времени», более того, они даже не знали, зачем мне это. Сам я не писатель, а человек действия, но у меня были деньги, и я мог нанять себе мозги.

Хэйвиг кивнул.

— Это и мне приходило в голову, сир. Но я жил в то время, когда идея о путешествии во времени была уже затрепана авторами научно-фантастических романов. Так что если бы я предпринял что-либо подобное, то неминуемо привлек бы к себе общее внимание. Так скольких же ты собрал?

— Сир.

— Прошу прощения, сир.

Уоллис тяжело вздохнул:

— Одиннадцать. Из всего этого проклятого столетия — одиннадцать. — Он пренебрежительно махнул рукой. — Лучший из них Остин Колдуэлл. Он был заросшим щетиной пограничным жителем, когда пришел ко мне, но потом он стал одним из моих лучших помощников. Это он назвал меня Сахэмом. Я очень люблю его.

Затем явился маг и предсказатель будущего с ярмарки, потом профессиональный игрок, девушка с юга. Всё это американцы. За границей мы нашли баварского солдата, агента инквизиции в Испании, венгерскую еврейку, студента из Эдинбурга, который чуть не тронулся, отыскивая в книгах объяснение своему дару, кокотку из Парижа и молодую крестьянскую, чету из Австрии. С последними двумя нам повезло. Они сами нашли друг друга — это единственный случай среди путешественников, когда они оказались соседями… Видишь, какое разнообразие характеров! Ты можешь представить языковые проблемы, проблемы транспортировки, проблемы убеждения.

— Но не больше, чем с последними из найденных? — Хэйвиг почувствовал себя уязвленным.

— Да, примерно столько же. Ты же понимаешь, одни боятся присоединиться к нам, другое просто не хотят оставлять старую жизнь, третьи

считают, что им выгоднее оставаться в таком состоянии, так как можно торговать предсказаниями будущего, этот не хочет бросать жену и детей. Я даже обдумывая план похищения его жены, но какой толк от путешественника, который неохотно отправляется за тобой? Мужчину можно запугать и добиться от него повиновения, но женщины… они чересчур трусливы, чтобы бояться чего-то определенного.

Хэйвиг вспомнил бесшабашную девушку, которая поцеловала его во дворе, но ничего не сказал.

— Как только у меня появились подчиненные, — продолжал Уоллис, — я смог расширить сферу своих действий. Теперь я могу изучать большие временные пространства и на основе полученных наблюдений формировать план действий. В первую очередь следовало создать фонды и опорные пункты в различных эпохах. Теперь я мог собирать путешественников из разных эпох, мог выбрать место, где лучше основать Ээрию. Местные изголодавшиеся жители с радостью встретили меня как своего повелителя, принесшего зерно для посевов и обеспечившего им защиту оружием.

Хэйвиг потер подбородок.

— Могу я спросить, сир, почему ты выбрал именно это место?

— Разумеется, спрашивай, что хочешь. Отвечу, если смогу. Сначала я подумал о прошлом, но даже в доколумбовой Америке мы могли бы оставить следы, которые озадачили бы будущих археологов. В этом же столетии феодализм, подобный нашему, распространен по всей планете, поэтому мы здесь не будем уникальными. Разумеется, наши подданные знают, что мы обладаем могуществом, и они называют нас магами или детьми богов, духов, кому что нравится. К тому времени, как цивилизация восстановится, о нас останутся только неясные слухи, ученые будут считать, что когда-то здесь существовал религиозный культ, один из многих.

Хэйвиг задал еще один вопрос:

— Насколько я знаю, хотя очень немного, как раз в настоящее время формируется культура Маури в Тихом океане. Их будущие археологи будут наверняка больше заинтересованы твоей колонией, чем поселениями темных варваров.

— Ты, разумеется, прав, — согласился Уоллис. — С точки зрения Маури. Но не следует забывать, что именно мы наследники великой культуры. Просто нам не повезло.

Хэйвиг должен был согласиться. Действительно, Океания была слишком незначительна, чтобы быть подвергнутой атомной бомбардировке. Омывающие острова воды были загрязнены меньше всего и быстрее всего очистились. Но к этому времени человек уже стал редким явлением на планете. Жители этих островов жили примитивно, их жизнь почти не зависела от современной технологии. А в развитых странах Северной Америки, Европы, Азии люди начали погибать миллионами, когда был уничтожен индустриально-сельскохозяйственно-медицинский комплекс. Теперь, когда все погибло, требовалось либо время, либо информация, чтобы восстановить индустрию.

Хэйвиг отважился спросить:

— Сир, ты не думаешь, что Маури в своем прогрессе послужат нам?

— Естественно, — буркнул Уоллис. — Я даже буду помогать этим ублюдкам. Но только так, чтобы они смогли сесть в седло, и ни на йоту больше. Мы будем пристально наблюдать за их развитием, чтобы не отпустить слишком далеко.

Затем, наверное, чтобы сменить тему разговора, он продолжал:

— Мы должны быть очень осторожны, чтобы

не упустить лидерство. Сейчас мы управляем территорией двух штатов. Необходимо добиться, чтобы наша власть простиралась не только в пространстве, но и во времени. Мы должны подбирать руководителей из числа обычных людей. Для этого, к примеру, можно проследить жизненный путь какого-нибудь способного мальчишки. Убедившись в его способностях и преданности, можно готовить его к занятию соответствующего поста. Ты не думай — мы не чудовища и не паразиты. Иногда, конечно, и нам приходится быть жестокими. Но наша цель одна: вернуть человечество на тот путь, по которому его направил Бог. — Он наклонился вперед. — И мы это сделаем, — прошептал он.

— Я путешествовал в будущее. И хотя пройдут тысячелетия, я видел… Ты с нами?

ГЛАВА 8

Следующие несколько месяцев все было хорошо, — сказал мне Хэйвиг. — Однако я был очень осторожен. Например, я скрыл некоторые биографические события и точные даты. Более того я не стал раскрывать истинное предназначение хронолога, и Уоллис потерял к нему интерес. После этого я припрятал его. Если эти люди именно таковы, какими я хотел бы их видеть, они потом простят мне мои колебания и недоверие.

— Но что заставляло тебя тревожиться? — спросил я.

Он поморщился:

— О, сначала мелкие детали. Вроде общего стиля поведения Уоллиса. Хотя мне не удалось завести с ним более близкого знакомства, так как он сразу же переместился в будущий год. Представляете, какие возможности для контроля за своими подчиненными?

— Да, если во время его отсутствия подчиненные не устроят заговор.

Он покачал головой:

— Не та ситуация. В каждой эпохе у него есть

верные сторонники, а кроме того, целый отряд преданных путешественников, которые постоянно курсируют во времени туда-сюда, контролируя положение вещей в любой точке пространства и времени.

К тому же, как можно устроить заговор с тупыми фермерами, рабочими, надменными солдатами и чиновниками? Да и с самими путешественниками? Ведь все они — разноязыкая толпа, не объединенная никакими общими интересами. Почти все они собраны из послесредневековой Западной Европы.

— Почему? Разве в других эпохах было меньше путешественников?

— Нет, не меньше. Просто в этом случае препятствием служит языковой барьер, культурное наследие. Трудности слишком велики, и результаты не оправдывают затраченных усилий. Путешествие в Иерусалим было только экспериментом. И, если не считать меня, результаты поиска оказались разочаровывающими.

В Ээрии официальным языком был английский, и каждый был обязан изучать его. Но, несмотря на это, я с трудом общался с обитателями замка. Дело не в том ужасающем акценте, с которым они говорили. Дело в том, что наше мышление

было в корне различно. С моей точки зрения, все они были мошенниками. А я, с их точки зрения, был чистюлей, сосунком. Все они с подозрением относились друг к другу, следили друг за другом, каждого считали своим врагом. Как можно было объединить их?

И почему они должны были быть иными? Ведь им приходилось жить, как петухам, — в постоянной драке… Драка за лучшую пищу, за удобства, за слуг, за женщин для постели, за развлечения, за должность. Каждый из них обучался тому, к чему был способен. Наиболее умные занимали посты в администрации, наиболее сильные становились командирами отрядов воинов, остальные превращались в клерков. Меня стали тренировать на должность разведчика во времени. Хотя в целом поначалу мне не на что было жаловаться.

— Но все же тебе не понравились твои новые приятели, — заметил я.

— Почему? Некоторые понравились. Например, Уоллис вызывает симпатию своей целеустремленностью. Или его лейтенант Остин Колдуэлл, уже седой, но крепко сбитый, большой шутник, прекрасный наездник. Он любит выпить и знает много разных историй. К тому же он полон юмора и весьма дружески ко мне относится,

что облегчило мое существование там в первое время. Рэйел Оррик, бывший ярмарочный маг, восхитительный старый мошенник, Джерри Дженнингс, английский школьник из 1918 года. И еще некоторые. И Леонса… — Он зачарованно улыбнулся. — Особенно Леонса…

Он только въехал в свои двухкомнатные апартаменты в замке, как тут же получил подарок. Леонса подарила ему медвежью шкуру и бутылку «Гленливета» из прошлого. Он не был уверен, что подарок вызван сердечностью, как не был уверен и в сердечности остальных, но ее манеры поражали Хэйвига еще больше, чем ее ужасный диалект. Жадный поцелуй всего через пять минут после знакомства, затем ее неприкрытое внимание… Но в то время Хэйвиг был занят обдумыванием более важных вещей и не обращал на это внимания. Он отказался от предложенной ему девушки. Этот обычай ему не совсем понравился. Это послужило еще одной причиной, чтобы согласиться на предложение Леонсы провести вместе выходной день.

Бандиты были давно изгнаны из близлежащих областей, и конные патрули постоянно следили за тем, чтобы они не появлялись вновь. Так что Можно было без охраны выехать в лес. Они взяли

с собой пистолеты, но не для защиты, а скорее как знак принадлежности к привилегированной касте, которой разрешено иметь оружие.

Леонса выбрала дорогу, которая пролегала среди полей, дремавших под утренним солнцем. Затем они поехали по извилистой тропе и оказались в лесу, который всколыхнул в душе Хэйвига воспоминания о лесе Моргана. Запах свежескошенного сена смешивался с ароматами прелых листьев и сырого мха. Было тепло, но свежий ветерок шевелил листву и заставлял плясать солнечные зайчики в траве и на лице. Вверху между веток шныряли белки. Глухой звук копыт отдавался в тишине леса.

Но пути она расспрашивала его, и он с готовностью отвечал. Какой мужчина откажется рассказать о себе привлекательной женщине? Особенно когда для нее твое прошлое кажется непостижимым. Языковой барьер рухнул. Она была здесь недолго, всего год, если учитывать путешествия во времени, но уже сносно говорила по-английски, особенно сейчас, когда не была возбуждена. К тому же он привык к особенностям ее произношения.

— Значит, ты из Высоких Лет? — вздохнула она, наклонилась в седле и погладила его руку.

— Что ты называешь так? — спросил Хэйвиг. — Эпоху перед Судным Днем?

— О, это когда люди научились летать к Луне, звездам. — И он понял, что, несмотря на свои внушительные размеры, эта девушка совсем юная по возрасту. Ее раскосые глаза излучали свет, когда она смотрела на него. Они буквально светились под ее рыжими волосами, которые были сегодня аккуратно причесаны и затянуты лентами.

«Годы, когда мы сами себя осудили на смерть и подписали свой приговор», — подумал Хэйвиг. Но он не стад говорить этого.

— А ты, кажется, пришла из более благополучного времени, — сказал он.

Она улыбнулась, затем сразу сделалась задумчивой, потерла подбородок и долго смотрела на уши своей лошади. Наконец она сказала:

— И да и нет. Думаю, что и у тебя так же.

— Может, ты мне объяснишь? Я слышал, что ты из будущего, но больше ничего не знаю.

Она кивнула, и волны розового света прокатились по ее волосам.

— Примерно сто пятьдесят лет спустя. Народ гласьеров.

Когда они въехали в лес, стало невозможно передвигаться рядом. Она ехала впереди, а Хэйвиг

— сзади, восхищаясь ее грациозной посадкой в седле. Она рассказывала, изредка оборачиваясь и посылая ему солнечную улыбку.

По ее описанию страны, где она родилась, он узнал гористую и красивую местность, известную ему сейчас как Гласьер и Уотертон-Парк. Сейчас ее предки находились где-то в восточной части, оттесненные ордами монголов, захватывающих пространства для своих стад. Уже сейчас они были больше охотники, чем фермеры, изредка грабили соседние племена, торговали мехами, кожей, шкурами. Пока что они не были объединены и жили замкнутыми кланами.

По со временем их численность и территория увеличатся, и тогда без твердой организации, без законов им не обойтись. Дикие люди перестают быть дикими, когда преимущества закона и порядка входят в их умы. Несомненно, их будущий вождь Ииджун Самаль, который начнет вколачивать новые понятия в головы своих соплеменников, разобьет при этом много голов.

— Когда я оставила свою родину, — говорила Леонса, — все уже было спокойно. Монголы ушли, и мой народ продолжал торговать и воевать с соседями. Причем все больше и больше начинал заимствовать от них. Как я узнала, через сотню

лет после моего ухода гласьеры объединились с племенем Норвес-Юнион. Но я не хочу возвращаться к ним.

— Мне кажется, что здесь ты тоже ведешь довольно суровую жизнь.

— Могло быть и хуже. Да и не в этом дело. Я могла бы уйти и в другую эпоху… Вот мы и приехали.

Они привязали лошадей на небольшой лужайке. Вокруг них склонились деревья, шелестя листвой. В густой траве мелькали поздние одуванчики. Леонса распаковала пакет с провизией — огромное количество разнообразных фруктов я сэндвичей. Хэйвигу этого хватило бы на неделю.

Сначала они решили выпить и немного отдохнуть. Леонса села, прислонившись к стволу дерева, и разлила вино в серебряные стаканчики.

— Продолжай, — напомнил он. — Я хочу услышать о тебе.

Ее ресницы затрепетали. Он заметил легкие морщинки на носу.

— А, ничего интересного для тебя, Джек.

— Пожалуйста, мне интересно.

Она рассмеялась радостно. И все же история, которую она рассказала, была скорее печальной,

чем веселой.

В роду Гласьер существовала традиция равенства между родами, которая никогда не умирала, либо возродилась в ту эпоху. Женщины, как и мужчины, ходили на охоту, участвовали в сражениях. Разумеется, существовала и некоторая специализация. Так, мужчины выполняли работу тяжелую, требующую физической силы, а женщины делали то, что требовало терпения, усидчивости. Кроме того, прерогативой женщин было то, что Леонса называла «скуллой», — предсказания, разгадывание снов, чтение и письмо, лечение некоторых болезней, изгнание злых духов. И еще… напускание тумана на глаза, наведение порчи.

Но никто из женщин не делал тайны из своего умения.

Ее отец был (или будет) воином по имени Вольфскин-Джем. Он погиб во время нападения враждебного клана Лафи. Его жена Онда вместе с детьми спаслась и нашла убежище в клане Донналь. Затем последовали годы войн и интриг. И только потом остатки раньянов нашли союзников и после кровопролитного сражения вернулись в свою страну. Леонса, шпионка во времени, играла ключевую роль в этой войне. И

она неизбежно стала новой Скуллой Вахорна.

Сначала она внушала друзьям не ужас, а почтение. Она жила и развлекалась, как и все остальные юноши и девушки. Но постепенно дар выделил ее из всех, окружил благоговейным трепетом. И, обладая такой Скуллой, Вахорн приобрёл могущество среди других кланов.

А Леонса стала совсем одинокой. Все ее сверстницы выходили замуж, и постепенно она осталась одна с Ондой в старом вигваме Джема. У нее были любовники, как это принято среди незамужних, но ни один не просил ее стать женой словно она была нечто неприкосновенное, запретное. А затем даже любовники оставили ее. Нет, иногда они приходили, но приходили просить совета, а не наслаждения. Разочаровавшись в дружбе, Леонса стала требовать, чтобы ее брали в разбойничьи набега на соседей. В этих набегах погибали люди, и она уже не раз слышала, как ее соплеменники требуют, чтобы она заколдовала их от смерти. Ведь она наверняка может, ведь она же Скулла… или не хочет? Затем умерла Онда.

Вскоре прибыли разведчики во времени и нашли ее по слухам. Она с радостью и слезами приветствовала их. Вахорн больше никогда не увидит ее.

— О Боже, — Хэйвиг обнял ее плечи. — С тобой поступили так жестоко.

— Там было так хорошо: охота, игры, лыжи, песни. — Она выпила немного вина. — Я неплохо пою. Хочешь послушать!

— Конечно.

Она вскочила, взяла из сумки маленькую гитару и тут же вернулась.

— Я также играю на костяной флейте. Но не могу же я играть на флейте и петь. Вот песня, которую я придумала сама. Когда я была одинока, я все время придумывала песни.

К его удивлению, пела она прекрасно. И те слова песни, которые он мог понять, наполняли его трепетом.

— Ну как? — спросила она, окончив пение.

— Прекрасно, — ответил Хэйвиг. — А что еще ты умеешь делать?

— О, я умею читать и писать. Играть в шахматы. Конечно, здесь правила игры несколько отличаются от тех, что были у меня дома, но я быстро освоила их. Остин научил меня играть в покер, и я много выигрываю: И еще я умею шутить.

— Что?

Она улыбнулась и прижалась к нему.

— Я думала, мы пошутим после ленча, Джек,

сладкий мой, — прошептала она. — Но почему бы нам не пошутить до и после? Мммм?

И вскоре, когда неописуемое наслаждение поглотило его, он узнал, что еще одно слово к этому времени изменило свой первоначальный смысл.

— Вот так, — сказал он мне. — Мы жили вместе, пока я не покинул ту эпоху… несколько месяцев. И это было восхитительно. Мне нравилась эта девушка.

— Но ты не любил ее?

— Н-нет. Думаю, что нет. Хотя что такое любовь? Впрочем, оставим это. — Он посмотрел в окно нашей комнаты. Там была ночь. — У нее был очень горячий характер, и она часто заводилась по пустякам. Еще больше ее злило то, что я не вступал с нею в ссоры. — Он потер усталые глаза. — Непохоже на мой темперамент, да, док? И к тому же я ревновал ее. Она спала со многими до того, как появился я. Она продолжала делать это и теперь, хотя и не так часто. Она просто не представляла, как это можно не лечь в постель с мужчиной, если он тебе понравился. Естественно, она предоставила мне такую же свободу относительно других женщин. Но… мне это было не нужно.

— Почему же она ни от кого не забеременела?

Лицо его исказила гримаса.

— Она потребовала, чтобы ее отправили в годы, непосредственно предшествующие Судному Дню. Отчасти для того, чтобы посмотреть, но главная ее цель была запастись противозачаточными средствами. Она хотела иметь детей, но только тогда; когда будет к этому готова. А до тех пор она хотела наслаждаться жизнью. Она так любила наслаждения…

— Но раз она все время оставалась с тобой, значит, между вами существовали какие-то узы, привязанность.

— Конечно. Я пытался разъяснить вам, что меня притягивало в Леонсе. Что же касается ее… трудно сказать. Хорошо ли мы знали друг друга? Да и насколько вообще могут узнать друг друга мужчина и женщина? Мои знания и интеллигентность возбуждали ее. Буду честным, пожалуй, там у меня был самый высокий уровень интеллектуального развития. А я полагаю, люди всегда чувствуют тягу к своим антиподам. Я вовсе не бел похож на какого-нибудь дикого горца или твердолобого наемника эпохи Ренессанса. — Он снова загадочно улыбнулся. — Тем не менее она подарила мне много радости, и я всегда буду благодарен ей за это и за то, что произошло потом.

Подозрения Хэйвига развивались постепенно.

Он старался сопротивляться им, но они крепли, особенно когда он заметил, что здесь в разговорах стараются не касаться некоторых тем, не отвечать на некоторые вопросы. Остин Колдуэлл заметно терялся, когда Хэйвиг затевал беседы на запретные темы, а Рэйел Оррик старался перевести разговор на выпивку или, когда выхода не было, цедил неохотно: «Придет время, ты все узнаешь, сын мой». Другие же просто советовали ему заткнуться.

Он был не один в подобной изоляции. Но другие просто не обращали внимания на это, и только юный Джерри Дженнингс как-то воскликнул: «Клянусь Богом, ты прав!»

То же самое сказала и Леонса, правда, в более крепких выражениях и сразу же постаралась оправдать этот заговор молчания: «Мы с Конрадом появились в одно время. А ты еще раньше».

— Я пробудил ее любопытство, и она нашла свои методы удовлетворить его. О, совсем не то, что ты думаешь, док. Нет, она просто воспользовалась тем, что могла перепить любого и, споив того или иного мужчину, начинала выпытывать у него все, что ее интересовало. А по ночам, хихикая, как нашкодившая школьница, она рассказывала мне о том, как проникла в самые

запретные тайны Ээрии, проскользнула в самые различные периоды времени ее существования, чтобы узнать, вынюхать.

— Насколько я могла понять, — сказала она, — Уоллис просто боится, что ты и подобные тебе возмутитесь, — когда увидите, что делают его агенты в некоторое время и в некоторых местах.

— Впрочем, я и сам пришел к такому же выводу, — сказал Хэйвиг. — Я видел ранние века и знаю, какие люди рождались в них. Путешественники ничем не отличаются от людей их времени. То, что они приходят сюда, не меняет их природы.

— Судя по всему, тебя будут постепенно вводить в курс дела, — уверяла его Леонса. — А от меня все это скрывали только потому, что я с тобой.

— Ты имеешь в виду, что примиришься со всем этим?

— А что? Иногда приходится быть жестоким. Разве люди твоего времени не такие?

И он с болью вспомнил свое время, его бесчеловечные деяния: жестокую эксплуатацию коренных жителей в колониях, изгнание индейских племен с их исконных земель и многое другое.

Леонса простодушно продолжала:

— Слабых всегда притесняют и угнетают, если только им не повезет и кто-либо сильный не встанет на их защиту. Если бы я была бессмертна, я никогда не убила бы ни одного животного, даже для пищи. Во я умру. Значит, я тоже в игре. И ты тоже, мой дорогой. Так давай же играть так, чтобы получать выигрыш.

Он долго раздумывая над этими словами.

— Во всяком случае, — сказал он, и в голосе его я услышал горечь, — я еще раз убедился, что золото лучше, чем дерьмо.

— И то, что цель не всегда оправдывает средства, — заметил я. — Иначе говоря, совершенства достигнуть невозможно. Хотя в реальном мире всегда можно выбрать меньшее из зол. Хотя как врач могу сказать, что иногда выбор очень труден. Например, чтобы избавить пациента от неизлечимой мучительной болезни, кажется милосердием дать ему яд. Но продолжай, пожалуйста.

— Мне показали эпоху Маури, чтобы я сам мог убедиться, что их лидеры стали тиранами и делают все, чтобы остановить прогресс. Правда, это был переходный период, и мне пришлось согласиться, что когда гегемония Маури начнет распространяться по всему миру, нам надо будет

вмешаться, остановить рост их могущества и обусловить возврат к прогрессу.

— Разумеется, не открыто, — возразил я, — так как человечество не будет готово воспринять ваше появление.

— Конечно, конечна Нам придется ждать целые столетия, пока мы не станем достаточно сильны для такого вмешательства.

— Леонсе разрешили путешествия в будущее?

— Да. Уоллис благоволил к ней. Она много рассказывала мне о том, каких высот достигла будущая цивилизация. Правда, она не была уверена, что это и есть прогресс. Она говорила о воздушных кораблях, о дирижаблях с электромоторами, ранчо в океане, солнечных батареях, широком использовании бактерий для изготовления топлива, развитии теоретических и прикладных наук, особенно биологии.

Он остановился передохнуть, и я вставил вопрос:

— Неужели именно в таких выражениях рассказывала тебе обо всем твоя дикарка?

— Нет, нет. Ее впечатления были более общими. Но она, как охотница и шаманка, прекрасно умела наблюдать и делать выводы. Она могла проследить общий ход событий. Я понял, что

люди будущего, достигнув одной высоты, не поспешат к следующей. Они не будут совершенствовать своих достижений, только расширят сферу их применения.

Вряд ли это подходило Уоллису с его стремлением к постоянному совершенствованию, к идеальному обществу. Общество быстро двигалось к своей последней, как мне показалось, стадии — регрессии, всеобщей жестокости. Агенты Ээрии еще не создали достаточно мощной организации и потому не рисковали проводить детальных исследований. К тому же они не понимали, что лежит за всем этим. Все казалось достаточно мирным, спокойным, но непонятным. По опыту своих редких путешествий в будущее я уже готов был поверить Уоллису.

— Что это было за общество? — спросил я. — Ты можешь мне что-нибудь сказать?

— Очень немного. У меня не было времени. Странно звучит, не правда ли? Но это так. Не забывайте, что я это делал почти в секрете от всех.

— Насколько я понимаю, твои путешествия в будущее не уничтожили скептицизма в отношении целей Уоллиса? — спросил я внешне спокойно, но испытывая волнение.

Он пробежал пальцами по волосам.

— Подумайте, док. Вспомните таких высокоинтеллигентных людей, как Бертран Рассел и Герберт Уэллс. Они совершили путешествие по сталинской России и по приезде домой заявили, что там, конечно, как и везде, есть свой проблемы, но они в основном обусловлены чисто внешними факторами и при доброй воле правительства могут быть успешно решены. И, конечно, будут решены. Однако не забывайте также, что их проводники послушно следовали инструкциям Кремля и показывали только то, что иностранные визитеры не смогли бы неправильно, с их точки зрения, интерпретировать. — Улыбка его не была приятной. — Может, проклятие всей моей жизни и состоит в том, что я потерял желание верить.

— Значит, ты не веришь в то, что Ээрия принесет миру пользу? И ты думаешь, что у Маури тебе показывали только нетипично плохие черты цивилизации?

— Не совсем так… Все зависит от интерпретации. А вот вам пример…

В одном из своих походов в будущее он сумел познакомиться с неким сверхсекретным документом. В нем говорилось, что ученые Хиндурая разработали водородный генератор, который покончит с извечной нехваткой горючего на Земле.

Однако правительство Маури сделало все, чтобы об этом открытии не стало известно народу. Мотивом служило то, что такой генератор послужит возрождению машинной цивилизации, а Земля не вынесет второго такого удара.

И все же в будущем цивилизации Маури Хэйвиг видел огромные бесшумные машины, видел людей, животных, свежую траву… и чистый воздух.

— Были ли социологи Ээрии искренни в своей вере? Или же они просто старались сохранить свое положение? Или и то и другое? Или ни того ни другого? Или что? И несет ли людям добро это будущее? Откуда я могу знать?

— А ты спрашивал своих компаньонов? — спросил я.

— Конечно. Во-первых, Остина Колдуэлла, честного человека, твердого, как те индейцы, которые охотились за его скальпом.

— Что же он сказал тебе?

— Он посоветовал прекратить задавать свои дурацкие вопросы и во всем довериться Сахэму. «Сахэм уже сделал очень много, не так ли? Сахэм все изучил и все обдумал. Он не считает, что знает все, но для этого у него есть мы. Он пользуется нашей объединенной мудростью и ведет по правильному пути…»

Я извинился и вернулся в Ээрию вместе с ним.

ГЛАВА 9

Вскоре после этого он получил два свободных дня, которые провел в обществе Леонсы, залечивая свои душевные раны. Период его тренировки и индоктринации затянулся, и уже наступила зима, так что он мог с удовольствием отдаться зимним видам спорта. Кроме того, он перечитал Историю Будущего, написанную Уоллисом, и сделал свои выводы в зависимости от того, чему он был свидетелем. Он даже обсудил некоторые проблемы с Вацлавом Красицким, который был самым ученым из нынешних правителей замка.

Сахэм признавал, что его труд далек от совершенства, но в своих путешествиях он видел больше, чем кто-либо иной. Он побывал в самых разных уголках Земли, что было недоступно его подчиненным ввиду ограниченности транспортных средств. Он говорил с очень многими людьми самых разных эпох.

Он знал, что под его контролем Ээрия будет существовать следующие два столетия. Он встречался с самим собой и выяснил, что первая фаза его плана успешно претворяется в жизнь. К тому

времени эта крепость уже подлежала эвакуации. Новая цивилизация распространилась повсюду, и государство, подобное Ээрии, уже не могло существовать изолированно. Оно должно было выходить на широкую арену.

Новая база была (будет) создана в будущем. Хэйвиг посетил ее я обнаружил, что она в корне отличается от старой. Широко использовались новые материалы, изощренные конструкции. Все было в основном сосредоточено под землей. Там имелась новейшая техника, парили, термоядерные реакторы, автоматизация.

Это была эра восстания против Маури. Их попытка навязать свою философию всему человечеству с треском провалилась. Сомнения, недовольство, мятежи вспыхивали в разных уголках Земли. В одной из стран был разработан водородный реактор, и она не делала из этого секрета. Разваливались старые союзы и блоки, на их обломках возникали новые.

«Нам постоянно нужны терпение и жесткость, — писал Уоллис. — Теперь у нас гораздо больше материальных ресурсов, чем в эру Фазы Один, и гораздо больше опыта и умения, чтобы использовать их. Главное, что нам нужно сделать, это увеличить наши военные силы за

счет пересылки в эту эпоху путешественников. Я прекрасно понимаю, что это связано с большими трудностями. У нас нет надежды победить весь мир. Наша империя должна воздвигаться медленно и постепенно».

Так чем же должна окончиться Фаза Два? Уоллис был уверен, что на Земле люди Ээрии с ее высокоразвитой энергетикой и техникой будут вне конкуренции. Он утверждал, что Фаза Три пройдет под знаком единения всех народов планеты под эгидой новых хозяев, под знаком создания человека нового типа. Заглянув в далекое будущее, Уоллис видел такие чудеса, что был не в состоянии описать их.

Однако эта часть книги была довольно смутной. Точную информацию было трудно собрать. Уоллис продолжал описывать будущее, но уже без подробностей. Он уже знал, что жизнь его закончится в Фазе Один. Он встречал там самого себя, бывшего уже довольно старым человеком.

— И я рад, что послужил воле Бога и выполнил его предназначение. Вряд ли наука найдет возможность сделать старого человека молодым я бессмертным. Но я уверен, что природа путешествий во времени будет открыта, и, возможно, они будут доступны каждому. И тогда люди най-

дут нас, тех, кто создал их будущее, и воздадут нам должное!

Хэйвиг поджал губы я подумал: «Я уже видел, что происходит, если людям навязывают идеологию. Впрочем, этот выступает скорее учителем, чем хозяином… — А потом ему пришла в голову новая мысль. — Служить этому человеку — значит превратить мой дар в ничто, а всю жизнь сделать никчемной».

Однажды его вызвал Красицкий. Это был холодный день. Солнечные лучи играли на сосульках, свисающих со стен башен и крыш. Хэйвиг ежился от холода, пересекая двор.

Красицкий был в форме. Он находился в служебном помещении.

— Садись, — приказал он.

Жесткий стул скрипнул под Хэйвигом.

— Как думаешь, ты готов к своей работе?

Дрожь пробежала по телу Хэйвига. Пульс его участился.

— Д-да. Начинать страшно. Я… — Он выпрямился. — Да.

Красицкий достал какие-то бумаги из стола:

— Я посмотрел, каковы твои успехи, и решил, как лучше использовать тебя. С минимальным риском. Я знаю, что ты сам приобрел богатый

опыт в путешествиях и уже сейчас представляешь ценность для нас. Однако ты еще не выполнял наших заданий. — Он коротко улыбнулся, — Моя идея базируется на твоих индивидуальных особенностях.

Лицо Хэйвига не выразило ничего.

— Нам нужно расширять нашу деятельность. Особенно в части поиска путешественников. Ты рассказывал о своем визите в Константинополь периода Византии. По-видимому, это самое удобное место, откуда можно начать систематический поиск в средних веках.

— Прекрасно! — возбужденно воскликнул Хэйвиг. Радость охватила его. — Центр цивилизации! Все торговые пути проходят через него…

Красицкий поднял руку:

— Постой. Это позже, когда у нас будет достаточно людей, широкая сеть агентов. А сейчас мы ограничены в своих возможностях. Не забывай, мы должны к определенному времени завершить Фазу Один. Нет, Хэйвиг, сейчас требуется сделать нечто иное, более важное.

— Что?

— Если бы у нас было много денег той эпохи, нам было бы там легче работать. Но ты же знаешь, как сложно переправлять ценности через

время. Следовательно, мы должны раздобыть их на месте. И быстро.

Хэйвига охватили неясные подозрения.

— Не думаешь же ты о грабеже?

— Нет, нет. — Красицкий покачал головой. — Слушай. Нападение на мирный город, достаточно крупное, обязательно попало бы в Книги историков, о нем узнали бы все. Кроме того, это опасно само по себе. Ведь наши люди не могут применять огнестрельное оружие, а византийская армия и стража сильны и дисциплинированы. Нет, это было бы сумасшествием.

— Что же тогда?

— Воспользоваться хаосом и забрать то, что в противном случае стало бы добычей безжалостных грабителей.

Хэйвиг молча ждал.

— В 1204 году Константинополь был разграблен крестоносцами во время четвертого Крестового похода. После них Константинополь был полностью разрушен. — Он махнул рукой. — Почему бы нам не получить свою долю? — Он всмотрелся в лицо Хэйвига. — К тому же мы дадим компенсацию жителям, мы защитим от резни и насилия, поможем им сохранить жизни.

Хэйвиг с отвращением выругался.

Ему пришлось провести много времени в библиотеке, просматривая пленки и стараясь подобрать костюм, соответствующий эпохе.

Самолет доставил его в окрестности Стамбула двадцать первого века, где сейчас были только развалины, и улетел сразу же, как только Хэйвиг отправился в прошлое. Здесь еще все было заражено радиоактивностью. Хэйвиг еще не открыл тайну своего хронолога и теперь должен был отсчитывать время по восходам и закатам солнца.

Леонса была в ярости от того, что Хэйвиг не взял ее с собой. Однако она не могла быть полезной ему, даже наоборот, привлекла бы к себе излишнее внимание.

Хэйвиг решил явиться в образе пилигрима-скандинава, разумеется, католика, но менее твердолобого, чем французы, венецианцы, арагонцы и другие западноевропейпы, которые, подобно волкам, старались задушить умирающую империю. Конечно, лучше всего было бы предстать в роли русского — их было много в Византии, — но русские уже тогда отличались крайней ортодоксальностью взглядов. Хэйвиг не стал рисковать, боясь провала, и сразу отбросил эту мысль.

Он также решил, что явиться в год нападения

слишком рискованно. Ведь любой чужестранец в годы войны подозрителен, особенно такой, который обо всем расспрашивает, всем интересуется. Крестоносцы после жаркого штурма захватили Константинополь в 1203 году. Они посадили на трон своего ставленника и начали грабить страну, прежде чем отправиться в Святые Земли. Однако их ставленник обнаружил, что сундуки царской казны пусты, и исчез. Начались трения между франками и восточными римлянами, которые кончились тем, что в январе 1204 года трон занял Алексиус, сын римского императора. Три месяца он и его сторонники старались изгнать из страны крестоносцев. Но их надежда, что Бог поможет им, лопнула, и Алексиус, не отличавшийся мужеством, бежал. Крестоносцы снова вошли в Константинополь, и началась резня.

Хэйвиг выбрал весну 1195 года. Это была прекрасная пора, кроме того, у него было время акклиматизироваться здесь. У него были при себе прекрасные поддельные документы, которые дали ему возможность пройти в город, и несколько слитков золота для обмена на деньги. Подобрав комнату в приличной гостинице — вполне приличную комнату, не имеющую ничего общего с комнатами в современных американских отелях

даже высокого класса, — он начал вживаться в ситуацию.

Свой первый визит он нанес в 1050 год. Здесь была та же роскошь, та же космополитическая многоцветность, какую он встретил и в 1195 году. Новый Рим все еще оставался королем Европы. Хэйвиг увидел его с теневой стороны. Дом и лавка Дукаса Манассиса, ювелира, стояли на холме близ центра города. Этот дом, окруженный соседними зданиями, был обращен глухой стеной к вымощенной плитами улице. Но с плоской крыши его открывался чудесный вид: был виден весь город и даже дальше, за городские стены. Отсюда виднелись домики городских предместий, многочисленные церкви, монастыри, где сохранились великолепные библиотеки с трудами Эсхила и Сафо, ипподром, весь величественный комплекс дворцовых зданий. Посмотрев в другую сторону, можно было увидеть сверкающую гладь Мраморного моря, бухту Золотой Рог, где теснились торговые парусники.

На улицах города было большое движение. Шум колес, цоканье копыт, шарканье подошв, крики, песни, смех — все смешалось в одном биении сердца большого города. Ветер приносил запахи моря, которые смешивались с запахом

дыма, жареного мяса, конского навоза — запахом человека. Хэйвиг с наслаждением вдыхал этот воздух.

— Благодарю тебя, кириос Хаук, — сказал Дукас Манассис.

— Я очень рад, что тебе тут нравится. — По всему было видно, что он очень удивлен тем, что этот франк не охаивает все греческое. Впрочем, Хаук Томассон не был франком или кем-либо из союзников англичан. Он приехал сюда из какого-то северного королевства.

— Это я должен благодарить тебя, кириос Манассис, за то, что ты показал мне все это, — ответил Хэйвиг.

Они обменялись поклонами. Византийцы никогда не были скованы строгими правилами поведения. Это был пылкий народ, во все эры отличающийся врожденным вкусом и чувствам прекрасного. Однако отношения между людьми высших классов характеризовались утонченной церемонной вежливостью.

— Ты проявил интерес, — ответил Дунае. Это был седобородый человек с красивым лицом, на котором выделялись близорукие глаза. Его щуплое тело, казалось, терялось в свободном хитоне.

— Ты очень добр ко мне, — пробормотал юве-

лир. — Однако я чувствую, что все хорошее и прекрасное от Бога, и мы, подданные Рима, должны больше думать о нем, чем об удобствах своей жизни.

— Таких как это? — Хэйвиг показал на раскидистое плодовое дерева перед домом.

Дукас улыбнулся.

— Это для моей дочери. Она очень любят цветы, но мы не можем слишком часто вывозить ее за город.

Женщины в Византии имели довольно почетный статус и пользовались многими правами и привилегиями. Однако Дукас решил, что его собеседник нуждается в дальнейших пояснениях, и продолжал:

— Возможно, мы, я и Айва, слишком балуем ее. Но она у нас одна. Я уже был женат раньше, но мои сыновья от Евдоксии уже выросли. Ксения — первый ребенок Анны и моя первая дочь. — Повинуясь импульсу, он добавил: — Кириос Хаук, не считай меня слишком гордым, но я действительно рад встретить дружески настроенного иностранца. Мне очень приятно говорить с тобой. Не согласишься ли ты принять приглашение на ужин?

— Почему нет? Благодарю тебя. — Хэйвиг ре-

шил, что это хороший способ разузнать все о Византии. Все местные торговцы и ремесленники были объединены в гильдии, управляемые префектами. А этот ювелир, весьма искусный в своем деле, наверняка много знал о своих коллегах, да и, наверное, много другого полезного можно было узнать от него.

— Ты не будешь возражать, почтенный гость, если моя жена и дочь разделят с нами трапезу? — спросил Дукас. — Они не будут мешать нам. Им очень хочется послушать тебя. Ксения, прости мою гордость, еще ребенок, ей пять лет, но она уже умеет читать.

Она действительно оказалась прелестным ребенком. Хаук Томассон вернулся на следующий год и рассказал, какое он занял положение в одной из афинских фирм. Греция входила в состав империи, но большая часть ее торговли находилась под контролем иностранцев. Деятельность Томассона часто заставляла его бывать в Константинополе, и он был рад возобновить знакомство с мудрым Манассисом и надеялся, что его дочь примет небольшой презент…

— Афины… — благоговейно прошептал старый ювелир. — Теперь ты живешь в самом сердце Эллады! — Он положил руки на плечи посетителя.

Слезы стояли в его глазах. — О, это так чудесно! Так чудесно! Ты воочию видишь то, что снится мне всю жизнь! Это даже лучше, чем посетить Святые Места.

Ксения с благодарностью приняла игрушку. Как зачарованная, она за обедом и после него слушала рассказы иностранца, пока старшие не отправили ее спать. «Славная девочка, — думал Хэйвиг. — И совсем не избалована, хотя в семье она единственный ребенок и Анна не собирается больше иметь детей».

Он наслаждался и сам. Встреча с человеком умным, наблюдательным, чувствительным — это удовольствие в любую эпоху. И он в будущем поможет Манассису избежать кошмаров.

Хэйвиг знал это, поскольку тщательно исследовал будущее. Однако подчас он задавал себе вопрос: не слишком ли он внимателен к семье Манассиса? Нужно ли так часто наносить ему визиты, проводить с ними праздники, приглашать на обеды? Пришлось немного превысить расходы по сравнению с тем, что ему было позволено. Наплевать Он мог и сам финансировать себя при помощи ставок на ипподроме. Беспроигрышных ставок. У агента, работающего в одиночку, большие возможности.

Ему было противно лгать своим друзьям. Одно лишь утешало его: он делает это ради их спасения.

Голос Ксении был так тонок и звонок, что, слыша или вспоминая его, Хэйвиг думал о птичьих трелях. Она всегда радовалась его появлению и болтала с ним до тех пор, пока родители не заставляли ее уйти в свою комнату.

Она была тоненькой, как тростинка. Хэйвиг не знал ни одного живого существа, которое бы двигалось с такой грацией. Когда позволяли приличия, ноги ее танцевали, а не ступали по полу. Волосы у нее были цвета середины ночи и полностью закрывали ее нежную точеную шею. Кожа у нее была светлой и чистой, овал лица правильный, губы всегда чуть-чуть приоткрыты. И на лице выделялись глаза — огромные, бездонно-черные, под большими пушистыми ресницами. Такие глаза можно было увидеть только на мозаиках Равенны, на лице императрицы Теодоры Великой. Эти глаза было невозможно забыть.

Странно было видеть этого ребенка с интервалом времени в несколько месяцев, которые для Хэйвига были часами или днями. На его глазах девочка с поразительной быстротой превращалась в девушку. Он и сам понимал, что в то время,

как он свободно плывет по бескрайней реке времени, ей приходится барахтаться практически на одном месте.

Их дом стоял в саду, где было много цветов, апельсиновых деревьев и играл фонтан. Дукас с гордостью показывал Хэйвигу свое последнее приобретение: бюст Константина на пьедестале, того самого, который поддерживал христианскую церковь и чьим именем был назван Новый Рим.

— Хотя мастерство древних ваятелей давно утрачено, — говорил он, — посмотри все же, посмотри, как величественно его лицо с твердо сжатыми губами…

Девятилетняя Ксения хихикнула.

— В чем дело, дорогая? — спросил отец.

— Ни в чем, — ответила она, но хихикать не перестала.

— Нет, скажи нам. Я не буду сердиться.

— Он… ему нужно произнести важную речь, но ему очень хочется пукнуть…

— Клянусь Вакхом! — воскликнул Хэйвиг. — Она права!

Дукас долго крепился, но затем не выдержал и присоединился к общему веселью.

— О, неужели ты не пойдешь с нами в церковь? — взмолилась девочка. — Ты не знаешь,

как там красиво поют, как таинственно подмаргивает пламя свечей, как упоительно пахнет ладаном… — Ей было уже одиннадцать лет, и она была переполнена Богом.

— Мне очень жаль, — ответил Хэйвиг. — Я ведь католик.

— Святым все равно. Я спрашивала папу и маму. Они тоже не против. Мы ведь можем сказать, что ты русский. Я покажу тебе, что нужно делать. — Она схватила его за руку. — Идем!

Он пошел за нею, не понимая, желает ли она обратить его в свою веру или действительно просто хочет показать своему обожаемому дядюшке что-то интересное и красивое.

— Это так чудесно! — Слезы выступили на глазах Ксении, когда она прижала к груди драгоценный подарок к своему тринадцатому дню рождения. — Папа, мама, посмотрите! Хаук подарил мне книгу! Все пьесы Еврипида! И все это мне!

Когда она выбежала, чтобы переодеться к праздничному обеду, Дукас сказал:

— Это поистине королевский подарок. И не только из-за высокой стоимости, это подарок для души.

— Я знал, что она так же любит древних клас-

сиков, как и ты.

— Простите меня, — вмешалась Анна, — но, может, в ее возрасте Еврипид слишком сложен…

— Сейчас сложные времена, — ответил Хэйвиг. — Трагические судьбы древних могут укрепить ее сердце, и она мужественно встретит свою судьбу. — Он повернулся к ювелиру: — Дукас, я еще раз говорю тебе. Клянусь, я знаю, что венецианцы в данное время ведут переговоры с другими франками…

— Ты говорил это. — Ювелир кивнул. Его волосы и борода были почти белыми.

— Еще не поздно тебе с семьей выехать куда-нибудь в безопасное место. Я помогу.

— Где может быть более безопасно, чем здесь, за этими стенами, куда не сможет ворваться ни один враг? А если я брошу свою лавку, мы все будем страдать от бедности и голода. А что делать моим слугам и ученикам? Они же не смогут поехать со мною. Нет, мой Друг, нам следует остаться здесь и довериться Богу, — с печальной улыбкой произнес Дукас. — Послушай, дружище, ты совсем не меняешься. Ты такой же, каким я увидел тебя впервые.

Хэйвиг проглотил слюну:

— Я думаю, что не скоро вновь появлюсь в

Константинополе. Мои хозяева, учитывая складывающиеся обстоятельства… Словом, будь осторожен. Старайся быть незаметным. Прячь золото и поменьше бывай на улице. Особенно по ночам. Я знаю франков.

— Хорошо, я буду иметь это в виду, Хаук. Но ты чересчур опасаешься. Ведь это же все-таки Новый Рим. Анна взяла их обоих под руки, неуверенно улыбаясь.

— Может, хватит политики, мужчины, — сказала она. — Украсьте улыбками свои постные лица. Сегодня день рождения Ксении. Разве вы забыли?

Хэйвиг вышел от Манассиса весьма озабоченным. Он вернулся назад, в более счастливое время, снял комнату в гостинице, плотно поужинал, лег спать. Утром он хорошо позавтракал. Это было не лишне для человека, которому скоро предстоит сражаться.

Вскоре после этого он переместился вперед, в апрель 1204 года.

Он мог быть не больше чем просто наблюдателем со стороны. Приказ, полученный им, был до неприличия прост: оставаться вне опасности, ни во что не вмешиваться, под страхом сурового наказания не влиять на события. Сделать все, чтобы

вернуться живым, так как им нужны сведения.

В городе пылали пожары. Клубился горький дым. Люди, как обезумевшие крысы, прятались в домах или выбегали из них. И везде их ждало одно: убийства, насилия, грабежи, избиения, издевательства. На улицах валялись трупы. Кровь текла по сточным канавам. Матери оплакивали детей, дети с громким плачем искали своих матерей, пока не становились жертвами обезумевших от крови и убийства вандалов. Всех служителей церкви подвергали жестоким пыткам, чтобы они сказали, где спрятаны церковные сокровища. Все было разграблено: предметы искусства, драгоценности рассыпались по целому континенту. И мало что сохранилось в целости. Не думая о культурной ценности сокровищ, варвары выламывали драгоценные металлы и камни, остальное сжигалось. Так погибло многое из того культурного наследия, что хранил Константинополь до этого ужасного дня. И турки были здесь ни при чем. Все сделали крестоносцы.

Таким было начало тринадцатого столетия, которое католицизм называл апогеем цивилизации, ибо именно тогда западные церковники нанесли удар по восточному оплоту христианства. А через полтора столетия, опустошив Малую

Азию, турки вошли в Европу.

Хэйвиг вернулся назад и стал постепенно перемещаться в будущее, время от времени переходя в нормальное время. Таким образом он добрался до того момента, когда франки входили в город. И увидел убийства, грабежи, разрушения, увидел бандитов, насытившихся убийствами, подгоняющих своих пленников, нагруженных добычей. Он знал, что не сможет изменять не прошлого, ни будущего, но он должен был взять из прошлого то, что нужно ему.

Хэйвиг отмечал места, где останавливались мародеры с добычей, и передавая записи людям на Ээрии, которые, переодетые крестоносцами, забирала добычу. В этом бедламе можно было делать все что угодно, не привлекая внимания. Добыча переносилась на корабль, стоявший в безопасном месте.

Красицкий обещал Хэйвигу, что они, насколько возможно, позаботятся о жителях. Им ничего не угрожало, и даже оставлялось немного денег, чтобы они могли переселиться в другое место и начать новую жизнь.

Можно было не опасаться, что такие добрые поступки демонов-франков попадут в хроники, хотя наверняка рассказы о них будут жить в

фольклоре. Однако через пятьдесят семь лет, когда Михаил Палеолог покончит с зависимостью от римлян и создаст подобие империи, все рассказы об этом забудутся.

Хэйвиг не участвовал в действиях агентов. Он и так много сделал и многое видел. И то, что он видел, было ужасно. Поэтому он перенесся в прошлое и там плакал, спад, приходил в себя, набирался сил для будущего.

Дом Манассиса был в числе первых, которые он исследовал. Хотя и не самый первый. Хэйвиг хотел сначала немного приучить себя к тому, что увидит.

Он лелеял надежду, что дом Манассиса останется нетронутым. Константинополь слишком велик, в нем много храмов, где можно было награбить богатую добычу, чтобы варвары ломились в каждую дверь.

Хэйвиг не испытывал особого страха. Если что-то потребуется сделать, то кто, кроме него, сделает это? Тем не менее, когда он, приближаясь к дому Манассиса, увидел десяток грязных мужчин, направляющихся к распахнутой двери, сердце его оборвалось. Ярость охватила его, и вскоре три окровавленных франка упали на землю и больше пошевелились, а остальные с

криком разбежались.

Хэйвиг остался доволен. Его возвращение было сложной операцией. Ему пришлось долго ждать самолета в зараженном радиоактивностью мертвом Стамбуле.

У него было о чем подумать. Он только удивлялся, почему ему раньше все это не пришло в голову. Теперь он понял, что, несмотря на то, что Уоллис и его лейтенанты использовали новейшую технику, все они оставались людьми своего девятнадцатого века. Вот, теперь ему нужно было обдумать хорошенько все, чему он был свидетелем, в чем принимал участие.

— Прекрасная работа, — сказал Красицкий, прочтя его отчет. — Превосходно. Я уверен, что Сахэм наградит тебя за это.

— Да? Благодарю, — ответил Хэйвиг.

Красицкий долго рассматривал его.

— По-моему, ты похудел.

— Можешь называть меня Рип ван Винкль, — пробормотал Хэйвиг.

Красицкий понял, почему у него такой изможденный вид, ввалившиеся глаза, тик на щеке.

— Я понимаю. Ты заработал отдых Вероятно, теперь тебе захочется побыть в своем времени. Больше не думай о Константинополе. Если нам

понадобится узнать что-то, мы подождем твоего возвращения. — На лице его появилась теплая улыбка. — Иди. Мы поговорим потом. Полагаю, нам удается сделать так, чтобы твоя подружка сопровождала тебя. Хэйвиг… Хэйвиг…

А Хэйвиг заснул.

Все началось позже. Вместо того чтобы наслаждаться отдыхом, он начал размышлять.

ГЛАВА 10

Он проснулся с выкристаллизовавшимся решением. Было еще рано. Утренний свет падая на высокие серые крыши зданий Рив де Гош, Париж, 1965 год, такие же холодные, как и воздух, спокойствие которого еще не нарушило движение транспорта. В номере отеля стоял полумрак. Леонса мирно посапывала в постели. Ее черные волосы раскинулись по подушке. Они всю ночь проведи в ночном клубе, слушая шансонье, как этого хотел Хэйвиг, хотя Леонса предпочитала яркие и красочные шоу в мюзик-холле. После этого они вернулись в отель и долго занимались любовью, несколько лениво к утомленно, но ласково. Леонса даже не пошевелилась, когда несколько часов спустя в дверь постучали и горничная принесла кофе с рогаликами.

Хэйвиг был удивлен своей решимостью. Все больше и больше он ощущал, что просто идет навстречу неизбежному. Совесть уже устала мучить его и предъявила ультиматум. И, несмотря на опасность, он впервые ощутил в своей душе мир и покой.

Он поднялся, умылся, оделся, собрал свое снаряжение — оно было уже подготовлено. Два небольших блока в его багаже. Обычное снаряжение агента во времени, такое же, как то, что он брал с собой в Иерусалим, плюс пистолет и хронолог. Ему пришлось выдержать борьбу с Леонсой, так как прибор не позволил взять сюда побольше серебра, но Хэйвиг настоял на своем. Затем он взял паспорт, сертификат о прививках и толстый кошелек с деньгами.

После этого он долго смотрел на спящую девушку. Ему было жаль расставаться с нею. Она так радовалась жизни и доставляла такую радость ему. Неприятно было тайком покидать ее. Может, оставить записку? Нет, нет. Он всегда может вернуться. Если же не вернется, ну что ж, она прилично знает язык, обычаи, у нее достаточно денег. Не пропадет.

Любила ли она его? Может, ей просто нужны были мужчины. Впрочем, теперь это не важно. Главное, что он ее любил.

Он наклонялся над нею.

— Пока, Рыжая, — прошептал он и коснулся губами ее губ. Затем выпрямился, подхватил свои чемоданы и вышел из комнаты. Вечером он был уже в Стамбуле.

Это путешествие заняло очень много временя, проведенного в самолетах, аэропортах, автобусах.

Он сказал мне с угрюмой улыбкой:

— Ты знаешь, какое самое удобное место для проведения тайного хронокинеза? Думаешь, телефонная будка? Нет. Туалетная комната. Очень романтично, не правда ли?

Перед последним рывком он хорошо поужинал в одиночестве, затем принял снотворное: нужно было хорошенько отдохнуть перед делом.

Константинополь, вторая половина дня 13 апреля 1204 года… Хэйвиг вышел на аллею, ведущую на холм. Не слышно было привычного стука копра, скрипа колес, звона колоколов, смеха, голосов, криков детей. Но зато слышались отдаленный рев пожара и вопли перепуганных людей. Где-то совсем рядом залаяла собака.

Он приготовился. Девятимиллиметровый «Смит и Вессон» висел на поясе, патронами он набил карманы куртки.

Остальное снаряжение и хронолог сунул в металлический ящик, который сейчас висел у него за спиной.

Он шел по улице и видел запертые двери, окна с наглухо закрытыми ставнями, Все люди спря-

тались в своих домах: голодные, перепуганные, они пытались найти спасение в молитвах. Это был район ювелиров. Разумеется, здесь жили не только ювелиры. Бедняков хватало и здесь, как и везде. По внешнему виду домов никак нельзя было сказать, кто здесь живет, богач или бедняк. Видимо, те, кто разрушил дом Манассиса, руководили толпой. Здесь ли они еще? Вначале Хэйвиг не был уверен, что прибыл в нужное время, но вскоре увидел их.

Он повернул за угол. На мостовой лежал труп мужчины с разбитой головой. Над ним склонилась женщина. Хэйвиг, проходя мимо, услышал: «Разве не достаточно того, что ты заставил его предать нашего соседа? Во имя Христа, разве этого недостаточно?»

Нет, подумал он.

Он прошел мимо. Что он мог сделать для этой несчастной женщины? Ведь в своей одежде он был для нее франком. Хотя в то время, когда родился он и она сама, ее горе уже было погребено пылью столетий.

По крайней мере, подумал он, теперь я знаю, как крестоносцы обнаружили лавку Дукаса. Видимо, прежде чем грабить город, разведчики, знающие греческий язык, тщательно изучили

этот район и теперь со своими товарищами решили тут поживиться. Он также понял, что правильно рассчитал время прибытия.

Вопли, звон оружия, стук каблуков по мостовой разносились но улице. Хэйвиг сжал зубы. «Да, — подумал он, — я пришел вовремя».

Он ускорил шаг, желая поскорее подойти к дому, чтобы узнать, с кем ему придется иметь дело.

Вот и эта улица. Тяжесть навалилась на него, мускулы одеревенели, подошвы стучали ко камням в такт ударам сердца, во рту пересохло, горький дым раздражал ноздри.

Вот!

Один из раненых крестоносцев увидел его, с трудом встал на колени, поднял руки. Кровь залила его плащ, капая на мостовую.

— Друг! — прохрипел он. — Брат, ради Иисуса…

Другой, еще живой крестоносец мог только стонать. Хэйвигу очень хотелось ударом ноги выбить ему зубы, но он устыдился своего порыва. Он шагнул мимо стоящего на коленях крестоносца, тянувшегося к нему, поднял руки и крикнул по-английски:

— Прекратите огонь! Я из Ээрии! Инспекция! Прекратите огонь и впустите меня! — И, чувствуя тяжесть в животе, пошел к двери.

Возле двери стояла повозка, в которую был запряжен мул. Животное было привязано к дверной скобе. Оно двигало ушами, отгоняя мух и без интереса смотрело на умирающих крестоносцев. Видимо, в повозке предполагалось везти драгоценности, золото, серебро к ожидавшему кораблю.

Вход никем не охранялся. Хэйвиг остановился, осмотрел дверь. Тяжелая, массивная. Видимо, франки хотели взломать ее. Внезапно она открылась. Хэйвиг понял, почему: засов был взорван. Кажется, мальчики Уоллиса воспользовались динамитом. Почему же они ворвались сюда силой? Такое появление могли напугать всех в доме, затруднить задачу переправки их в безопасное место.

До него донесся крик из дома:

— Нет, о нет, пожалуйста!

Это был крик Ксении, сопровождаемый ругательствами и хохотом. Хэйвиг отшатнулся, словно его ударили.

Как ни старался, он пришел слишком поздно. К моменту его прибытия агенты взломали дверь и проникли в дом. Они поставили человека у дверей, чтобы тот встретил грабителей, о которых предупредил Хэйвиг. Сейчас он сделал свое дело

и присоединился к остальным, чтобы развлечься вместе с ними.

Секунду, которая показалась ему вечностью, Хэйвиг ругал себя, свою глупость. Или наивность — он был еще новичком в таких делах. Хватит. Сейчас он здесь, и нужно спасти хотя бы то, что можно спасти.

Его крика никто не слышал. Он крикнул еще раз и прошел в дом, в знакомые комнаты. Крик о помощи слышался из той части дома, где находились лавка и кладовые.

Туда согнали всю семью, учеников, слуг. В большой комнате было светло, так как двери и окна, выходившие в маленький дворик, патио, были открыты. Хэйвиг увидел цветочные клумбы, апельсиновые деревья в темной густой зелени, фонтан, разбрызгивающий воду… даже бюст Константина, который безразличным взглядом смотрел на все вокруг. В комнате стояли рядами шкафы и столы, где находились произведения искусства, созданные Дукасом и его учениками.

Сам Дукас лежал возле входа. Череп его был расколот. Кровь залила пол, впиталась в белую тунику ювелира, окрасила седую бороду. Рука его все еще сжимала миниатюрный ювелирный молоточек, которым он пытался защитить своих

женщин.

Здесь также находились четыре агента, одетые крестоносцами. Хэйвиг сразу узнал их. Мендоза, преступник из Испании двадцатого века. Хэйвиг встречался с ним в Иерусалиме. Мориарти, бруклинский гангстер девятнадцатого века. В руках наготове он держал небольшой пулемет. Ганс, ландскнехт шестнадцатого века, с любопытством наблюдал, как Конрад из Брабанта борется с Ксенией.

Девушка кричала и кричала. Ей было только четырнадцать лет. Волосы ее растрепались, слезы текли по лицу, оставляя следы на щеках. Конрад обхватил ее за талию одной рукой, а другой срывал с нее одежду. Тяжелая палица висела на его поясе. На ней запеклась кровь и мозги убитых людей.

— Я за тобой, — ухмылялся Ганс. — Я за тобой…

Конрад повалил Ксению на влажный пол и стал расстегивать брюки. Анна стояла, слепая и глухая ко всему, над телом мужа. Затем она бросилась к дочери. Ганс свалил ее на землю одним ударом.

— А тебя потом, может быть, — сказал он.

Мориарти смотрел на них и смеялся.

Окрик Хэйвига снова не был услышан ими, настолько они были захвачены происходящим.

Мендоза первый увидел Хэйвига и вскрикнул. Остальные застыли на месте. Конрад отпустил Ксению и встал.

Ксения умоляюще смотрела на Хэйвига. Никогда еще он не видел такого света в ее глазах.

— Хаук! — крикнула она. — Хаук!

Мендоза поднял пистолет.

— В чем дело? — спросил он.

Только теперь Хэйвиг понял, как далека его рука от оружия, но он не ощущал страха, только бешенство, ярость, душевную боль, отвращение.

— Это я должен спросить, в чем дело, — процедил он.

— Ты забыл, что тебе приказано? Твоя задача — разведка. Ты не должен был подвергаться риску, появляясь здесь в такое время.

— Я сделал свое дело, Мендоза, и вернулся, чтобы закончить свои личные дела.

— Это запрещено! Уходи отсюда, а позже мы поговорим, докладывать мне о тебе или нет.

— А если я не уйду? — Несмотря на то что он старался сохранить спокойствие, голос его постепенно повышался до крика. — Я увидел то, чего не ожидал увидеть, не все сразу, а небольшими фрагментами. Поэтому я каждый раз шел на компромиссы и в конце концов дошел до того,

что вынужден либо стать таким, как все вы, либо убить себя.

Мендоза пожал плечами, но дуло его пистолета было все время направлено в живот Хэйвига.

— Чего же ты хотел? Мы пользуемся тем человеческим материалом, который нам удается добыть. Эти ребята ничем не хуже крестоносцев. Или других людей. Разве не так, Джек? Скажи честно.

— Они хуже. Потому что они имеют возможность появляться в любом месте, в любой эпохе и творить зло, не боясь возмездия. Представляю, как они проводят свои отпуска. Наслаждение причинять боль и страдания другим усиливается с практикой и опытом.

— Послушай…

— А Уоллис? Черт бы его побрал! Неужели у него нет способа контролировать этих животных?

— Хэйвиг, ты слишком много говоришь. Убирайся отсюда, или я арестую тебя.

— Таких, как я, вы все время держите в неведении, пока мы не примиримся с этой болтовней относительно того, что миссия Ээрии слишком важна для всего человечества, чтобы мы могли тратить свои драгоценные жизни на обычную гуманность. Верно?

Мендоза сплюнул.

— Ну хватит. Ты и так наговорил слишком много. Ты арестован. Ты будешь препровожден в будущее, и Сахэм будет судить тебя. Веди себя хорошо, и, может быть, тебе удастся легко отделаться.

Наступила тишина, нарушаемая только всхлипываниями Ксении, которая держала на коленях голову матери и не отрывала глаз от Хэйвига. Все остальные — и домашние Дукаса, и приспешники Мендозы — тоже смотрели на него. Хэйвиг принял решение в эти мгновения. Он оценил положение каждого в комнате, переместился назад во времени на несколько минут, выхватил пистолет и снова вернулся в это время. Прогремели выстрелы, и голова ландскнехта разлетелась на куски. Хэйвиг снова переместился назад во времени, чтобы появиться в другом конце комнаты.

Впоследствии он даже не мог припомнить, как все это происходило. Сражение было чересчур яростным и коротким. Ведь его противники могли делать то же самое, что и он. Мориарти уже исчез из комнаты, когда Хэйвиг появился снова. Прогремел выстрел Мендозы, Хэйвиг, не задерживаясь, переместился вперед во времени, где сразу заметил убегавшего Мориарти. Он застрелил

гангстера и вернулся назад.

Мексиканца уже не было. Хэйвиг проскользнул в прошлое на целые сутки. Ему нужно было вдохнуть свежего воздуха, вытереть пот с лица, успокоиться. Наконец он пришел в себя я смог вернуться, чтобы просканировать во времени всю битву. Однако Мендозы он так и не смог обнаружить Видимо, мексиканец переместился далеко вперед, в эпоху Ээрии, чтобы вызвать помощь.

Это означало, что действовать надо быстро. Друзья Хэйвига не могли перемещаться во времени. Враги не смогут точно попасть в это время, так что у Хэйвига и византийцев еще есть возможность скрыться. Но времени у них совсем немного.

Хэйвиг вернулся в комнату. Возле стены лежал умирающий Мориарти. Домашние, слуги и ученики Дукаса сбились в кучу. Некоторые из них были ранены в перестрелке. Бардас лежал мертвый.

— Я пришел спасти вас, — сказал Хэйвиг. Голос его прозвучал странно в этой комнате, над которой нависла атмосфера страха и смерти. Он перекрестился: — Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Во имя Девы Марии я всех святых. Быстро

идите за мной, иначе вы все погибнете.

Он помог Ксении подняться. Девушка вцепилась в него обеими руками, и он погладил ее длинные спутанные черные волосы, вспомнив, как держал ее, когда она была ребенком. Через плечо он крикнул остальным:

— Иоханнес, Никефорус, вы понесете свою хозяйку Анну: Остальные, кто может, будут помогать раненым. — Затем у вето вырвалось на английском: — Черт бы вас побрал! Нужно убираться отсюда побыстрее!

Они тупо повиновались Хэйвигу. На улице он остановился, снял плащ с убитого крестоносца. С другого трупа он снял меч. Ножны он не стал снимать, чтобы не терять времени. Меч крестоносца давал ему возможность провести свой небольшой отряд через город, не боясь, что их остановят.

Вскоре силы оставили его, и он вынужден был сесть, опустив голову, чтобы немного прийти в себя.

Ксения опустилась возле вето на колени, гладила его голову, шептала:

— Хаук! Милый Хаук, что с тобой?

— Все нормально, — наконец смог он произнести.

По крайней мере, пока. Впрочем, вряд ли агенты Ээрии будут обшаривать весь город в его поисках. Однако ему следовала обеспечить безопасность своих подопечных и свою. Он поднялся я пошатываясь повел их дальше.

— Я оставил их в каком-то монастыре, — рассказывал он мне впоследствии. — Монастырь был переполнен беженцами, однако в следующие несколько дней я устроил их получше, вручив настоятелю монастыря богатые дары. Это было нетрудно сделать, я просто грабил крестоносцев. Это было противно, но несложно. Благодаря моим взносам монастырь смог покупать пищу для тех, кто искал здесь убежища.

— А как насчет крестоносцев?

— Что я мог сделать? Их было слишком много.

Я потрепал его по плечу:

— Успокойся, ты ни в чем не повинен. Зла всегда больше.

Он слабо улыбнулся:

— Благодарю, док.

Я уже давно превысил свой табачный рацион, но час был поздний, и мои нервы требовали помощи. Взяв трубку, я начал ужасную церемонию ее чистки. Жуткий запах табака распространился во комнате.

— Что ты сделал дальше?

— Вернулся в двадцатое столетие, разумеется, в другой отель, и хорошенько выспался. А потом, что касается моих византийцев, я уже больше ничем не мог им помочь. Но я предупредил их, чтобы они не болтали о моей помощи. Пусть говорят, что они просто сбежали. Чтобы не привлекать к себе внимание, самое лучшее было предоставить их своей судьбе. Теперь мне оставалось позаботиться о себе.

Я сделал глубокую затяжку:

— И что же ты сделал?

Он глотнул. Виски обожгло ему горло.

— Я знаю дату, когда я последний раз официально был Дж. Ф. Хэйвигом, — сказал он. — В 1965 году. Это было мое последнее пребывание в нормальном времени. Так что начиная с этого момента мое существование было безопасно.

— А агенты Ээрии не могли нанести удар раньше?

— О, конечно, они могли появиться и подстроить что-нибудь. Но я сомневаюсь, что они стали бы даже пытаться. Никто из них не знает жизни двадцатого века.

— Значит, ты считаешь, что происшедшее и зафиксированное событие изменить невозможно?

От его улыбки мороз прошел у меня по коже.

— Я знаю, что путешественник во времени не может ничего изменить. Я пытался сделать это, но безуспешно. Это было еще в юности, когда я хотел вернуться назад и предупредить отца, что его ждет.

— И? — выдохнул я.

— Док, помните мою сломанную ногу?

— Да. Подожди… Так, значит, это…

— Я зацепился за проволоку на лестнице как раз в тот день, когда хотел отправиться в путешествие… А когда выздоровел и был готов начать снова, я получил экстренный вызов от моей страховой компании и мне пришлось заняться срочными делами. А когда я вернулся в Сенлак, оказалось, что мать окончательно порвала с Биркелундом и нуждается в моем присутствии. Я посмотрел на двух невинных детей, которых она принесла в этот мир, и принял на себя эту ношу.

— Ты думаешь, это вмешался Бог?

— Нет, нет. Это просто логическая невозможность изменить прошлое. Каждое мгновение времени — это прошлое бесконечного множества других мгновений.

— Значит, все мы просто марионетки в руках Времени?

— Я не говорил этого, док. Более того, я не верю в это. Мне кажется, что все мы являемся частью какого-то грандиозного механизма. И чем больше мы не знаем, тем шире диапазон нашей свободы.

— Значит, это похоже на наркотики. Человек добровольно принимает химическое соединение, которое закрепощает его мозг.

— Может быть, может быть. — Хэйвиг шевельнулся в кресле, глядя в ночь. Затем сделал еще глоток виски. — Пожалуй, у нас нет времени на философские размышления. Ищейки Уоллиса охотятся за мной. Они кое-что знают из моей биографии и могут выследить меня.

— Поэтому ты так долго избегал встреч со мною?

— Да. — Он положил руку на мое колено. — Пока была жива Кэйт. Вы помните?

Я кивнул.

После этого он заговорил быстро, не вдаваясь в подробности, давая только общую схему своих действий. Он быстро распределил все свое состояние по банкам, положив вклады на вымышленные имена. Таким образом Дж. Ф. Хэйвиг исчез со сцены. А так как в двадцатом столетии у него не было никого из близких, кроме матери и доктора, никто не удивится его внезапному

исчезновению. А их он сможет предупредить письмом.

— Мне ты посылал в основном открытки, — сказал я. — И заставил меня понервничать. — После паузы я спросил: — Где же ты был?

— Замаскировав свои следы, насколько это было возможно, я отправился обратно в Константинополь.

Па пожарищах и развалинах Нового Рима был восстановлен относительный порядок. Прежде всего правительство и оккупационные войска нуждались в пище и воде. Поэтому жителей города нельзя было больше грабить и держать под страхом смерти. Им нужно было обеспечить возможность спокойно трудиться. Позже Болдуин Фландрский, наместник императора в этой части мира, куда входил и Константинополь, решил выжать из своих подданных побольше. Но вскоре он в войне с болгарами был захвачен в плен и умер в тюрьме. Его преемник Анри Первый продолжал его линию. Король латинян мог принижать греков, ввергнуть их в бедность, брать их в солдаты. Но за все это он должен был обеспечить им относительную безопасность.

Ксения к тому времени находилась в женском монастыре. Хотя она была здесь всего лишь го-

стьей, ее содержание было довольно строгим. Она встретилась с Хэйвигом в холодной комнате с кирпичными стенами под неусыпным надзором сестры-монахини. Ксения была одета в накидку из грубой темной шерсти и не смела даже коснуться руки своего посетителя-мужчины, несмотря на его щедрые дары монастырю. Однако Хэйвиг смог увидеть ее глубокие темные глаза, заметил, что, несмотря на все трудности и лишения, которые ей пришлось перенести, тело ее округлилось, наполнилось женственностью, а звуки ее голоса вернули его назад, в те счастливые дни, когда он, она и ее отец…

— О Хаук, милый Хаук! — Она тут же испуганно отшатнулась, перекрестилась, стала опускаться на колени, бормоча: — Я… извините меня… благословенный…

Старая монахиня нахмурилась и шагнула к ним.

Хэйвиг замахал руками.

— Нет, нет, Ксения! — воскликнул он. — Я такой же смертный, как и ты, клянусь. Случилось нечто странное. Может быть, я смогу объяснить тебе позже. Но поверь мне, моя дорогая, я всего лишь человек и ничего больше.

Она всхлипнула, но вовсе не от разочарования.

— Я… я так рада… Я рада, что ты пойдешь в рай после смерти, но… — Но сегодня он не входил в число ее строгих и хмурых византийских святых.

— Как твоя мать? — спросил он.

— Она постриглась в монахини, — едва расслышал он. — И убеждает меня сделать то же самое…

Тонкие пальцы стиснулись в кулаки, так что даже косточки побелели, глаза, полные ужаса, смотрели на него.

— Я должна сделать это? Я ждала тебя, чтобы ты сказал мне…

— Не поймите меня неправильно, док, — сказал Хэйвиг. — В монастыре все было нормально. Однако там были слишком строгие правила, слишком много ограничений. Вы же католик и можете себе представить. Ксения любила своего Бога, и она любила читать. Книги были частью ее жизни. Но в ней был слишком силен дух классической античности, и у меня не хватило духа разочаровывать ее. Ведь в конце концов и я приложил свои усилия, чтобы она так рано познала реальный живой мир. А сейчас впереди у нее были лишь молитвы и служение Богу, и ничего, кроме смерти, не откроет перед нею двери мона-

стыря. А ведь она родилась свободным ребенком, жившим под вечно ласковым солнцем.

— И что же ты сделал?

— Я нашел престарелых супругов, которые согласились взять ее. Они были бедны, но я помог им деньгами, они были бездетны и чрезвычайно обрадовались, когда всевышний в моем лице подарил им дитя. Она тоже привязалась к ним. Так что все устроилось хорошо.

— Разумеется, ты периодически появлялся у них.

Хэйвиг кивнул. Мягкая улыбка тронула его губы.

— У меня было много своих дней, но в последующие три года я несколько раз навещал Ксению. И мои посещения становились все чаще и чаще.

ГЛАВА 11

Этот корабль был огромным тримараном. С мостика Хэйвиг смотрел на чистую широкую палубу, отделанную твердыми сортами дерева. Он видел люки, стрелы грузовых лебедок, моторы, экраны солнечных батарей. Цивилизация Маури испытывала недостаток в металлах, и он использовался только в самых крайних случаях. Каюты тримарана были украшены пышными тропическими цветами. На каждом носу корабля стояла вырезанная из дерева фигура, представляющая одного из Троицы, — колонна из абстрактных символов. Создатель Танароа — в центре, Йезу Харисти со своим крестом — слева, а справа — Пан с зубами акулы, олицетворяющий смерть и темные стороны жизни.

Но вовсе не варвары создали этот огромный корабль. Тройной киль обеспечил ему великолепные гидродинамические свойства. Три мачты были, разумеется, оснащены парусами, но эти паруса управлялись небольшими двигателями на биологическом горючем. Эти паруса, управляемые компьютером, постоянно отслеживали

направление ветра, чтобы максимально использовать его силу. Экипаж состоял из четырех канаков и двух женщин — вахин, которые не были перегружены работой.

Капитан Реви Лохавассо получил образование в университете Веллантоа (Н-Зилан). Он говорил на нескольких языках, а его английский вовсе не был какой-то искаженной версией вульгарного американского, он был столь же богатым и точным, как родной язык Хэйвига.

Могучий загорелый капитан в саронге и с босыми ногами медленно сказал, чтобы его повял пассажир, только-только приспосабливающийся к современному языку.

— Мы разрабатываем новую технологию после того, как мир машин был уничтожен. Нам нужно найти новые пути развития на отравленной земле. Мы еще не полностью разрешили свои проблемы. Но сделано много, и я уверен, что будет сделано еще больше.

Океан медленно перекатывал свои аквамариновые волны. Они накатывались на тримаран, обдавая тело могучего корабля веселыми брызгами. Солнце сверкало в парусах и крыльях альбатросов. Где-то вдали вверх взметнулся фонтан, выпущенный китом. Ветер не свистел в

ушах, так как тримаран несся почти с такой же скоростью, но освежал кожу, приносил соленый аромат моря и далеких цветущих островов. На палубе полуголый юноша извлекал из деревянной флейты чарующие звуки, а девушка танцевала перед ним, изгибаясь стройным телом. Оба были почти совсем обнажены, и смотреть на них было очень приятно.

— Ты создал великую вещь, брат Томас, — сказал Лоханассо.

— Тебя будут чествовать, когда ты прибудешь. — Он поколебался. — Я не радировал, чтобы Федерация прислала за тобой дирижабль. Честно говоря, они, конечно, быстрее, но менее надежны, чем корабли. Двигатели у них слабенькие, а противопожарный катализатор для водорода еще только проходит испытания.

— Я прибыл туда, — говорил мне впоследствии Хэйвиг, — чтобы узнать правду о цивилизации Маури в момент ее вздета. И увидел, что это совсем не дикари, вернувшиеся в лоно природы. Более того, их мозг был настроен более конструктивно, чем у многих людей двадцатого века. Однако пока что они не могли получить хорошего горючего для аппаратов тяжелее воздуха. У них не было даже гелия для создания безопасных

дирижаблей. Мы слишком постарались, уничтожив все что могли.

— Твоего открытия ждали несколько столетий, — сказал капитан. — Так что ничего, если в Веллантоа подождут еще несколько недель.

— Если я хотел глубоко изучить цивилизацию Маури, вонять, какой процент правды заключался в рассказах о ней Уоллиса, я должен был проникнуть туда. Я мог бы легко прикинуться одним из обитателей островов. Но какая польза была правительству от еще одного варвара. И тут мне пришло в голову... — Хэйвиг усмехнулся. — Вы можете представить, док? Нет? О'кей. В двадцатом веке я приобрел партию радиоизотопов, вроде углерода-14 Я упрятал их в надежном месте и направился в будущее. Здесь я стал братом Томасом, человеком с далекого материка, получившим неплохое образование. Вы понимаете, док? Основное направление их исследований — чисто биологическое. Во-первых, это обусловлено необходимостью залечивания ран Земли и ее животного и растительного мира, а во-вторых, потому, что организм человека — натуральный преобразователь солнечной энергии. Однако у Маури не было ядерного реактора, производящего меченые атомы для исследований. Поэтому

моя находка была бы для них «божьим даром».

— Ты думаешь, что меня примут как ученого? — тревожно спросил Хэйвиг капитана. — Но это совсем не так. У нас все такие, как я.

Лоханассо положил руку ему на плечо:

— Не бойся, друг. Мы торговый народ. Мы платим за то, что имеет цену для нас, а то, что предлагаешь ты, — бесценно. Кроме того, мы хотим распространять цивилизацию и знания повсюду. А для этого нам нужны союзники. Умные и знающие люди.

— Вы действительно хотите переделать все человечество?

— Переделать? Ты имеешь в виду, создать наши копии? Нет, конечно. Я не вхожу в правительство, но а читаю отчеты о дебатах, труды наших философов. Основная причина гибели предыдущей цивилизации, машинной культуры, заключалась в том, что, она стремилась сделать всех людей подобными. Разумеется, это не единственная причина, но одна из тех, что привели мир к катастрофе. — Лоханассо ударил могучим кулаком по поручням. — Черт побери, Томас, нам нужно все многообразие человечества, многообразие обликов, способов мышления, образов жизни!

Он рассмеялся и закончил:

— Разумеется, в разумных пределах. Например, от пиратов нужно избавляться. Ну хватит на сегодня. Уже полдень. Мне нужно проделать кое-какие измерения, а потом мы пообедаем. Считай, что ты не жил еще, раз не пробовал моего пива.

— Я провел больше года среди ранних Маури, — сказал мне Хэйвиг. — И получил там именно то образование, которое мне было нужно для моей цели. Это были очень милые, добрые люди. О, разумеется, среди них были и подлецы, и мошенники, у них были свои недостатки, но в целом Федерация того времени была самой счастливой и пригодной для нормальной жизни человека. Чего не скажешь о более ранних стадиях развития, которые я прошел, вплоть до двадцатого столетия. Там я сел в самолет и перелетел из Веллингтона в Стамбул. Я хотел увидеться с Ксенией. Вскоре мы поженились.

Об их совместной жизни, о пяти счастливых годах, проведенных с нею, он рассказывал мало. Да это и понятно. Я тоже никому не рассказывал о своей с Кэйт.

Впрочем, жизнь их была довольно сложной. Им приходилось жить затворниками, скрываться от агентов Ээрии.

К тому же ему было не так просто заниматься

предпринимательством. Он не мог начать свое дело в этом мире гильдий, монополий, сложных банковских взаимоотношений, ибо даже тогда, когда отсутствовала регулярная связь с метрополией, слухи и сплетни разносились со скоростью курьерского поезда. Ему стоило немалых усилий утвердиться в роли торгового агента некоего датского торгового дома, выполняющего скорее роль наблюдателя, чем комиссионера, и, следовательно, не связанного с франками. Финансы как таковые не были для него проблемой, ведь он сумел захватить с собой достаточно золота. Однако он должен был иметь разумное объяснение своему богатству.

Хэйвиг подумывал о том, чтобы им с Ксенией перебраться куда-нибудь в безопасное место, например в Россию или Западную Европу.

Но в Россию нахлынули татары, а в Европе господствовала Святая Инквизиция. Следовательно, перед ними везде будут развертываться жуткие сцены, свидетелями которых они были здесь. Кроме того, они не останутся незамеченными. Каждому будет ясно, что они выдают себя не за тех, кто они есть на самом деле. Поэтому Хэйвиг купил дом в пригорода Константинополя — Пера. Там обычно жили чужестранцы.

Чтобы еще больше обезопасить себя от агентов Ээрии, он придумал себе новое имя — Джон Андерсен — и приучил Ксению называть его так. К счастью, она была не любопытна и не задавала глупых вопросов относительно того, почему он сменил имя и почему он, такой богатый и знатный, решил жениться на ней, бедной девушке? В конце концов, если ему так захотелось иметь ее, почему он не сделал ее своей наложницей?

— Какую долю правды ты говорил Ксении? — спросил я.

— Я ничего ей не сказал. Правда могла только повредить ей. Она всегда была простодушной девушкой с открытым сердцем. Она совершенно спокойно приняла мои объяснения относительно нового имени. И никогда не спрашивала меня о делах, так как понимала, что, когда я с ней, мне совсем не хочется думать о делах. И она была права.

— Но как ты объяснил ее чудесное спасение?

— Я ответил, что молился своему святому, который, видимо, принял мои молитвы. Она была так напугана насильниками, что едва помнила, как все тогда происходило. Поэтому она мне безоговорочно поверила. Мне было больно смотреть на нее, такую нежную, такую юную, как ребенок.

Я ведь знал, что нам не суждено иметь детей.

— Хмм… Кстати о религии. Она стала католичкой или ты перешел в ортодоксальную веру?

— Ни то ни другое. Я не требовал от нее перемены веры. Что же касается меня, то я должен был оставаться примерным католиком, чтобы не потерять доверия у своих торговых партнеров, итальянцев и франков. Мы нашли священника, который обвенчал нас, а затем западного епископа, который за определенную мзду отпустил мне грех. Ксения же вообще не заботилась об этом и вполне терпимо относилась к вопросам веры и религии. Она была твердо уверена, что я не буду гореть в аду после смерти, ведь мой святой так хорошо относился ко мне. А кроме того, она была так счастлива…

— Он рассмеялся. — И она постоянно пребывала в таком состоянии!

Дом их вначале пустовал, но со временем он был обставлен и украшен со вкусом, который она унаследовала от отца. С крыши дома можно было видеть бухту Золотой Рог и стены и купола Константинополя на другом берегу. С такого расстояния он казался богатым, неразграбленным городом.

У них в доме было трое слуг. Совсем немного

для того времени, когда работы было не очень много, а нанять людей было очень просто. У Хэйвига в услужении был грум — каппадокиец с лицом мошенника. Он был женат на кухарке. Ксения с удовольствием возилась с их детьми, баловала их. Она ухаживала за садом, который вскоре стал настоящим уголком рая. Остальное время она занималась шитьем, проявляя при этом большой талант, читала книги, которые ей приносил Хэйвиг.

Византийцы, говорил Хэйвиг, были полны суеверий. Магия, гадания, амулеты от дурного глаза, предзнаменования, приворотные зелья… Ксения же увлекалась астрологией. Естественно, ее увлечение было безвредным, она составляла гороскопы, интерпретируя их так, как ей казалось интересным. Часто ночами они вместе ходили наблюдать звезды. О Боже, как она была прекрасна в лунном свете! Он постоянно боролся с искушением преподнести ей телескоп. Хотя бы маленький. Но это было слишком рискованно.

— Ты многое сделал, чтобы преодолеть интеллектуальную пропасть между вами, — заметил я. — В случае с Леонсой тебе было проще. Ты заполнил эту пропасть сексуальными наслаждениями.

— Ничего особенного я не сделал, док. Она была моложе меня лет на пятнадцать. Она многое не знала из того, что знал я, но знала много такого, чего не звал я. Во-первых, она с детства читала классиков, что не принято в нашем веке. Поэтому у нее сформировался идеальный вкус к прекрасному. Она наизусть знала многое из Эсхила и Софокла, Сафо и Аристотеля. Она хорошо разбиралась в древней истории, искусстве, архитектуре, обычаях.

Он остановился, переводя дыхание. Я ждал.

— Мы любили друг друга, и я с удовольствием наблюдал за ней, когда она легко передвигалась по дому, делая свои дела, постоянно напевая нежные мелодии.

Они оба не любили гостей, хотя Хэйвигу время от времени приходилось приглашать в дом своих компаньонов и агентов. Но Ксения тогда скрывалась в своей комнате. К счастью, в то время было не принято, чтобы хозяйка присутствовала при таких встречах. Однако если в гости приходили ее друзья, тогда Хэйвигу приходилось скрываться. Ведь он был Джоном Андерсеном, чужим в этой стране.

И когда ему приходилось исчезать, он, с одной стороны, был рад переменам, а с другой — очень

грустил в разлуке с Ксенией. Правда, ему, чтобы оправдывать свою роль коммерсанта, довольно часто приходилось отлучаться. Хотя его канцелярия находилась в доме, дела фирмы требовали, чтобы он встречался со своими агентами в городе или даже в других городах.

— Вот так и протекали наши годы, — рассказывал Хэйвиг. — Я вед жизнь преуспевающего коммерсанта с солидным капиталом и любимой женой и в то же время перемещался в будущее, чтобы изучать Федерацию Маури, ее расцвет, ее величие, ее постепенное угасание и конец. Сумерки медленно наползали на остров. Внизу, у подножия Холмов, уже начали зажигаться фонари, но вода излучала отсвет дня. В темно-голубом небе зажглась Венера. На веранде дома Карело Кеадзиму курилась ароматная кадильня. Старик пробормотал:

— Увы. Мы идем к концу. Умирающий мир. Смерть так же реальна для целого народа, как и для отдельных личностей Хэйвиг молчал, стоя возле умирающего друга на коленях.

— Я следовал за ним всю его жизнь, — говорил мне Хэйвиг.

— Он начал как блестящий молодой философ. А закончил жизнь государственным деятелем.

Я говорю вам о нем, так как вы один из двоих людей моего времени, которым я могу доверить свои тайны. Видите ли, я не мудрец, я могу лишь скользить по поверхности жизни, собирая информацию. Но могу ли я интерпретировать собранные факты, могу ли я понять, что происходит? Откуда мне знать, что должно быть сделано, что может быть сделано — я просто скользнул по поверхности лет, а Карело Кеадзиму жил, работал, мыслил в самой гуще событий. Мне была нужна его помощь. — Видите ли, — сказал ему Хэйвиг, — один элемент вашей культуры слишком развит за счет остальных.

— Судя по тому, что ты рассказал мне, да. — Хозяин дома надолго задумался, но эти минуты ожидания не показались Хэйвигу бесконечными. — Вернее, тебе кажется, что в будущем возникнет конфликт между двумя концепциями, которые мы, Маури, стараемся сохранить в равновесии.

Наука, рационализм, планирование, контроль… А с другой стороны, мифы, освобожденная психика, человек как часть природы, откуда он черпает знания и мудрость…

— Мы, Маури, — продолжал старик, — когда-то возвели то доброе, что нам казалось важным, в

ранг идола, фетиша, совершенно забыв о другом хорошем, выбросив его из обращения. Во имя сохранения национальных культур мы старались заморозить целые народы в таком состоянии, какое нам казалось наилучшим. Опаснейший анахронизм! Во имя сохранения экологии мы старались запретить все работы, которые могли проложить путь к звездам. Неудивительно, что такая стратегия вызвала множество оппонентов.

После некоторого молчания он продолжал:

— Но согласно твоим рассказам, Джек, друг мой, в будущем человечество откажется от науки и сохранит только минимум технологии, необходимый для поддержания жизни на планете. Люди еще больше углубятся в себя, в мистицизм… Я правильно понял тебя?

— Не знаю. У меня сложилось такое впечатление. Но это только впечатление. Я многого не понимаю, и от меня потребовались бы годы жизни, чтобы понять все. Даже не все, а хотя бы столько же, сколько я понял в вашей жизни. А жизнь будущих Маури ускользнула от меня.

— И парадокс углубляется, — сказал Кеадзиму. — Посреди пасторальных пейзажей стоят могучие заводы, которые вибрируют и гудят, наполненные загадочной энергией. В небеса

взлетают громадные бесшумные корабли. Этого-то ты и не можешь понять. Ты не можешь себе представить, откуда это у них… Я прав?

— Да, — с несчастным видом сказал Хэйвиг. — Карело, что мне делать?

— Мы находимся с тобой на одной ступени знаний. Чему я могу научить тебя?

— Карело, я единственный человек, который пытается видеть сквозь тысячелетия. Но я не могу! Однако я чувствую, что, возможно, Ээрия внесет машинные аспекты в будущую жизнь. И что тогда будет?

Кеадзиму легонько коснулся его.

— Успокойся. Человек мало что может сделать. Но если это малое — то, что нужно, этого достаточно.

— То, что нужно? Но если будущему человечеству предстоит жить под тиранией нескольких человек, обладающих техникой? Разве это то, что нужно? И что можно сделать?

— Как политик, я уклоняюсь от ответа. — Его внезапная сухость удивила Хэйвига. — Но я думаю, что ты видишь будущее в слишком мрачном свете. Деспотизм можно уничтожить. Однако мы, Маури, со своей концентрацией в биологии можем оставить будущему очень плохое наслед-

ство.

— Что? — Хэйвиг даже привстал.

— Отточенный металл может рубить дерево и человеческую плоть, — сказал Кеадзиму. — Взрывчатка делает котлованы, но может уничтожать и людей. Наркотики… да, да. Уверяю тебя, что это — главная проблема, которая беспокоит наше правительство. И это не обычные наркотики, которые стимулируют воображение, нет, мы уже имеем химические вещества, которые могут заставить человека поверить во все, что ему скажут. Я почти рад, что гегемония Федерации в будущем прекратится. Следовательно, вина за то, что произойдет с человечеством, ляжет не на нас. — Кеадзиму склонился к Хэйвигу. — Но ты, несчастный путешественник во времени, ты вынужден думать о будущем. Этот вечер — вечер мирного неба. Смотри на звезды, вдыхай ароматы, слушай пение птиц, ощущай дыхание ветра. Будь заодно с Землей.

Я сидел в своем коттедже над книгой. Сенлак, ноябрь 1969 года. Ночь была удивительно ясной и пронзительно холодной. Морозные узоры подернули стекла на окнах.

Из проигрывателя лилась музыка Моцарта, на коленях у меня лежал томик со стихами Китса,

рядом на столе стоял стакан, куда было налито на два пальца виски. Воспоминания роились в моей голове и иногда заставляли улыбаться. Прекрасное время для старого человека.

Кто-то постучал в дверь. Я произнес нечто невнятное, с трудом поднялся с кресла и, придумывая предлоги для извинения и отказа, пошел к двери. Мое настроение не улучшилось, когда моя собака, едва не сбив меня с ног, бросилась к двери. Я держал этого бесцеремонного пса только потому, что он когда-то принадлежал Кэйт. Будучи щенком когда умерла его хозяйка, сейчас он уже и сам был близок к могиле.

Когда я открыл дверь, морозный воздух окутал меня. Снега еще не было, но земля промерзла насквозь, казалось, до самого экватора. И передо мной стоял человек, который буквально трясся от холода в своем легком не по сезону пальтишке. Он был среднего роста, щуплый, светловолосый, с острыми чертами лица.

Хотя я не видел его уже пять лет, эти годы не стерли его из моей памяти.

— Джек! — воскликнул я. Волна слабости нахлынула на меня.

Он вошел, закрыл дверь и сказал неровным, прерывающимся голосом:

— Док, вы должны помочь мне. Моя жена умирает.

ГЛАВА 12

Жар и озноб, боль в груди, красные пятна на щеках, кашель… все это похоже на пневмонию, — кивнул я. — И все это сопровождается головной болью, болью в спине и шее… Возможно, развивается менингит.

Сидя на краешке стула, Хэйвиг спросил:

— Что же делать? Антибиотики?

— Да, да. Я не люблю прописывать лекарства заочно, а тем более лечить тех, кто не имеет на это права. Так что сейчас я предпочел бы порекомендовать кислородную палатку…

— Я могу… — вскинулся он, но затем угас. — Нет, баллон с газом слишком тяжел.

— Ну что же, она молода, — попытался я успокоить его. — Возможно, стрептомицин… — Я поднялся, похлопал его по согнутой спине. — Успокойся, сынок. Послушай, что я скажу… — И я признался ему, что пять лет назад в беседе с одним писателем из Калифорнии не смог удержаться и рассказал ему отдельные детали эпохи Маури, о которых узнал от Хэйвига. Эта странная культура заинтриговала меня, и я подумал,

что этот человек, писатель, тренированный в размышлениях и предположениях, сможет объяснить мне некоторые их загадки и парадоксы. Естественно, я ничего не сказал ему о Хэйвиге и об источнике информации. Выслушав меня, писатель попросил разрешения использовать некоторые мысли в своих произведениях, и я не нашел причин для отказа.

— И рассказы были опубликованы, — с виноватым видом сказал я Хэйвигу. — Интересно, что в некоторых рассказах он даже сумел предсказать то, что я узнал от тебя лишь позже, например борьбу правительства с теми, кто пытается возродить машинную технологию. Что если агенты Ээрии выйдут на твой след?

— У вас есть эти рассказы? — спросил Хэйвиг.

Я дал ему книгу. Хэйвиг быстро просмотрел ее. Озабоченность исчезла с его лица.

— Не думаю, что следует беспокоиться, — сказал он. — Он изменил имена, место действия, а кроме того, ошибок тут больше, чем реалий. Если кто-либо из знающих будущее прочтет эти книги, он подумает, что это простое совпадение, случайное попадание в цель. Но я сомневаюсь, что кто-нибудь прочтет это. Эта книга скоро забудется. Агенты Ээрии не могут просматривать всю

массу книг, которые издаются.

Мне кажется, что я чрезмерно осторожен. Если за столько времени на нас не вышел еще ни один агент, значит, вряд ли это случится. Несомненно, они проверили вас и решили, что вы бесполезны для них. И тем не менее я не посещал вас столько времени только ради вашей безопасности.

Помолчав, он добавил:

— Более того, они даже не устроили мне засаду у материнского дома. Видимо, это кажется им слишком очевидно рискованным, ведь они плохо знают нашу эпоху. Так что будьте спокойны, док, я думаю, все будет о'кей. Но сейчас вы должны помочь мне.

— Почему ты пришел ко мне? Ведь в эпоху Маури медицина получила хорошее развитие.

— Слишком хорошее. Она там носит только профилактический характер. Поэтому я считаю, что в случае с Ксенией мне лучше воспользоваться современными нам знаниями.

Я потер подбородок. Затрещала отросшая за ночь щетина.

— Я всегда знал, что гемотерапия имеет свои пределы.

Хэйвиг беспокойно шевельнулся:

— Дайте мне шприц и ампулы, и я пойду.

— Легче, легче, — заметил я. — Помни, что я не практикую и у меня нет лекарств. Нам придется ждать, когда откроется аптека. Кроме того, я хочу немного почитать о лекарствах. Антибиотики могут иметь побочные эффекты, так что я должен подготовить тебя. Но прежде всего тебе нужно немного выпить и поспать.

— Ээрия…

— Успокойся, — сказал я этому усталому, изодранному человеку, в котором все еще видел мальчика. — Ты сам только что сказал, что эти бандиты потеряли интерес ко мне. Если бы они следили за моим домом, они уже были бы здесь. Согласен?

Он тяжело кивнул:

— Вероятно.

— Я согласен с твоими предосторожностями, но все же настаиваю, чтобы ты сообщил мне обо всех стадиях болезни твоей жены.

— Могу ли я?.. Сначала у нее была сильная простуда. Вообще в те времена болезни протекают гораздо сильнее, чем сейчас. Дети мрут, как мухи. Родители не проявляют особой любви к ребенку первую пару лет. Вероятно, именно потому, что высока детская смертность и родители не хотят привязываться к ребенку. Ксения, заболев, не ло-

жилась в постель, хотя чувствовала себя плохо… А тем вечером… — Он не мог договорить.

— Ты просмотрел ее будущее?

Запавшие глаза дико посмотрели на меня.

Я не могу понять, почему он боялся заглянуть в будущее Ксении, узнать, когда она умрет. Неужели он считал, что незнание спасет его свободу, вернее, иллюзию свободы. Я ничего не знаю, кроме того, что он оставался у меня два дня, давая отдых телу и тренируясь делать инъекции. Наконец он распрощался. Ни он, ни я не знали, увидимся ли мы снова. Он уехал на такси в аэропорт, сел в самолет и полетел в Стамбул, чтобы там переместиться в прошлое, где его захватят агенты Ээрии.

Стоял ноябрь 1213 года. Хэйвиг выбрал этот месяц, потому что знал: будет грязь, слякоть, холод — и агенты Ээрии не будут дежурить у моего дома. Но на берегу бухты Золотой Рог погода была не такая холодная, хотя пронзительный ветер дул через Черное море из России, принося дождь. В домах византийцев для защиты от холода имелись только медные жаровни — камины здесь были слишком дороги. Маленькое тело Ксении содрогалось от холода, в легких слышались хрипы.

Хэйвиг прибыл в Стамбул в районе доков и

пошел кружной дорогой, чтобы не навести шпионов. Дорога была почти пустой. В одной руке он нес хронолог, в другой — плоский чемоданчик, где заключалась жизнь Ксении. Дождь сыпал с серого неба, и вскоре вся его одежда промокла до нитки, холод подступал к телу. Звук его шагов по скользким камням гулко разносился по пустынным улицам. Он торопился. Ведь прошло уже больше пятнадцати минут с тех пор, как он покинул Ксению. Было три часа дня, а сумерки уже повисли над городом.

Дверь его дома была заперта, ставни опущены, и сквозь щели пробивался свет.

Он постучал, ожидая, что новая служанка, Евлалия, так, кажется, зовут ее, откроет дверь и впустит его. Она, конечно, удивится, увидев, что он так быстро вернулся, ну да черт с нею.

Заскрипели петли. Дверь открылась. В дверном проеме стоял бородатый человек в византийской одежде. Дуло пистолета в его руке показалось Хэйвигу огромным.

— Не двигайся, Хэйвиг, — сказал человек по-английски. — И не пытайся бежать. Помни, что женщина у нас.

Единственное, что напоминало о строгости византийских нравов в их спальне, была икона

Девы Марии. Свет, проникающий через щели в ставнях, освещал стены, разрисованные яркими цветами и веселыми зверушками Ксения лежала в постели. Она была такая маленькая, такая худенькая в своей ночной рубашке. Кожа, обтягивающая ее хрупкие кости, была, как свежевыпавший снег, слегка окрашенный розовым рассветом. Губы ее пересохли, потрескались. Густые волосы разметались по подушке, с бледного лица смотрели огромные испуганные глаза.

Человек в одежде римлянина, которого Хэйвиг не знал, крепко и профессионально держал его за левую руку. Справа его держал Хуан Мендоза. Он был одет, как римлянин с запада, точно так же, как и Вацлав Красицкий, стоящий у постели Ксении.

— Где слуги? — автоматически спросил Хэйвиг.

— Мы пристрелили их, — сообщил Мендоза.

— Что?..

— Они не знали, что такое пистолет, и поэтому смерть не испугала их. Мы не могли позволить, чтобы они своими криками предупредили тебя. Заткнись.

Мысль об убитых слугах, о том, что их дети стали сиротами, оглушила Хэйвига. Его страдания

усугубились, когда он услышал кашель Ксении.

— Хаук… — прохрипела она. — Нет, нет, Джой…

Она протянула к нему тонкие бессильные руки, но он не двинулся с места.

Широкое лицо Красицкого заметно постарело. Он сказал с холодным удовлетворением:

— Должно быть, тебе интересно узнать, что мы потратили много времени своей жизни, чтобы выследить тебя. Ты много задолжал нам, Хэйвиг.

— Но… к чему это вам?

— Не думал же ты, что мы оставим тебя в покое? И не только потому, что ты убил наших людей. Ты много знаешь, умен и поэтому опасен для нас. Мне поручили разыскать тебя.

«Они меня слишком переоценивают», — тупо подумал Хэйвиг.

— Мы должны знать, что ты делал все это время, — сказал Красицкий. — Прими мой совет и скажи правду.

— Но как вы?..

— Чисто детективная работа. Мы предположили, что эти греки дороги тебе, раз ты поступил так, и ты непременно вступишь с ними в контакт. Признаю, ты неплохо запутал следы. Но тем не менее мы сумели выследить тебя. Узнав

от соседей, что твоя жена серьезно больна, мы стали ждать, когда ты выйдешь, зная, что скоро вернешься. — Красицкий посмотрел на Ксению.

Она содрогнулась и тихонько заскулила, как скулит собака по убитому хозяину.

— Ради Христа! — вскрикнул Хэйвиг. — Отпустите меня, дайте мне вылечить ее!

— Кто они, Джон? — спросила Ксения. — Чего они хотят? Где твой святой?

— А кроме того, — сказал Мендоза, еще сильнее заломив руку Хэйвига, — Пат Мориарти был моим другом.

Боль заполнила все сознание Хэйвига, и он как будто издалека услышал голос Красицкого:

— Если ты будешь хорошо себя вести, пойдешь с нами без шума, мы оставим ее в покое. Я даже сделаю ей укол, ведь, насколько я понимаю, в чемоданчике шприц и лекарства?

— Этого… недостаточно… пожалуйста… пожалуйста…

— Хватит! Я ведь сказал, что мы истратили на тебя целый год жизни. Не заставляй нас терять еще больше. К тому же мы рискуем. Слушая, ты хочешь, чтобы тебе сломали руку?

Хэйвиг вздрогнул и заплакал.

Красицкий выполнил свое обещание и сделал

укол Ксении, но сделал неумело, и она вскрикнула от боли.

— Все хорошо, моя дорогая, все хорошо. Святые будут хранить тебя… — сказал Хэйвиг и повернулся к Красицкому:

— Дайте мне попрощаться с нею. Я сделаю все, что вы требуете, только дайте попрощаться.

Красицкий пожал плечами.

— О'кей, если ты поторопишься.

Мендоза и другой человек держали Хэйвига, когда он склонился над Ксенией.

— Я люблю тебя, — сказал он ей, не зная, слышит ли она его, охваченная болезнью и ужасом. Губы, которых он коснулся своими губами, были совсем не такими, какие сохранились в его памяти.

— Ладно, — сказал Красицкий. — Идем.

Перемещаясь во времени, — Хэйвиг потерял ощущение людей, держащих его. Они как бы стали частью его самого. Только мелькания света в комнате стали реальностью. Он видел, как Ксения исчезла, слышал ее крик, в следующее мгновение он уже увидел ее неподвижной, увидел, как кто-то вошел в комнату, затем там толпились люди, плачущие, воздевающие руки к небу… А затем в комнате стало пусто, в следующее мгновение в

ней уже оказались другие, чужие люди…

Так что теперь при первой остановке он мог начать сопротивляться, но он смог обуздать себя. Нельзя прибыть в Ээрию с искалеченными телом и душой, нужно быть готовым ко всему, что придумает для него Калеб Уоллис. Нужно сохранить в себе способность мстить.

Но эти мысли мелькали у него в голове как нечто постороннее. Всю душу его затопила смерть Ксении. Он уже едва видел, как дом ее вспыхнул от пожара, когда турки взяли город, как затем город стал отстраиваться, как перед ним мелькали лица, лица, лица… до тех самых пор, когда город был стерт с лица земли гигантским взрывом. Они остановились среди радиоактивных развалин и полетели на самолете через океан, чтобы продолжить путешествие в будущее, где ждал их Сахэм. Но в душе не было ничего, кроме Ксении. Он видел, как она осталась одна умирать в пустой комнате.

Хотя в Ээрии стояло жаркое лето, камера башни, куда поместили Хэйвига, была сумрачная и холодная. В ней было пусто, если не считать умывальника, матраца и двух жестких стульев. Из единственного окна открывался вид на поля, где трудились крестьяне.

Металлический трос длиною в пять футов, прикрепленный к ноге, был прикован к кольцу, вмурованному в стену. Да, это был единственный способ удержать в заключении путешественника во времени.

— Садись, садись, — приказал Калеб Уоллис и пристроил свой широкий зад на одном из стульев вне досягаемости Хэйвига. Черная форма с эполетами, тщательно уложенные рыжие бакенбарды — все это подчеркивало его превосходство над Хэйвигом, который так и остался в древней одежде. На лице его были синяки, глаза обведены черными кругами.

Уоллис махнул сигарой.

— Я не очень зол на тебя, — сказал он, — я даже восхищаюсь твоей энергией, умом. Мне бы хотелось, чтобы ты использовал их для меня. Именно потому я приказал своим мальчикам дать тебе отдохнуть перед этим интервью. Надеюсь, твои нервы пришли в норму. Садись.

Хэйвиг повиновался. Он все еще был в подавленном состоянии духа. Всю ночь ему снилась Ксения. Он был с нею в огромном тримаране, скользившем по водной глади. А затем его паруса превратились в крылья, и он взмыл в небо, к звездам.

— Мы здесь одни, — сказал Уоллис. Конвой ждал за дверью, тяжелой и закрытой. — Ты можешь говорить свободно.

— А если я не буду?

— Будешь. Я человек терпеливый. Но я не позволю тебе и дальше разрушать то, что создается мною. Я оставил тебе жизнь только потому, что надеюсь, ты компенсируешь тот вред, который нанес нашему делу. Например, ты хорошо ориентируешься во второй половине двадцатого века. И у тебя там есть деньги. Это может оказаться полезным для нас.

Хэйвиг запустил руку под тунику и почесался. Он тупо подумал: «Драма превратилась в комедию. Я, потерявший жену, любимую жену, нахожусь в плену, ожидаю пытки. Мне даже не позволено вымыться, так что у меня чешется все тело и от меня дурно пахнет».

Как-то он сказал Ксении, что ее любимые классические поэты весьма далеки от реальной жизни. И она, чтобы доказать ему обратное, прочла ему Гомера, греческие драмы, гимны… Голос ее звучал вдохновенно, палец бегал по строчкам, а среди роз гудели пчелы…

— Я слышал, что ты завел себе женщину в Константинополе, — сказал Уоллис. — Она заболела

и умерла. Я сочувствую тебе. И все же ты сам виноват во всем. — Он тяжело качнул лысой головой. — Да, да. Ты виноват в том, что случилось с нею. Я не говорю, что твой Бог наказал тебя. Природа сама делает с человеком то, чего он заслуживает. Белый человек не имеет права связываться с такими женщинами. Она же левантийка, а это значит, что в ней кровь азиатская, может, еврейская, а может, и с примесью негритянской. — Уоллис снова выразительно махнул сигарой. — Я ничего не имею против, когда мои мальчики развлекаются, — продолжил он с игривой улыбкой. — Они имеют на это право, так как выполняют трудную работу. Но ты, Джек, ты женился на ней!

Хэйвиг попытался не слушать его, но слова Уоллиса проникали в его мозг.

— Это еще хуже, чем кажется на первый взгляд. Это символично! Ты опустился на низший уровень, ибо такая, как она, не могла подняться до тебя. Этим ты уронил достоинство целой расы! — Голос его стал жестким. — Ты не понимаешь? Это всегда было проклятием белого человека. Он всегда был более интеллигентен, чувствителен и всегда открывался тем, кто ненавидел его. Он впускал в свой дом лживых лицемерных людей,

и проходило много времени, прежде чем он убеждался, что доверился врагам, хитрым и жестоким. О да, да, я изучал твой век. Именно тогда произошло то, что готовилось десятилетиями, пришел в действие заговор, уничтоживший мир белого человека, открывший ворота монголам и Маури. Ты знаешь, что я считаю величайшей трагедией всех времен? Это когда два величайших гения, каких когда-либо создавала раса белых людей, возможные спасители их от нашествия славян и китайцев оказались в состоянии войны друг с другом. Дуглас Макартур и Адольф Гитлер.

Хэйвиг сплюнул на пол в негодовании и ярости:

— Если бы генерал услышал это, я не дал бы и гроша за твою жизнь!

Странно, но Сахэм не выказал гнева.

— Ты как раз подтверждаешь мои слова. — В его манерах выразилось как бы сожаление к Хэйвигу. — Джек, я хочу, чтобы ты понял всю перспективу. Я знаю, в тебе сильны инстинкты. Они только погребены в тебе под грудой коварной лжи и лицемерия. Ты видел эту негритянскую империю будущего и ты просто не понимаешь, что нужно сделать, что можно сделать, чтобы снова направить белую расу на дорогу эволюции.

Уоллис раскуривал сигару, пока ее кончик не стал ярко светиться.

— Разумеется, сегодня ты не в себе. Ты потерял свою девушку и скорбишь по ней. Я тебе очень сочувствую. Однако к этому времени она все равно была бы уже давно мертва. Разве не так? — Голос его ожесточился. — Все умирают. Кроме нас. Я не верю, что мы, путешественники во времени, нуждаемся в смерти. Ты можешь быть среди нас и будешь жить вечно.

Хэйвиг очень хотел сказать, что не желает входить в их число, пока там Уоллис, но удержался. Он ждал.

— Да, да, в далеком будущем нас ждет награда. Мы найдем бессмертие, мы войдем в число богов…

Где-то вдали закаркала ворона. Трубные звуки угасли в голосе Уоллиса.

— Я надеюсь, ты будешь с нами, Джек. Надеюсь. Ты сделал много полезного для нас до того, как сошел с ума. Ты позволил нам широко внедриться в ту эпоху. Поверь мне, Калеб Уоллис помнит добро.

Разумеется, подробнее узнав о нашей миссии, ты был шокирован. Но что ты скажешь о Хиросиме? Что скажешь о многих солдатах, твоих

товарищах, Джек, которые были вынуждены умереть, лежа в грязи на брюхе, за американскую свободу? И ты посмел противопоставить им эту гречанку, в которую ненароком влюбился?

Ты провел там несколько лет. И собрал много информации. Как насчет того, чтобы поделиться ею? И передать нам свои деньги? Этим ты заслужишь возвращение в наше братство. Или ты предпочитаешь раскаленное железо, щипцы для выдирания ногтей, свидание с теми, кто имеет огромный опыт заставлять людей тщетно мечтать о смерти? Но я долго не позволю тебе умереть…

Ночь сначала пришла в камеру, затем заглянула в окно. Хэйвиг тупо смотрел на ужин, принесенный ему, пока тарелка не скрылась во тьме.

Он должен принять решение. Уоллис, возможно, врет о будущем Ээрии. Если Хэйвиг не может сбежать отсюда, он должен присоединиться к ним в надежде, что добрый дух Ксении спасет его.

Ведь если, например, Уоллис узнал о психонаркотиках Маури и послал за ними людей…

Ну что ж, Юлий Цезарь тоже отошел от своих принципов и заложил основы западной циви-

лизации, которая дала миру Шартский собор, Франциска Ассизского, пенициллин, Баха, Билль о правах, Рембрандта, астрономию, Шекспира, конец рабства, Гете, генетику, Эйнштейна, эмансипацию женщин, Джейн Адамс, следы человека на Луне, космос… и ядерную боеголовку, тоталитаризм, автомобили, четвертый Крестовый поход… но в целом, с точки зрения бесконечности…

Может ли он. Джек Хэйвиг противостоять будущему во имя маленького обожаемого комочка праха?

Может ли он? Скоро придет слуга Уоллиса, чтобы посмотреть, записал ли что-нибудь Хэйвиг на магнитофон, оставленный ему.

Он, Хэйвиг, должен помнить, что заслуживает бессмертия не больше, чем Дукас Манассис, Ксения или кто-нибудь другой…

И все же он не должен развязывать врагу руки, не должен давать ему возможности свободно ориентироваться в той эпохе. Пусть враги истратят на это как можно больше своей жизни…

Чья-то рука коснулась его. Он с трудом вынырнул из объятий беспокойного сна. Мягкая ладонь зажала ему рот. И в черноте камеры послышался шепот Леонсы.

— Тихо, дурачок…

Вспыхнул луч фонарика. Он высветил металлический трос, затянутый на ноге Хэйвига.

— Ах, — выдохнула она. — Вот как они тебя… Держи. — Она протянула ему фонарик, но Хэйвиг, с отчаянно колотившимся сердцем, не мог держать его ровно. Леонса выругалась, взяла фонарик обратно и, зажав его в зубах, стала пилить напильником трос.

ГЛАВА 13

Леонса, моя дорогая, ты не должна… — пробормотал он.

Она сердито проворчала что-то. Хэйвиг покорно замолчал. Звезды смотрели в окно.

Когда трос был перепилен, он выпрямился. На ноге осталось металлическое кольцо. Она выключила фонарик, сунула его в карман — он успел заметить, что она в джинсах, куртке, что у нее нож и пистолет.

— Слушай, — прошептала она, — ты переместишься вперед, в утро. Пусть они принесут тебе завтрак, а потом возвращайся сюда. Ты понял? Я хочу, чтобы они считали, что ты сбежал утром. Ты можешь перемещаться? Если нет, ты погиб.

— Я попытаюсь, — слабо сказал он.

— Хорошо. — Она быстро поцеловала его. — Иди.

Хэйвиг стал медленно перемещаться вперед во времени. Когда за окном стало совсем светло, он остановился, аккуратно поправил перерезанный трос, чтобы не был заметен разрез, и стал ждать. Никогда еще время не тянулось так медленно.

Вскоре пришел охранник с кофе и едой.

— Хэлло, — с деланным спокойствием поздоровался Хэйвиг.

Охранник бросил на него суровый взгляд и предупредил:

— Ешь быстро. Тебя ждут для разговора.

Хэйвиг с ужасом подумал, что охранник останется в камере. Но тот ушел. Когда за ним закрылась дверь, Хэйвиг в изнеможении сел. Ноги не держали его.

Леонса… Он глотнул кофе. Воля и силы вернулись к нему. Вернувшись в нормальное время, он успел услышать хриплый шепот:

— Ты можешь перемещаться вместе со мной?

— Я попытаюсь.

— Хорошо. — Пауза. — Иди.

Он услышал легкий шелест воздуха, заполняющего вакуум, где он только что был, и понял, что он исчез.

— Где я? — тихо спросил он.

Она, вероятно, видела в темноте лучше, чем он, так как сразу подошла к нему.

— Все о'кей?

— Да. Вероятно.

— Не болтай, — приказала она. — Возможно, они решат проверить и это время. Держись за

меня, и полетим в прошлое. Не торопись, я буду приспосабливаться к тебе.

В тренировки людей Ээрии входило и совместное перемещение. Уловив скорость перемещения партнера, другой увеличивал или уменьшал свою хронокинетическую энергию.

Они переместились на несколько суток. Дверь в камеру не была заперта. Они спустились по лестнице, прошли через двор и вышли в ворота, которые в то время всегда были открыты. Вскоре они были в лесу и стали перемещаться в прошлое, останавливаясь для отдыха только по ночам.

Страдая от усталости и горя, Хэйвиг едва поспевал за Леонсой. Она освободила его. Но… освободила ли?

Она действительно подарила ему свободу. Ему только требовалось время, чтобы поверить в это.

Они сидели в лесу. Летом и задолго до рождения Колумба. Гигантские деревья сплетались друг с другом, образуя непроходимую чащу. Их густые запахи наполняли воздух. На земле лежала плотная тень. Где-то барабанил дятел. В очаге, сложенном из камней, горел огонь. На нем жарился глухарь, которого принесла Леонса.

— Я никогда не думала, — сказала она, — что мир был так чудесен до того, как люди испакости-

ли его машинами. Я больше не мечтаю о Высоких Годах, когда люди летали в космос. Я там побывала, и с меня достаточно.

Прислонившись к стволу дерева, Хэйвиг испытывал странное ощущение «дежа вю» — уже виденного. И сразу же понял причину: через несколько тысячелетий он и она… Он посмотрел на нее более внимательно. Ярко-рыжие волосы, собранные в узел, померкший загар, мальчишеская одежда на сильном теле — она, казалось, появилась прямо из его времени. В ее английском совершенно исчез акцент. Но и сейчас она не расставалась с оружием, и ее опасная кошачья грация осталась при ней.

— Сколько времени ты там была? — спросил он.

— После того как ты бросил меня в Париже? Три года. — Она наклонилась и перевернула птицу на углях.

— Прости. Я поступил жестоко. Почему ты решила освободить меня?

Она нахмурилась:

— Я хотела, чтобы ты рассказал мне, что произошло.

— А ты не знаешь? — с удивлением воскликнул он. — Но если ты не знала, за что меня арестова-

ли, как ты могла освободить меня?

— Ты расскажешь мне?

Он стал говорить без лишних подробностей. Ее раскосые глаза внимательно смотрели на него, хотя на лице ее ничего не выражалось. В конце она сказала:

— Ну что ж, кажется, я поступила правильно.

Он подумал: почему? Вряд ли она бы протестовала против убийств и грабежей…

Как бы отвечая на его мысли, она заговорила:

— Если бы борьба была честной: сила против силы, ум против ума… Но эти шакалы… они напали на беспомощных. И больше для развлечения, чем для наживы, — Она с хищным видом ткнула ножом птицу. Жир закапал на раскаленные угли. Вспыхнули языки желтого пламени.

— Кроме того, какого черта мы должны делать все, чтобы машины вернулись в мир? Ради того, чтобы Калеба Уоллиса люди могли назвать Богом?

— Когда ты узнала, что меня схватили, почему ты решила освободить меня, почему пошла на открытый бунт против Уоллиса?

Она не стала отвечать. Просто пожала плечами.

— Мы сможем наслаждаться жизнью вместе

с тобой, не подумав о том, что произойдет или должно произойти. — Она внимательно смотрела на него. — Это мы с тобой можем сделать. Найдем себе укромное место для жилья… Ведь мы же не собираемся жить в Ээрии?

Я совсем не уверен, что победа над Ээрией позволила ему заполнить пустоту, которая образовалась в нем со смертью Ксении.

— Леонса, ты не права, отрицая начисто науку и технологию. Их только нужно правильно использовать. Природа никогда не была в идеальном равновесии. Всегда находились виды, лучше других приспособленные к жизни в данных условиях. И первобытный человек был так же легко уязвим, как и цивилизованный. Почти все люди умирали рано от болезней, которые, как ты знаешь, в будущем научились лечить. Маури делают больше, чем просто стараются возродить жизнь на Земле. Они пытаются создать сбалансированную экологию. Но это возможно только в том случае, если у них будет развита наука и технология.

— Кажется, они не добьются успеха.

— Не могу сказать этого. Это таинственное будущее… Его еще предстоит изучить. — Хэйвиг протер глаза. — Позже, позже. Сейчас я слишком

устал. Одолжи мне свой нож, я нарежу после обеда веток, чтобы выспаться хорошенько за все время.

Она опустилась возле него на колени, обняла одной рукой, другой погладила по его волосам.

— Бедный Джек, — прошептала она. — Я была жестока к тебе, прости. Но ты тоже причинил мне боль, когда ушел. Спи, спи. Сейчас у нас мир.

— Я не поблагодарил тебя за спасение, — сказал он. — Я в вечном долгу перед тобой.

— Тупица. — Леонса крепко обняла его. — Почему, ты полагаешь, я вытащила тебя оттуда?

— Но… но… Леонса, я видел, как умерла моя жена..

— Да, да, — всхлипнула она. — Как бы мне хотелось попасть туда и познакомиться с этой девочкой… Если она подарила тебе такое счастье… Но это невозможно, я знаю. Ну что ж, я буду ждать, Джек, я буду ждать, сколько понадобится…

Они были не подготовлены к жизни в доколумбовой. Америке и смогли остаться там лишь очень ненадолго. Они могли перенестись вперед во времени, купить то, что нужно, и вернуться обратно. Но после того, что они оба выстрадали, безмятежная идиллия была для них невозможна.

Главным было состояние здоровья Хэйвига. Его душевная рана залечивалась медленно, но залечивалась, хотя после нее остался шрам — решимость объявить войну Ээрии.

Он не думал, что это желание просто отомстить убийцам Ксении. Леонса встала на его сторону, как любая женщина ледникового периода встает рядом со своим мужчиной. Он признал, что до некоторой степени она права.

— Самое странное, — говорил он Леонсе, — что в эпоху Маури и позже не рождались путешественники во времени. Хотя, может, они остаются инкогнито, как это случалось в ранней истории. Может, они боятся продемонстрировать свою уникальность? И тем не менее хоть одного мы знали бы…

— Ты интересовался?

Они находились в гостинице, в середине двадцатого века. Вокруг бурлила ночная жизнь Канзас Сити. Пока Хэйвиг не прикасался к своим вкладам в банках. Он хотел сначала убедиться, что не находится на крючке агентов Уоллиса. Мягкий свет лампы падал на Леонсу, которая в прозрачном пеньюаре сидела на постели, прижав колени к подбородку. И тем не менее она ничем не проявляла своих чувств к нему, а для него

она была только сестрой. Охотница научилась терпению, а Скулла умела читать души людей.

— Да, — сказал он. — Я тебе рассказывал о Карело Кеадзиму. У него есть связи по всему миру. Если он не знает о путешественниках во времени, значит, никто не знает. Леонса, нам придется рискнуть и отправиться в будущее, к Маури.

И снова на них навалились практические проблемы, касающиеся жизни в новом мире. Посудите сами: одна эпоха не мгновенно и не полностью заменяет другую. Каждая тенденция замаскирована многочисленными подводными течениями. Так, Мартин Лютер вовсе не был первым протестантом. Он просто первый поднял эту проблему. И его успех был обусловлен многочисленными поражениями его предшественников. Гуситы, лолларды, альбигойцы — вот фундамент его успеха. По и они уже имели под собой основу, заложенную в предыдущих веках.

Если вы хотите изучить эпоху, в какой ее год следует перенестись?

Для того чтобы путешествовать во времени, необходимо по меньшей мере обеспечить базу для жизни, крышу над головой. Поэтому предварительно следует несколько раз «нырнуть» в будущее для подготовки самого необходимого.

Хэйвиг переместился на западный берег Северной Америки тридцать первого столетия. Там существовал город — некий гибрид англо-испано-маури. Хэйвиг достал там грамматику, словарь, материалы для чтения. После недолгой, но интенсивной практики он и Леонса почувствовали себя готовыми отправиться туда.

Этот город притягивал к себе людей с разных частей света, и еще два чужака не могли привлечь к себе особого внимания. Да, Сансиско был Меккой пилигримов: ведь знаменитый гуру Дуаго Самито здесь делал свои откровения. Никто не верил в чудеса, но люди верили в то, что, если встать на высоких холмах над городом, слиться с небом над головой и морем под ногами, тебя может посетить особый дар внутреннего видения.

Перед пилигримами не стояла финансовая проблема. Эта эпоха была эпохой процветания. Каждый из жителей мог разделить пищу и кров с пилигримами, получая за это только рассказы бывалых людей, много повидавших на свете.

— Если вы ищете Хозяев Звезд, — сказал человек, у которого они остановились, — то, действительно, они здесь есть. По ведь они есть везде, и в вашей стране тоже.

— Мы просто хотели узнать, они здесь такие

же, как у нас, или нет? — ответил Хэйвиг. — Я слышал. Хозяева отличаются большим разнообразием.

— Верно.

— К тому же это нисколько не удлинит наше путешествие.

— Тут вам можно не ходить. Достаточно связаться с помощью этой системы. — Хозяин дома показал Хэйвигу на аппарат топографической связи, стоящий в углу. Это была странная конструкция, которая смотрелась здесь примерно так же, как японский замок в средневековой Европе или готическая церковь в Японии эпохи Мэйдзи.

— Хотя я полагаю, что у них на станции сейчас никого нет, — заметил хозяин. — Они приходят нечасто.

— Мы по крайней мере посмотрим, где они живут, — сказал Хэйвиг.

Смуглый человек кивнул.

— Да, вы получите ощущение спасения. Идите с Богом. Утром, после часового пения и медитации, семья вернулась к обычным делам: отец вручную обрабатывал небольшой сад. Для него это было чисто психологической необходимостью, но не экономической. Мать продолжала работу над параматематической проблемой. При одном

взгляде на ее записи у Хэйвига закружилась голова. Дети занимались со сложной электронной системой, которая выполняла функции преподавателя и воспитателя.

Шагая по грязной дороге, где слякоть налипала на сапоги, в то время как в небе проносились сложные машины, Леонса вздохнула:

— Ты прав. Мне никогда не понять их.

— Для этого может потребоваться целая жизнь, — согласился Хэйвиг. — В историю человечества вошло что-то новое. — И немного погодя он добавил: — Впрочем, подобное уже было. Разве мог палеолитический охотник понять неолитического земледельца? Разве могут сравниться человек, живущий под божественной властью короля, и тот, что живет в свободном государстве? Я не всегда понимаю тебя, Леонса.

— И я тебя тоже. — Она схватила его за руку. — Давай постараемся.

— Мне кажется, — сказал Хэйвиг, — повторяю: кажется, что эти Хозяева Звезд живут в ультрамеханизированном мире, что находится в вопиющем контрасте с жизнью на остальной части Земли. Они появляются нерегулярно, их посты в основном необитаемы. Не кажется ли тебе, что они путешественники во времени?

— Но они ведь несут добро, разве не так?

— Значит, они не из Ээрии? А почему нет? Вполне возможно, что они начинали именно там. Внук пирата вполне может стать обожаемым королем. — Хэйвиг привел в порядок свои мысли. — Насколько я могу понять, причем следует учесть, что я плохо понимаю их новейший язык, они появляются, чтобы торговать — давать идеи и знания, а не материальные ценности. Их влияние на Земле, с одной стороны, ничтожно, но с другой — весьма впечатляюще. И, насколько я мог заметить, оно постоянно растет. Видимо, они провозвестники новой цивилизации, которую я не могу себе даже представить.

— Но местные описывают их иногда похожими на людей, иногда — нет.

— У меня тоже сложилось такое впечатление. Может, это просто фигуральное выражение?

Он посмотрел на Леонсу. Солнце сверкало в ее волосах, на лице блестели капельки пота. Он остро ощутил запах ее тела. Плащ пилигрима совершенно не скрывал ее великолепной фигуры. Где-то вблизи запела птица.

— Посмотрим, если удастся, — сказал он.

Она улыбнулась.

Город с устремленными в небо шпилями и

изящно закругленными куполами был пуст. Невидимый барьер ненадолго задержал их. Они двинулись вперед во времени, пока не увидели в воздухе корабль. Тогда они остановились.

Корабль приземлился. По невидимому трапу команда спустилась на землю. Хэйвиг видел мужчин и женщин. Сверкающая одежда обтягивала их тела. Хэйвиг понял, что подобных совершенных существ Земля не могла создать ни раньше, в эпоху динозавров, ни позже, когда болезненно распухшее красное Солнце будет медленно сжигать ее.

Леонса вскрикнула. Хэйвиг едва успел схватить ее, прежде чем она исчезла, перемещаясь в прошлое.

— Неужели ты не поняла? — спрашивал он. — Неужели ты не поняла все чудо этого?

Они стояли на высоком хребте. Бесчисленные звезды были рассыпаны на небе от одного горизонта до другого. Метеоры прочерчивали небо. Воздух был холодный, при дыхании образовывались облака пара. Леонса прижалась к Хэйвигу. Вечная тишина космоса окружала их.

— Посмотри, — сказал он. — Каждая из этих звезд — солнца Неужели ты думаешь, что во Вселенной больше нет планет, населенных живыми

существами?

Она содрогнулась:

— Но то, что мы видели…

— То, что мы видели — это чудо… — Он старался подыскать подходящие слова. Ведь они росли в разное время. То, что для него было реальностью, вполне достижимым будущим, для нее было всего лишь туманной легендой. — Откуда человечество может получить вливание нового духа, новых возможностей? После эпохи Маури человечество не замкнулось в себе. Оно начало распространяться дальше во Вселенную, за пределы, которых не достигало раньше.

— Расскажи мне, — молила она. — Помоги мне!

Неожиданно для себя Хэйвиг поцеловал ее. И они остались одни во Вселенной, слившись воедино.

Но счастливых концов нет. И никаких концов нет. Ничто не кончается. Правда, нам выпадают счастливые мгновения.

Пришло утро, когда Хэйвиг проснулся возле Леонсы. Она еще спала, теплая, мягкая, положив руку ему на грудь. На этот раз не его тело утомило ее. А его мысли, рассуждения…

— Док, — говорил он мне голосом, хриплым от

отчаяния. — Я не мог оставаться там, где мы были, в этом подобии рая. Я не мог оставаться нигде, не мог позволить себе не вмешиваться в будущее.

Я уверен, что будущее идет туда, куда надо. Но могу ли я в этом быть по-настоящему уверен? Да, да, меня зовут Джек, а не Иисус. Моя ответственность за будущее должна где-то кончаться, но где?

И даже если человечеству предназначено счастливое будущее, где дорога, которая ведет туда? Помнишь, однажды я высказал мнение, что Наполеон должен был выполнить свою миссию — объединить Европу, собрать ее вместе. Но Гитлеру этого нельзя было позволить. Нельзя было допустить его победы. А как мне рассматривать Ээрию?

Он разбудил Леонсу. Девушка быстро собралась, чтобы следовать за своим мужчиной.

Они могли посетить Карело Кеадзиму, но он мало чем мог помочь им. Кроме того, он занимал слишком высокое положение, жизнь его была у всех на виду.

Мне казалось неважным, кого хотят найти Джек Хэйвиг и Леонса из Вахорна.

ГЛАВА 14

12 апреля 197D года. Весна, только что нарождающаяся зелень, еще сырая после ночного дождя, белые облака на небе, отражающиеся в лужах на дорожках, сырая холодная земля, липнущая к пальцам, когда я стоял на коленях, сажая луковицы ирисов.

И тут под колесами машины заскрипел гравий. В ворота въехала машина и остановилась на лужайке возле большого каштана. Машина была мне незнакома, и я выругался про себя, поднимаясь с колен, когда он подбежал, чтобы обнять меня.

— Боже, как я рад видеть тебя!

Я не очень удивился. После того как он несколько месяцев назад был у меня, я все ждал, что он вернется, если он еще жив. Но только сейчас я понял, как мне не хватало его.

— Как твоя жена? — спросил я его.

Лицо его сразу стало печальным.

— Ее больше нет. Я расскажу… позже…

— О Джек… Прости.

— Нечего. Ведь для меня это произошло полто-

ра года назад.

А когда он обернулся к рыжеволосой девушке, приехавшей вместе с ним, улыбка вновь появилась на его лице.

— Док, Леонса, вы уже много слышали друг о друге. А теперь встретились.

Как и он, Леонса совершенно не обратила внимания на то, что мои руки запачканы землей. Встреча для меня была очень неожиданной. Я ведь еще не видел никого, прибывшего из времени. Хэйвиг не в счет. Ведь эта женщина совершенно из другой эпохи!

Охотница, шаманка, прорицательница, любовница многих и убийца многих… и вот она передо мною, одетая в самую обыкновенную одежду: модный костюм, нейлоновые чулки, туфли на высоких каблуках, в руках сумочка, на губах обычная помада, и говорит она на английском языке, совершенно не отличающемся от моего.

— Здравствуйте, доктор Андерсон! Я давно мечтала встретиться с вами.

— Входите в дом, — с трудом выговорил я. — Пойдемте умоемся, а потом я угощу вас чаем.

Леонса очень старалась остаться невозмутимой, но это ей плохо удавалось. Хэйвиг рассказывал, а она то и дело вставала со стула, подходила

к окну, смотрела на тихую улицу.

— Успокойся, — сказал он ей наконец. — Мы же все проверили, просканировали этот промежуток времени. Помнишь? Никаких агентов Ээрии мы не обнаружили.

— Не могли же мы проверить каждое мгновение, — возразила она.

— Нет, но… Док, я через неделю буду вам звонить и узнаю, все ли в порядке, так что не удивляйтесь.

— Может, они что-нибудь подготовили, — сказала Леонса.

— Вряд ли. Мы списаны со счета. Я уверен.

— Вероятно, я нервничаю оттого, что я женщина.

Поколебавшись, Хэйвиг сказал:

— Если бы они следили за нами и знали о наших контактах с доком, они нанесли бы мне удар через него. Нет, нет. — Он обратился ко мне: — Я могу навлечь на вас неприятности, док. Простите меня. Именно поэтому я не поддерживаю контакта с матерью.

— Все в порядке, Джек. — Я попытался изобразить улыбку.

— Это немного развлекает меня, особенно сейчас, когда я отошел от практической работы.

— Но все будет о'кей, — сказал Джек. — Я позабочусь об этом.

Леонса вздохнула. Долгое время стояла тишина, только с улицы слышался шелест ветвей на ветру. По небу проносились облака.

— Значит, ты считаешь, что я спокойно доживу до смерти?

Он кивнул.

— Ты знаешь, когда это случится?

Он сидел неподвижно.

— Хорошо, не говори. Но не потому, что я боюсь. Я простой смертный и знаю, что это случится. Однако я не завидую тебе. Когда я умру, ты потеряешь друга.

Мой чайник засвистел.

— Значит, — говорил я несколько часов спустя, — ты не собираешься быть пассивным? Ты хочешь что-то предпринять относительно Ээрии?

— Если смогу, — тихо ответил Хэйвиг.

Леонса, сидевшая рядом с ним, стиснула его руку.

— Что ты говоришь! — воскликнула она. — Я сама была там, в будущем. Недолго, но я видела, что Ээрия стала могущественной. Я видела Калеба Уоллиса, выходящего из самолета. Он был

стар, но я его видела. — Она стиснула кулаки. — И никто не убил этого ублюдка!

Я взял свою трубку. Мы уже пообедали и сидели в моем кабинете среди книг и картин. Солнце поднялось довольно высоко, и я объявил, что уже можно выпить немного виски. Но все же атмосфера в кабинете оставалась напряженной.

Я почти физически ощущал горе и гнев, которые хранили в себе эти двое.

— Ты не полностью изучил будущее Ээрии, — сказал я.

— Да. Мы читали книги Уоллиса и слушали его рассказы. Я не думаю, что он лгал. Он эгоист, но в таких вопросах лгать не будет.

— Ты не понял меня. — Я махнул трубкой. — Я спросил, изучал ли ты Ээрию последовательно, год за годом.

— Нет, — ответила Леонса. — Раньше не было причин, а теперь слишком опасно. — Она внимательно взглянула на меня. Все-таки она была очень привлекательна. — Вы что-то имеете в виду, док?

— Может быть. — Я достал спички, зажег трубку. Этот маленький очаг в моей руке всегда действовал на меня успокаивающе. — Джек, я много думал о том, что ты рассказал мне в послед-

ний визит. Это естественно. У меня есть время для размышлений. И ты сейчас пришел ко мне в надежде, что я дам тебе совет. Верно?

Он кивнул. Мелкая дрожь била его тело.

— Я, разумеется, не могу сказать, что решил ваши проблемы, — предупредил я. — Я могу только сказать то, что ты сам говорил мне: свобода таится в неизвестном.

— Продолжайте, — выдохнула Леонса. Она сидела, стиснув кулаки.

— Ну что же, — сказал я, глубоко затянувшись — Твое последнее утверждение еще больше укрепило меня в моем мнении. Уоллис верит, что его организация, модифицированная, но базирующаяся на том, что он создал, будет доминировать после эпохи Маури. Из того, что видели вы, это кажется мне сомнительным. Следовательно, когда-то произойдет упадок Ээрии. И… вообще-то о будущем Ээрии вы знаете только со слов Калеба Уоллиса, который крайне тщеславен и родился более сотни лет назад.

— А какое значение имеет дата его рождения? — спросил Хэйвиг.

— Большое. Наш век — жестокий век. Мы получили суровые уроки, каких себе даже представить не может поколение Уоллиса. Кроме того, общий

стиль жизни, уровень науки… Он наверняка слышал что-то, например, об операционном анализе, но никогда не пользовался им. Хэйвиг напрягся.

— Твой хронолог — это пример мышления человека двадцатого века. Кстати, что с ним?

— Я оставил его в Стамбуле, когда меня схватили. Думаю, что люди, которые стали жить в этом доме, либо выбросили его, либо разобрали на части из любопытства. Я уже сделал себе новый.

Мне стало не по себе. Я начал понимать Леонсу, охотницу из дикого племени.

— Те люди, которые тебя схватили, даже такой неординарный и изощренный человек, как Красицкий, даже не подумали взять этот прибор для изучения. И это прекрасная иллюстрация к моей точке зрения. Джек, у каждого путешественника во времени есть проблема попадания точно в нужный момент. И только ты подошел к разрешению этой проблемы научно: разработал прибор и нашел компанию, которая изготовила его для тебя.

Я выдохнул клуб голубого дыма.

— Это никогда не пришло бы в голову Уоллису. И никому из его окружения. Для них это недоступно. У них совсем не такой образ мышления.

Снова наступила тишина.

— Ну и что ж, — заговорил Хэйвиг, — я путешественник во времени, рожденный в самый поздний период.

Я кивнул.

— И воспользуйся своим преимуществом. Ты уже сделал это, решив изучить эпоху после Маури. Никто из окружения Уоллиса не осмелился бы на это. Помни, что Уоллис — выходец из того века, когда главным было не тщательное изучение с обоснованными выводами, а предсказание, предположение. Это век Максвелла, Пирса, Рикардо, Клаузевица — мыслителей, гениев. Но семена, которые они посеяли, не взошли в те времена. Я у верен, что Уоллис, как и другие путешественники во времени, дитя своего века, хотя он и смог отбросить кое-какие предрассудки и стать суперменом.

У Леонсы был озадаченный вид. Естественно, моя философия была непонятна ей. Хэйвиг тоже не все понимал.

— Что вы предлагаете? — наконец спросил он.

— Ничего конкретного. Только вообще. Сконцентрируйся на стратегии, а не на тактике. Не пытайся в одиночку воевать с целой организацией. Заручись союзниками.

— Откуда мне их взять?

— Везде и во всех временах. Уоллис неплохо поставил дело с набором агентов. Но он действует слишком грубо, и наверняка многие не попадают в его сети. Наверняка в Иерусалиме в день казни было много путешественников. Его агенты смогли найти только тех, кто не очень старался скрыть свою уникальность. Нужно попытаться найти остальных.

— Хмм… Я уже и сам думал об этом. — Хэйвиг потер подбородок. — Может, стоит пройти по улицам, напевая мессу на греческом языке.

— И на латинском тоже. — Я сжал трубку. — И еще одно. Может, тебе не стоит слишком уж засекречивать себя. Ты уже не ребенок.

Я говорил о тебе в Беркли и Холльерг-Колледже, разумеется, не называя тебя. В Беркли хорошие люди и настоящие ученые. Я могу назвать тебе тех, с кем я говорил и кто принял факт твоего существования. Они могут помочь тебе, уважая твое доверие.

— Но зачем? — спросила Леонса.

Хэйвиг вскочил и стал метаться по комнате, объясняя ей:

— Чтобы открыть мир, дорогая. Не может быть, чтобы такие, как мы, рождались только на Западе. Это бессмысленно. Китай, Япония, Индия,

Африка, Америка — миллиарды людей! И мы... — Он замолчал, чтобы перевести дух.

— Мы можем отбросить плохих, отобрать лучших, молодых, вывести их на правильный путь, черт побери! О Боже! Что нам эти тупицы из Ээрии? Мы будем делать будущее, а не они!

Конечно, это было непросто. Они провели много лет в подготовке. Это позволило им наладить отношения и между собой. Когда я увидел их в следующий раз, они уже вели себя по отношению друг к Другу, как давно женатая счастливая пара. И тем не менее это было трудное время для обоих.

Это время требовало от них четкого мышления и трезвого реализма. Благодаря мне Хэйвиг встретился с теми учеными, о которых я говорил. Когда он сумел убедить их, они познакомили его со своими коллегами, и у Хэйвига образовался настоящий мозговой центр, который руководил его действиями. Некоторые из этих ученых ради Хэйвига и его миссии даже ушли в отставку, что озадачило непосвященных коллег. Временами я слышал кое-что об их успехах. Они разработали много методов вступления в контакт с путешественниками — если перечислять все эти методы, нужно было бы писать еще одну книгу. Многие

из них не увенчались успехом, но некоторые сработали.

Например, тот, кто ищет своих собратьев, должен обращать внимание на необычность, отличие того или иного человека от окружающих Шаманы, ведьмы, колдуны, совершающие чудеса. Крестьянин, который, несмотря на засуху и прочие бедствия, умудряется получать хорошие урожаи. Торговец, чьи корабли регулярно возвращаются домой, несмотря на штормы и ураганы. Воин, прославившийся как неуловимый шпион и разведчик. А когда путешественник выявлен, встает не менее сложная задача привлечь его на свою сторону.

Найти путешественников во времени — это только начало. Их нужно организовать. Как? Почему они должны согласиться покинуть свои дома, привычное окружение, пойти на определенные ограничения, положить свои жизни на что-то призрачное, неясное? И что может остановить их, когда они устанут от одиночества и захотят вернуться по домам?

То, что они встретятся с подобными им, конечно, окажет свое воздействие. На этом сыграл Уоллис, сыграет и Хэйвиг. Но этого, конечно, мало. Кроме того, Уоллис обещал всем власть и вели-

чие, он утверждал, что каждый из них — творец будущего Что же мог сказать своим товарищам Хэйвиг, чтобы они прониклись ненавистью к Ээрии, поняли необходимость войны с нею?..

Я завидовал веем, взявшимся за решение этой задачи. Представьте: отыскать, а затем выковать твердый сплав из конфуцианского учителя, охотника на кенгуру, польского школьника, месопотамского крестьянина, западно-африканского кузнеца, мексиканского вакеро, эскимосской девушки… Даже на то, чтобы только собрать вместе этот причудливый калейдоскоп, потребовалось немало сил. А потом еще многим из них приходилось говорить, что они — путешественники во времени…

Они проходили тренировки в разных местах и эрах. После чего подвергались тестированию на правдивость, определялись их способности. В отдельных случаях — очень небольшой процент — люди отправлялись обратно по домам. Им платили и прощались с ними. Они к этому времени получили мало информации о враге, с которым предстоит бороться, и не могли вступить в контакт с Ээрией.

Остальные отправлялись на главную базу для дальнейшего обучения.

База находилась именно там, где в будущем расположится Ээрия, но только на много тысяч лет назад, в эпоху раннего плейстоцена. Такая предосторожность создавала множество проблем. Например, чтобы перемещаться в будущее, нужно было создавать промежуточные базы для отдыха, где можно было не только передохнуть и набраться сил, но и переодеться в соответствии с требованиями эпохи.

Но безопасность была дороже всего. Их крепость стояла на высоком холме, у подножия которого мирно катила свои воды река. Она сверкала на солнце, как бронза.

Хэйвиг собрал общество, в котором женщины и мужчины были примерно в равном Количестве. Это было настоящее общество, спаянное едиными целями. У них уже появились свои обычаи, ритуалы, законы… Да, это был настоящий триумф Хэйвига. Сахэм создал армию, а человек, поклявшийся уничтожить его, создал племя.

Хэйвиг и Леонса были у меня в марте, тогда их работа была в самом разгаре. И только в День Всех Святых услышал продолжение истории.

ГЛАВА 15

Тени проносились мимо, когда время неудержимо рвалось вперед. Они имели форму и цвет, массу и размеры только тогда, когда они останавливались поесть, поспать, глотнуть воздуха. Над этими холмами проносились годы, десятилетия, столетия… Менялся ландшафт, наступали ледники, сопровождаемые снежными бурями. Затем они таяли, оставляя после себя громадные озера, из которых пили воду мастодонты. Затем эти озера зарастали травой, превращались в болота… И снова приходили ледники, и снова они таяли, но теперь по окружающим бескрайним прериям бродили стада громадных бизонов, чья тяжелая поступь заставляла содрогаться землю. И вот появились первые люди — меднокожие, вооруженные копьями с кремневыми наконечниками. А затем снова наступила Большая Зима — и снова потепление, и снова люди, но уже вооруженные луками и стрелами. Догом пришли завоеватели, огнем и мечом добывающие себе право жить на этой благословенной земле…

Для последнего отдыха группа Хэйвига остано-

вилась в доме одного фермера, который не был путешественником, но которому можно было доверять.

Свет фонаря отражался от гладкой поверхности кухонного стола. В печи, потрескивая, горели поленья. На печи стоял громадный кофейник. Хотя до ближайших соседей выло полдня езды на лошади в дом стоял среди деревьев, Олаф Торстад всегда принимал гостей после наступления темноты. То, что кто-нибудь увидит свет в окнах, не смущало его: пусть думают, что он страдает бессонницей.

— Вы уже собираетесь? — спросил он.

— Да, — ответил Хэйвиг. — Мы уйдем перед рассветом.

Торстад взглянул на Леонсу:

— О, леди как будто собралась на войну.

— Женщина должна идти за своим мужчиной, — заявила она и с ухмылкой добавила: — Джеку не удастся отделаться от меня.

— Да, другие времена, другие нравы, — вздохнул Торстад.

— Но я рад, что родился в 1850 году. — И торопливо вставил:

— Хотя я очень благодарен вам за то, что вы сделали для меня.

— Ты сделал для нас больше, — ответил Хэйвиг. — Мы поселили тебя здесь именно потому, что нам нужна база поблизости от Ээрии. Ты все время рискуешь, — ведь мы прячем у тебя свои вещи… но сегодня все кончится. — Он изобразил улыбку. — Ты можешь пользоваться всем тем, что осталось после нас, жениться на девушке, с которой помолвлен, и прожить остальную жизнь в мире и покое.

Несколько секунд Торстад смотрел на него. Затем коротко сказал:

— В мире? Но ведь вы вернетесь? Скажите, что случилось? Пожалуйста…

— Если победим, — ответил Хэйвиг и подумал, сколько таких обещаний он дал своим помощникам, разбросанным по разным эпохам. Он вскочил с кресла. — Принеси оружие для моих людей. Нам пора действовать.

У Хэйвига не было огромной армии. Отряд состоял из трех тысяч человек. Туда входили и женщины. Это было слишком много, чтобы держать их на одной промежуточной базе, так как до врага могли бы дойти различные слухи и насторожить его. Поэтому небольшие группы были разбросаны по разным эрам, и теперь все пришло в движение. Все группы стали собирать-

ся к исходной точке.

Хэйвиг и полдюжины его друзей стояли в утро Нового, 1077 года непрерывного существования Ээрии. Звезды ярко сверкали в западной части неба, но уже начали блекнуть на востоке. В призрачном свете виднелись кирпичи стен и башен, стекла окон, покрытые инеем булыжники мостовой. Необычайная тишина царила над миром, словно все звуки вымерли на этом морозе, который при дыхании пощипывал гортань и легкие.

Эти ребята хорошо знали, что им нужно делать, и тем не менее Хэйвиг испытующе посмотрел на них, на тех, кого он выбрал для выполнения самого важного дела.

Все они были одеты одинаково: темно-зеленые парки, брюки, заправленные в кожаные сапоги, шлемы, оружие, пояс с патронами. Он знал эти лица лучше, чем свою ладонь. Ведь он провел с ними много лет. Леонса с широкими скулами, выпуклым лбом, чувственными губами, которые он так часто целевая. Чао, Индхлову, Гуттиерез, Белявский, Маатук ибн Пахаль. Они на мгновение скрестили руки и приготовили оружие, так как часовые могли заметить их и поднять тревогу.

Крепость всегда тщательно охранялась, но теперь, когда Ээрия процветала уже столько лет,

никто бы не осудил часовых, которые в утро Нового года решили покинуть свои посты и отметить праздник.

— О'кей, — сказал Хэйвиг. — Я люблю тебя, Леонса.

Ее губы скользнули по его губам. Отряд прошел к двери башни, где жил Калеб Уоллис.

Она была заперта. Ругательство сорвалось с прекрасных губ Леонсы. Пистолет Маатука выпустил пулю в замок. Звук выстрела ударил по барабанным перепонкам, заметался между спящими стенами.

Хэйвиг повел отряд в башню. Позади он услышал крик, который только удивил его, но не встревожил. Вперед, на лестницу!

Звуки шагов по каменному полу гулко раздавались в тишине. Они быстро поднимались по темной и пыльной спиралеобразной лестнице. Гуттиерез и Белявский остались внизу охранять главный вход и лифт. Индхлову и Чао начали обыскивать второй и третий этажи, чтобы обнаружить апартаменты секретаря Уоллиса. А Хэйвиг был уже на следующем этаже перед обитой медью дверью в апартаменты Уоллиса.

Она даже не была заперта. Сюда никто не мог войти без разрешения. Если он, конечно не на-

меревался уничтожить все созданное Сахэмом. Хэйвиг широко распахнул двери.

Он сразу узнал этот мохнатый ковер, тяжелую мебель, фотографии на стенах. Воздух был сыров и спертый. Через морозные узоры на стеклах свет едва проникал сюда. Маатук остался охранять вход. Хэйвиг и Леонса прошли через кабинет в спальню.

Уоллис вскочил с огромной двуспальной кровати, закрытой пологом. Хэйвиг был поражен, увидев, как прошедшие годы изменяли Сахема. Он был совершенно седой, все лицо изборождено сетью красных прожилок. Жалкое впечатление, которое он производил, усугублялось ночной рубашкой. Уоллис бросился к столу, где лежал пистолет.

— Иа-а-а! — крикнула Леонса, прыгая вперед.

Уоллис исчез из виду. Она тоже, успев ухватиться за него. Через мгновение они появились вновь, катаясь по полу. Он не мог исчезнуть во времени, Леонса не пускала его. На фоне их хриплого дыхания слышались всхлипывания девушки-наложницы под пологом. Хэйвиг бегал вокруг, пытаясь помочь. Но они так крепко сплелись, что он не находил места, куда бы мог ударить.

В прихожей прогремели выстрелы.

Хэйвиг бросился к двери, распластался на полу, выглянул. На полу неподвижно лежал Маатук. Над ним качался Остин Колдуэлл. Он хрипло дышал, истекая кровью. Видимо, ему прострелили легкие. Его пистолет искал следующего врага. Видимо, ветеран войн в Индии сумел убить Чао, а тот успел все же прострелить ему легкие. Однако Колдуэлл убил и Маатука.

— Вы окружены! Сдавайтесь! — крикнул Хэйвиг.

— Иди… к дьяволу… предатель…

Снова рявкнул кольт.

Хэйвиг проскользнул во времени на минуту вперед, вышел из двери и выстрелил. Его пуля пробуравила воздух и разбила стекло на фотографии Шарлемана. Колдуэлл был мертв.

Во дворе послышались взрывы. Хэйвиг поспешил к Леонсе. Она оплела, зажала ногами нижнюю часто тела Уоллиса я пальцами рук давила на сонную артерию. Уоллис бил ее кулаками по рукам, но она давила и давила. Удары Сахэма все слабели, и вот руки его бессильно упали.

— Быстро! — простонала она. — Быстро! Хэйвиг достал из кармана наручники, тонкую цепочку и быстро приковал Уоллиса к ножке кровати.

— Он никуда не денется, если кто-нибудь не

освободит его. Ты будешь охранять его.

— И пропущу все самое интересное? — вскинулась она.

— Это приказ! — рявкнул Хэйвиг. Она бросила на него испепеляющий взгляд, но повиновалась. — Этот пленник — сердцевина всего плана. Я пришлю кого-нибудь сменить тебя, — сказал он и добавил про себя: — После боя.

Он ушел. Наложница тоже исчезла. Хэйвиг подумал, обрадовалась она неожиданному освобождению или огорчилась.

Наследующем этаже был балкон, с которого обозревался весь двор. Отсюда Сахэм произносил свои проповеди. Хэйвиг вышел на балкой и в бледном свете наступающего утра посмотрел вниз. Там царил хаос боя, слышались крики, стоны, выстрелы. Повсюду валялись мертвые, раненые, искалеченные. Шум боя оскорблял мирные небеса.

Не в силах понять общей картины боя, Хэйвиг достал бинокль. С его помощью он мог узнавать отдельных людей. Или трупы… да, Хуан Мендоза… и… о Боже, Джерри Дженнингс, которого он надеялся спасти…

Новый отряд его армии вынырнул из времени и вступил в бой. И внезапно на крепость опустился

парашютный десант его люди, выпрыгнувшие из самолета в двадцатом веке и приземлившиеся сейчас, в точно назначенный час, так как каждый из них был снабжен хронологом. Смятение в рядах воинов Ээрии было полнейшим. Они не ожидали нападения. К тому же они еще не отошли от празднования Нового года. А если добавить, что им противостояли воины, специально подготовленные для такой битвы, четко знающие свой маневр, победа Хэйвига была неизбежной.

Сейчас для Хэйвига главным было не дать уйти агентам Уоллиса. Он опустил бинокль, взял в руки микрофон передатчика и стал руководить боем.

— Ускользнуть удалось немногим, — рассказывал он мне потом. — Но и тех мы поймали позже. Ведь из регистрационных книг Уоллиса мы знали о них все, так что нам не составляло труда узнать, куда они могли скрыться. Никто из них не был суперменом. Все они были либо хлюпиками, поставленными Уоллисом выполнять работу клерков, либо воинами, тупоголовыми, суеверными и жестокими. Уоллис никогда не старался дать своим людям разностороннее образование. Он развивал в каждом только то, что хотел взять от него. Ведь если человек образован, он начина-

ет думать, начинает задавать лишние вопросы.

Следовательно, те, кто успел бежать от нас, не были высокоморальными людьми, и единственное, о чем они думали, это о спасении собственной шкуры. Я не думаю, что такие люди без денег, без образования смогут жить спокойно в любой эпохе цивилизованного мира. Нет, единственное, где они могли отсидеться, — так это среди диких племен. Там они смогут стать знахарями, прорицателями.

Во всяком случае, они кончат жизнь полезными членами общества.

— Так было покончено с Ээрией, — бархатистым голосом сытой тигрицы сказала Леонса.

— Да, в военном смысле, — быстро вступил ее муж. — Но работы предстояло много. Нам нужно было превратить всех пеонов Ээрии в свободных граждан. Фаза Два характеризуется тем, что мы уничтожили рабство. И наши агенты тоже стали самими собою, а не воинами. Они могли свободно посещать прошлое, но только для исследований и поиска новых членов нашего братства. И если для операций требовались деньги, мы добывали их посредством справедливого обмена ценностями.

Леонса ласково погладила его по щеке.

— Джек родился в сентиментальную эру, —

промурлыкала она.

Я нахмурился, желая понять все до конца.

— Подождите, — сказал я, — но перед вами стояла еще одна важная проблема — проблема пленников. Что вы сделали с ними!

Воспоминание об этом заставило Хэйвига нахмурить лоб.

— Да, трудно было найти правильное решение, — сказал он.

— Мы не могли освободить их. Не могли и расстрелять. А также не могла вечно держать их в заточении в секретной тюрьме.

Леонса поморщилась:

— Уж, лучше тогда быть расстрелянными.

— Так вот, — продолжил Хэйвиг. — Вы помните, я рассказывал о психопрепаратах, изобретенных в эру Маури? Мой друг Карело Кеадзиму боялся их. Человек, находящийся под действием такого наркотика, подвержен стойкому внушению. Он верит всему, что ему скажут. Абсолютно. Это становится частью его существа, его убеждением. Собственный мозг изобретет для него фальшивые обоснования для этого. Вы понимаете, что все это значит? Полнейшее промывание мозгов! Настолько полное, что жертва даже не будет подозревать, что когда-то у нее в голове было

что-то другое.

Я присвистнул.

— Боже, неужели ты привлек на свою сторону всех этих мясников?

Хэйвига передернуло:

— Нет. Я никогда бы не смог работать с бандой зомби. Ведь мне пришлось бы стереть из их памяти всю прошлую их жизнь и… нет, это непрактично. Кеадзиму устроил несколько моих парней в шкоды обучения психотехнологии, но все равно работа была слишком большая.

Он перевел дыхание, как бы собираясь с силами.

— Нет, мы просто уничтожили в наших пленниках веру в путешествия во времени. Им было сказано, что у них было помешательство, дьявольское наваждение — словом, то, что соответствовало времени. Теперь все кончено, они здоровы, но никогда не должны позволять себе даже думать об этом я должны вернуться к нормальной жизни.

Я улыбнулся.

— Ну что ж, надо призвать, что идея неплоха. Мне самому нередко приходится лгать пациентам.

— Но у нас было два исключения, док, — ска-

зала Леонса.

— Иди за мной, — сказал психотерапевт. Голос его был мягким. Одурманенный наркотиком, Калеб Уоллис ухватился за его руку. Они ушли, а Хэйвиг остался в томительном ожидании. Время текло очень медленно, но наконец психотехник сказал ему, что можно войти.

Пожалуй, самым удивительным для Хэйвига было то, что Уоллис прекрасно выглядел. Он величественно сидел за столом в своем кабинете, где были уже уничтожены следы сражения и пятна крови.

— Привет! — воскликнул он. — Добрый день, мой мальчик, добрый день! Садись. Нет, сначала налей нам. Ты знаешь, что я люблю.

Хэйвиг повиновался. Маленькие глазки внимательно следили за ним.

— Значит, ты вернулся с трудного задания? Тебя долго не было. Ты постарел. Я уверен, что ты прекрасно справился. Я еще не читал твоего отчета, но вот-вот соберусь. А пока давай выпьем. — Он поднял стакан. — За наше здоровье.

Хэйвиг заставил себя сделать глоток и опустился в кресло.

— Ты, несомненно, слышал, что я немного приболел, — продолжал Уоллис. — Что-то вроде

мозговой лихорадки. Сейчас уже все позади, и я решил, что мы должны сосредоточить все усилия на том, чтобы увеличивать наше могущество в нормальном времени. Что ты думаешь об этом?

— Мне это кажется мудрым решением, — прошептал Хэйвиг.

— Мое решение вызвано тем, что мы потеряли много людей, пока тебя не было. Сплошное невезение. Ты слышал? Остин Колдуэлл. И Вацлав Красицкий… Эй, ты побледнел. Тебе плохо?

— Да, сир. Просто устал… Я провел столько лет в прошлом…

Это Леонса нашла Красицкого, прикованного цепью, вытащила свой пистолет, сказала: «Ксения» и пристрелила его. Хэйвиг даже не испытал никакого сожаления по этому поводу.

— Я скоро приду в себя, сир.

— Прекрасно, прекрасно. Нам нужны такие люди, как ты. — Уоллис потер лоб и снова заговорил пронзительным голосом, в котором явственно слышалось недоумение: — Здесь так много людей. А все старые ушла. Куда? Я не знаю. Я смотрю с балкона и вижу только, незнакомых. Я знаю, что должен увидеть кого-то, кого зовут Хуан, Ганс… других… Но я не вижу их. Может, они мне приснились, когда я болел?

Он поежился, словно зимний ветер проник в этот кабинет, наполненный тропическим теплом.

— Теперь я очень часто чувствую себя одиноким, совсем одиноким в пространстве и времени…

Хэйвиг изобразил участие.

— Все, в чем вы нуждаетесь сейчас, сир, это в хорошем отдыхе. Вам нужно хорошенько отдохнуть. Могу предложить интересные места.

— Да, я думаю, ты прав. Я возьму отпуск… — Уоллис сделал глоток из стакана и взял сигару.

— После возвращения, сир, вам не следует так много работать. Главное сделано, все налажено и течет до намеченному руслу.

— Знаю, знаю…

— Теперь нам уже ненужно ваше постоянное руководства. У нас много компетентных людей, знающих, что и как делать. Теперь нам в основном нужен ваш гений предвидения, ваш стратегический дар, который позволяет определить фундаментальные направления.

Уоллис явно был доволен, хотя и пытался скрыть это. Он раскурил сигару.

— Я говорил об этом с офицерами, — продолжал Хэйвиг. — Они сказали, что уже обсуждали

это с вами. Сир, позвольте мне добавить кое-что к их просьбе. Мы считаем, что для вас нужно составить расписание для посещения будущего в разные моменты времени, где вы сможете посмотреть своими глазами, как идут дела, и дать соответствующие указания. Однако расписание будет составлено так, чтобы истратить как можно меньше вашей жизни. Она нужна для осуществления больших проектов.

— Да. Я и сам уже думал об этом, — закивал Уоллис. — Сначала, как ты сказал, хороший отдых, чтобы привести в порядок свои мысли и избавиться от головокружения. Затем… затем путешествие в будущее, выдача указаний, оценка перспектив… да, да, да…

— Великолепно! — воскликнул я. — Такая месть.

— Это была не месть, — сказал Хэйвиг, поджав губы.

— И как же он выглядел, вернувшись из путешествия?

— Меня тогда не было. Люди, которые сопровождали его, рассказывали мне, что представление удалось как нельзя лучше. Уоллис посетил настоящие потемкинские деревни — жизнь в них была организована, сделана именно такой, какой он ее

хотел видеть. А затем его перенесли в прошлое, в уютное местечко, которым был бы доволен сам Потемкин, известный сибарит, и там устроили ему настоящую оргию, чтобы облегчить конец…

Кулак Хэйвига стукнул по подлокотнику кресла.

— Так он и окончил свою жизнь. Он вскрикнул ночью, и затем его комната опустела. Видимо, он куда-то швырнул себя во времени, так как его искали в прошлом, и в будущем, но нигде не нашли.

Хэйвиг допил стакан. Я видал, что он нуждается в подкрепляющем, и предложил, еще.

Леонса погладила его по руке.

— Не казни себя, дорогой, — тихо сказала она. — Он не стоит этого.

— Скорее, я не стою, — хрипло ответил он. — Лучше не обсуждать этот вопрос.

— Я… я не понимаю. — Я не мог остаться без объяснений.

Леонса повернулась ко мне. Она мягко улыбнулась, как бы извиняясь за слабость и уязвимость ее мужчины; То, что она сказала, для нее было простым замечанием, не имеющим решительно никакого значения:

— Нам потом сказали, что умирающий мозг

освобождается от действия наркотика и Уоллис перед смертью вспомнил все, что было на самом деле…

ГЛАВА 16

31 октября 1971 года пришлось на воскресенье. Это значит, что завтра дети пойдут в школу. Глядя на детей, я вспомнил о своих детях, когда они были в том же возрасте, я о Кэйт. Я развел огонь в камине, приготовил свою любимую трубку, кружку с горячим сидром, поставил любимую пластинку Кэйт на проигрыватель я сел у огня, погрузившись в воспоминания. Мне было спокойно, и я был счастлив.

Однако этот день чем-то тревожил меня. Он был холодный, ветреный. Солнце сверкало в кристально чистом небе. Деревья стояли алые, бронзовые, желтые, четко вырисовываясь на фоне неба. Я вышел прогуляться.

На пешеходных дорожках Сенлака передо мной катились листья, догоняемые ветром. Они издавали звуки, подобные смеху, когда домохозяйки пытались сгрести их в кучу. За городом раскинулись поля, пустынные, темные, чего-то ждущие. Стаи ворон еще кружились над ними, зловеще каркая. Я сошел с шоссе и направился старой грязной дорогой, по которой автомобили ездили

редко. Эта дорога вела меня в лес Моргана.

Я шел по ней, пока не добрался до ручья. Здесь я долго стоял на мосту, глядя, как вода пробирается между камнями. Белка прыгала по своим владениям на дубе, которому было больше ста лет. Я прислушивался к звукам, окружавшим меня, вдыхал воздух, словно пил холодную жидкость, ощущал запахи сырой земли… я ни о чем конкретном не думал, не размышлял, я просто был здесь.

Наконец мои кости и тощая плоть напомнили мне о себе, и я направился домой. Горячив чай и трубка казались мне высшим блаженством. А потом я напишу Биллу и Джуди, что собираюсь этой зимой навестить их в Калифорнии.

Я не замечал автомобиля, стоявшего возле каштана, пока почти не наткнулся на него. И сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди. Может быть… Машина другая, но… Я совсем забыл о больных ногах и пустился бежать.

Джек и Леонса выбежали мне навстречу. Мы обнялись. Все трое сразу.

— Привет, привет, — бормотал я. — Почему вы не предупредили? Я бы приготовился.

— Все о'кей док, — ответил он. — Мы сидим и наслаждаемся.

Я отступил назад и осмотрел Хэйвига. Он похудел, глубокие морщины залегли по обеим сторонам рта и под глазами. Кожа была загорелая, но слишком сухая, в волосах уже появилась седина. Лет сорок с лишним, прикинул я. Значит, для него прошло десять лет с момента нашей последней встречи… Я повернулся к его жене. Высокая, гибкая, с такими же пышными формами… Да, прошедшие годы оставили на ней гораздо меньше следов, чем на Хэйвиге. Конечно, она же моложе него. И все же я заметил сеть мелких морщинок возле глаз и проблески серебра в бронзовой гриве волос.

— Все в порядке? — спросил я и вздрогнул, но не от холода. — Вы победили Ээрию?

— Да, да, — с торжеством ответила Леонса. Хэйвиг просто кивнул. Какая-то застылость ощущалась в нем. Но он все же обнял жену за талию, и я не думаю, что она могла бы оставаться счастливой, если бы чувствовала, что его что-то гнетет.

— Прекрасно! — воскликнул я. — Заходите в дом.

— Выпить чаю? — засмеялась она.

— О Боже, нет. Такой случай требует аквавита Альборга и пива от Карлсберга и Гленливета. Я позвоню Свенсону, закажу хороший обед и…

сколько вы сможете пробыть у меня?

— Боюсь, не очень долго, — сказал Хэйвиг. — Самое большее, день или два. У нас впереди еще много дел…

Их рассказ занял несколько часов. Солнечный закат уже окрасил золотом западную часть неба, деревья, крыши соседних домов, когда до меня дошла общая схема событий. Ветер стучался в окна. Хотя в доме было еще тепло, я почувствовал, что пора подложить в камин дров. Я хотел встать, но Леонса сказала, что этим она займется сама. Руки ее еще не забыли искусства обращения с деревом, и на нее приятно было смотреть. Приятно было и то, что, несмотря на все те ужасы, о которых я услышал, взгляд Хэйвига с любовью следил за Леонсой.

— Плохо то, что ты не смог предотвратить основания Ээрии, — сказала.

— Да, этого мы не смогли, — ответил Хэйвиг. — Но я не уверен, что это плохо. Разве мог бы такой человек, как я, принять жесткое решение? Нет, я все время надеялся бы на что-то, что изменит все к лучшему. Разве я стал бы создавать организацию для специальной цели, если бы не… — Он замолчал.

— Ксения, — пробормотала — Да, конечно.

Леонса посмотрела на нас и сказала:

— Даже Ксения не смогла нарушить баланс. Крестоносцы не убили ее, она спаслась и прожила еще девять лет. — Она улыбнулась, — И пять из них с Джеком. Да, она получила больше счастья, чем я думала.

Так как Хэйвиг молчал, я понял, что рана его залечилась. Шрам, конечно, остался, но душа уже не болела. Так всегда бывает, если у человека здоровы тело и дух.

— Хорошо, — сказал я, стараясь уйти от печальной темы. — Вы собрали вместе себе подобных, уничтожили зло, восстановили добро. Значит, теперь я принимаю у себя короля и королеву?

— Что?! — Хэйвиг удивленно вскинул брови. — Мы не король и королева.

— Разве вы не правите там, в будущем?

— Пока. Кто-то должен править. Но с нами сотрудничают мудрейшие, кого мы смогли найти, — и не обязательно путешественники во времени. Мы делаем все, чтобы превратить военное общество в свободную республику.

Леонса шевелила поленья в камине, и они потрескивали, зажигая искры в ее глазах.

— Я не понимаю, — сказал я уже в который раз за сегодня.

Хэйвиг подыскивал слова.

— Док, — сказал он наконец, — когда мы уйдем отсюда, вы никогда больше не увидите нас.

Я сидел спокойно. Солнце уже ушло за горизонт. Наступил вечер.

Леонса подбежала ко мне, обняла поцеловала. Меня окружил свежий аромат ее волос, к которому примешивался запах дыма.

— Нет док! — воскликнула она. — Это вовсе не значит, что вы скоро умрете!

— Я не хочу… — начал я.

— А-а… — В ней заговорило простодушие девушки варварского племени. — Вы хотите сказать, что не желаете знать даты своей смерти. Мы и не собираемся говорить этого, но, черт побери, у вас впереди еще много времени.

— Дело в том, — как всегда точно объяснил Хэйвиг, — что мы, я и Леонса, покидаем Землю. Сомневаюсь, что мы вернемся.

— Что хорошего в путешествиях во времени? — спросил он, когда мы приобрели способность обсуждать дела.

— Но… — промямлил я.

— Контроль исторического развития? Неужели вы верите, что горстка людей способна делать это? Уоллис верил, но вы-то, надеюсь, нет? И не

верите, что мы должны делать это.

— Но… история… археология…

— Согласен, знания — вещь важная в нужная. Но судьбу предвидеть нельзя. Это смерть надежд. Однако, получив знания, разве может человек остановиться, оставить их при себе. Неужели он не захочет использовать их?

— Зависит от результата, Джек.

Леонса, сидевшая рядом с ним, шевельнулась, и по стене запрыгали тени от пляшущего огня в камине.

— Для нас, — сказал он, — результат ведет к звездам. Вот чем хороши путешествия во времени.

Он улыбнулся. Но виду он был спокоен, но в голосе его прорывались звенящие нотки.

— Почему, вы думаете, мы решили завершить Фазу Два, как мы ее называем. Полярис-Хауз? Я уже сказал, что мы не собиралась править миром. Нет, Полярис-Хауз предназначен для исследований и разработок. Его работа будет завершена, когда будут готовы первые корабли.

— И они будут! — воскликнула Леонса. — Мы видели!

Страсть овладела Хэйвигом. Пальцы его стиснули стакан, о котором он совсем забыл, и он горячо

заговорил:

— Я еще не изучил все технические и научные детали. Именно поэтому нам нужно в будущее. Физики говорят о математическом эквиваленте путешествия в прошлое и о возможности летать со сверхсветовой скоростью. Они надеются разработать теорию, которая поможет создать такой корабль. Может, у них это получится, а может, и нет. Я знаю, что в Полярис-Хаузе это не получится. Но, может, выйдет в далеком будущем или на другой планете, вращающейся вокруг другого солнца. Но это не меняет деда. Корабль может лететь и с небольшой скоростью, если команда состоит из путешественников. Вы понимаете меня? Путешествие может длиться столетиями. Но для нас путешествие в будущее, даже если мы перемещаемся в пространстве, занимает минуты, часы… Наши дети будут иными. Но они будут там! Мы начнем для человечества путь в бесконечность!

Я посмотрел в окно. Созвездия прятались в облачном небе.

— Понимаю, — медленно сказал я. — Грандиозные, планы.

— И необходимые, — добавил Хэйвиг. — А без нас и без вашего главного врага это никогда не

могло быть сделано. Маури могли бы собрать необходимые ресурсы для межпланетных путешествий, во они не сделали этого. Их запрещение разрабатывать энергетические установки сначала было жизненно необходимым для спасения Земли, но затем, как это всегда бывает, этот закон стал тормозом на пути прогресса. Несомненно, культура, которая последует за Маури, не будет способна подняться к звездам.

— А мы поднимемся! — экзальтированно воскликнула Леонса.

— Звездные Хозяева — наша раса!

— И спасители жизни на Земле, — добавил Хэйвиг. — Ведь цивилизация, которая сейчас владеет Землей, подходит к концу. И спасение придет только извне. Вселенная неизмеримо больше, чем любое воображение может себе ее представить.

— Насколько я понимаю, звездные пришельцы вдохнут жизнь в Землю, — сказал я неуверенна.

— О да, да! Причем более в идейном смысле, чем в смысле материальных благ. Опыт существ, рожденных в самых разных местах Вселенной, дает человечеству новый импульс. Особенно это коснется философов, мистиков. Я не знаю, К чему приведет единение с внеземными цивилизаци-

ями. Может быть, к новому, высшему состоянию души? Но я верю, что конец будет счастливым, и именно для этого мы, путешественники во времени, и рождены.

Леонса легко тронула его за плечо:

— Джек, ты заболтался и ударился в слишком высокие материи. Кончай свои пророчества, милый, и обрати внимание на свой стакан.

— И вы оба намереваетесь быть среди первых исследователей?

— Мы имеем на это право, — сказала она.

— Простите, это не мое дело, но ваши дети не смогут унаследовать ваш дар.

Лицо ее стало серьезным.

— Может, мы найдем Новую Землю, чтобы вырастить их. Все-таки мы еще не так стары. — Она посмотрела на острый профиль мужа. — А может, мы будем скитаться по Вселенной, пока не умрем.

Наступила тишина. Я встал с кресла, чтобы открыть дверь, куда постучали. На пороге стояли три маленькие фигурки — клоун, медведь и астронавт — с бумажными пакетами в руках. Они запели старинную песенку, которую пели до них миллионы ряженых.

Прошел год с тех пор, как Джек Хэйвиг и Леонса

из Вахорна распрощались со мной, Я часто думаю о них. Разумеется, обычная суета наполняет мои дни, но и среди нее я всегда нахожу час вспомнить о них. Они могут быть сейчас в любом месте планеты, предающиеся отчаянию или торжествующие. Ведь именно сейчас происходит все то, о чем они рассказывали мне. Но мы никогда не встретимся больше. Конец их жизни безмерно далек от момента моей смерти.

Что ж, такова жизнь человека. И Земли в космосе. Но я так хочу, много чего хочу. Я хочу, чтобы они были счастливы и свободны в это лето, которое для них уже прошлое. Чтобы они заехали ко мне и мы бы вместе купались в озере, гуляли в лесу. Однако они наверняка захотели бы увидеться с Элинор, его матерью, в один из тех моментов, когда он был уверен, что находится в безопасности. Он сказал ей… что? Она никогда не говорила мне.

Я хотел бы, чтобы он ответил на вопрос, который давно мучит меня.

Как появилась раса путешественников во времени?

Мы с ним предположили уже, что знаем, зачем. Но мы не задавались вопросом, кто или что почувствовал необходимость в них и создал эту расу.

Случайная, бессмысленная мутация? Тогда любопытно, что после Хэйвига в будущем Ээрии не родился ни один путешественник. По правде говоря, когда они сделали свое дело и освободили человечество, открыв ему вечность, они стали не нужны. Их знание будущего стало лишним, никому ненужным, даже до некоторой степени вредным. Но кто решил все это? Кто формирует реальность, в которой мы живем? Я недавно читал труд по экспериментальной генетике. Вероятно, можно создать вирус, который будет переносить гены от одного живого существа к другому, причем это будут не обязательно существа одного вида. А природа, может быть, уже умеет это делать, и вполне возможно, что мы несем в себе гены тех живых существ, которых никогда не числили в своих предках. Хорошо, если это правда. Мне нравится чувствовать себя родственником всего живого.

Но не может ли быть создан вирус, который переносит эту странную способность — путешествовать во времени? Может быть, он давно создан в будущем и им засеяны отдельные прошлые эпохи? Засеяны людьми, пришедшими из невообразимо далекого будущего.

Почти каждый вечер я брожу по городу, стою

под высокими осенними звездами, смотри вверх и думаю… думаю…